

ISSN 2410-4205 (print)
ISSN 2949-2866 (online)

HISTORY: FACTS AND SYMBOLS

Bunin Yelets State University
Vol.48 | 2026 | № 3

ISSN 2410-4205 (print)
ISSN 2949-2866 (online)

HISTORY:

FACTS AND SYMBOLS

Istoriya: fakty i simvoly

Vol. 48 / 2026 / № 3

DOI: 10.24888/2410-4205-2026-48-3

<https://history-fas.ru/>

Журнал основан в 2007 г. под названием Вестник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. Серия "История". В 2012-2014 гг. журнал назывался «Запад-Россия-Восток: Археология. История. Философия. Юриспруденция».

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина» (399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, 1).

Типография: Отдел издательской деятельности ЕГУ им. И.А. Бунина. 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, 1.

Выходит 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Зарегистрировано Роскомнадзором, регистрационный номер: ПИ № ФС77-59752 от 7 ноября 2014.

Префикс DOI: 10.24888

Тираж журнала – 1000 экз.

«История: факты и символы» – рецензируемый научный журнал, сферой интересов которого являются исследования в области истории повседневности, истории, культурологии. Цель журнала – расширить представления о достижениях российской исторической науке в мировом пространстве. Редакционная политика журнала базируется на традиционных научно-этических принципах и подходах, выработанных отечественными мировым научным сообществом. Издание представлено научными работами аналитического, научно-исследовательского и научно-методического характера. Целевая аудитория журнала: мировое сообщество ученых-историков, преподаватели вузов, учителя, студенты, аспиранты и все интересующиеся вопросами исторической науки и смежных с ней дисциплин. Миссия журнала – синтез традиционных представлений об исторической науке, которые в силу обстоятельств еще довольно сильны в России, и новых направлений, разрабатываемых в русле исторической антропологии. Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. К публикации принимаются статьи на английском и русском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте журнала и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: <https://history-fas.ru/>

The journal was founded in 2007 under the name Bulletin of the Yelets State University. Series "History". In 2012-2014 the publication was called "West-Russia-East: Archeology. Story. Philosophy. Jurisprudence".

Подписка на журнал осуществляется по каталогу «Пресса России»

Подписной индекс издания Ф64989

Цена свободная

Дата выхода в свет 10.09.2026

Founder and publisher: Bunin Yelets State University named

Printing house: Bunin YSU Publishing Department 399770, Lipetsk region, Yelets, st. Kommunarov, 28, 1. It is published 4 times a year (March, June, September, December)

Roskomnadzor registration certificate

PI No. ФС77-59752 dated November 7, 2014.

DOI prefix: 10.24888

The journal circulation is 1000 copies.

"History: Facts and Symbols" is a peer-reviewed academic journal, whose area of interest is advanced research in the field of the history of everyday life, history, cultural studies. The target of the journal is to expand the understanding of the achievements of Russian historical studies in the world. The editorial policy of the journal is based on traditional academic and ethical principles and approaches. The publication is represented by works of an analytical, research and methodological nature in various fields of historical studies, which are fundamental, applied and innovative. The target audience of the journal is the world community of historians, university professors, teachers, students, graduate students and all those interested in the issues of historical studies and related disciplines. The mission of the journal is a synthesis of traditional ideas about historical studies, which, due to circumstances, are still quite strong in Russia, and new directions developed in line with historical anthropology. Our task is to study a set of human cognitive and mental mechanisms from different eras. The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals in which the main academic results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences should be published. Articles in English and Russian are accepted for publication. The full-text version of the journal is freely available on the journal's website and is hosted on the platform of the Russian Science Citation Index (RSCI) of the Russian Universal Scientific Library. Full information about the journal and the rules for preparing articles are available on the website: <https://history-fas.ru/>

Subscription to the journal is carried out according to the catalog "Press of Russia"

Subscription index of the publication Ф64989

Free price

Publication date 10.09.2026

Адрес редакции: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 399770 Липецкая обл., г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28, 1, тел. - 8 47467 60237
e-mail: nauka@elsu.ru

Право на оригинал-макет и оформление принадлежит журналу, авторское право на статьи – авторам.

Условия использования материалов журнала
Пользователи соглашаются использовать материалы журнала исключительно в законных целях, в пределах, установленных законодательством Российской Федерации, не нарушая и не ограничивая права третьих лиц и не препятствуя использованию третьими лицами данного сайта в полном объеме. Все права на материалы, размещенные на страницах журнала и на сайте, принадлежат Федеральному государственному бюджетному учреждению Высшего образования «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».

Editorial Boards address: Bunin Yelets State University, 28, 1 Kommunarov st., Yelets, Lipetsk region, 399770, tel - 8 47467 60237
e-mail: nauka@elsu.ru

The right to the original layout and design belongs to the journal, the copyright to the articles belongs to the authors.

Terms of use of journal materials

Users agree to use the materials of the journal solely for lawful purposes, within the limits established by the legislation of the Russian Federation, without violating or restricting the rights of third parties and without preventing third parties from using this site in full. All rights to the materials posted on the pages of the journal and on the website belong to the Federal State Budgetary Institution of Higher Education "Bunin Yelets State University", unless another copyright holder is indicated in the imprint of the material itself.

Главный редактор: Д.А. Ляпин (ЕГУ им. И.А. Бунина).

Редакционный совет: П.И. Гайденоко (МГТУ им. Н.Э. Баумана), В.Н. Глазьев (ВГУ), В.В. Канищев (ТГУ им. Г.Р. Державина), Н.А. Плавинский (БГУ), Д.А. Редин (УрФУ), Б.У. Серазетдинов (ИРИ РАН), Н.В. Чернышева (ФНИСЦ РАН).

Редакционная коллегия: А.В. Гладышев (СНИГУ им. Н.Г. Чернышевского), В.И. Горбачев (Новая Зеландия, Веллингтон, Университет Королевы Виктории), Н.Н. Грибов (Институт археологии РАН), Н.А. Жиров (ЕГУ им. И.А. Бунина), О.В. Клевцова (ЕГУ им. И.А. Бунина), И.В. Крючков (СКФУ), В.П. Николашин (ТГУ им. Г.Р. Державина), Н.Н. Петрухинцев (РТУ МИРЭА), Д.В. Сень (ЮФУ), Н.А. Тропин (ЕГУ им. И.А. Бунина), А.А. Чубур (РАЕ), Б.Л. Шапиро (РГГУ).

Журнал «История: факты и символы» входит в Перечень рецензируемых научных изданий **ВАК** (K2), включен в ЕГПНИ («Белый список», уровень 3), в международные реферативные база данных научных материалов (ERIH PLUS, Berkeley, Mendeley, Scilit), а также доступен под международной лицензией открытого доступа Creative Commons.

Editor-in-Chief – Denis A. Lyapin (Russia, Bunin YSU).

Editorial Council: Pavel I. Gaidenko (Bauman Moscow State Technical University), Vladimir N. Glazyev (VSU), Vladimir V. Kanishchev (Derzhavin TSU), Nikolay A. Plavinsky (Minsk, BSU), Dmitry A. Redin (UrFU), Boris U. Serazetdinov (Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences); Natalia V. Chernysheva (Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences).

Editorial board: Andrey V. Gladyshev (Chernyshevsky SNIGU), Valentin I. Gorbachev (Victoria University of Wellington); Nikolay N. Gribov (Institute of Archeology RAS), Nikolay A. Zhiron (Bunin YSU), Oksana V. Klevtsova (Bunin YSU), Igor V. Kryuchkov (NCFU), Vadim P. Nikolashin (Derzhavin TSU), Nikolay N. Petrukhintsev (MIREA – Russian Technological University), Dmitry V. Sen (Russia, SFU), Nikolay A. Tropin (Bunin YSU), Artur A. Chubur (Russian Academy of Natural Sciences), Bella L. Shapiro (RSUH).

The scientific journal “**History: Facts and Symbols**” is included in the List of peer-reviewed scientific publications of the **Higher Attestation Commission** (K2), is included in the **Unified State Register of Scientific Research** ("White List", level 3), in international abstract databases of scientific materials (ERIH PLUS, Berkeley, Mendeley, Scilit), and is also available under the international open access license Creative Commons.

© «История: факты и символы» (Оригинал-макет и оформление) /
"History: facts and symbols" (Original layout and design), 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

<i>Амбарцумян К.Р., Романова Н.В. (Ставрополь)</i>	НОРМЫ И ДЕВИАЦИИ ЖЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ 1920 – 1930-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ГОРОДА СТАВРО- ПОЛЯ).....	8
<i>Белова Ю.А. (Тамбов)</i>	ПРАКТИКИ САНИТАРНОГО КОНТРОЛЯ В ТАМБОВЕ XIX – НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ: УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ И ПОЛИЦЕЙСКИЙ АСПЕКТЫ.....	23
<i>Ботикова В.А. (Воронеж)</i>	ОСОБЕННОСТИ СБОРА РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ СВЕДЕ- НИЙ НА ПРИМЕРЕ ПОВСЕДНЕВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННО-МОРСКОГО АГЕНТА В.Н. ФИЛИППОВА В КОНСТАНТИНОПОЛЕ.....	33
<i>Девятков С.В., Жилев В.И., Невежин В.А. (Москва)</i>	ОТПУСК БЕЗ ОТДЫХА: ЭПИЗОД ИЗ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ И.В. СТАЛИНА (АВГУСТ 1940 Г.)	40
<i>Коробицына Л.В. (Москва)</i>	ВАНДАЛИЗМ И ЦЕРКОВНЫЕ КРАЖИ В РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ XIX ВЕКА.....	52
<i>Салимгареев М.В. (Казань)</i>	АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В СОВЕТСКОЙ ФИЗКУЛЬТУРЕ 1920-1930-х ГГ.: КОНСТРУИРОВАНИЕ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА» И ВИТАГЕННАЯ МОРАЛЬ.....	60

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

<i>Завитаева А.Ю. (Воронеж)</i>	ПАЙЦЫ КАК ПРЕДМЕТ ПОЖАЛОВАНИЯ И МАРКЕР СТАТУСА ПО ДАННЫМ «ЮАНЬ ШИ»	72
-------------------------------------	---	----

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ПРОШЛОГО

<i>Бахтин В.В., (Воронеж) Морозов А.И. (Белгород)</i>	РЕПРЕССИИ ПРОТИВ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ И МОНАШЕСТВУЮЩИХ В 1937 ГОДУ В ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ АРХИВНО-СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА П-25580).	80
<i>Бусарев И.А. (Москва)</i>	ДЕТИ БОЯРСКИЕ РЯЗАНСКОГО АРХИЕПИСКОПА В СЕЛЕ КНЯЗЕВО ЗАЙМИЩЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА.....	93
<i>Ермакова О.К. (Екатеринбург)</i>	«КРЮЙСОВСКИЙ НАБОР»: ПРОЦЕДУРА НАЙМА ИНО- ЗЕМЦЕВ НА РУССКУЮ ВОЕННО-МОРСКУЮ СЛУЖБУ В 1698 Г.	110

<i>Ипполитов В.А., Якимов К.А. (Тамбов)</i>	НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА ПОКОЛЕНИЯ «РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРЕЛОМА» В РОССИЙСКОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ НАЧАЛА XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦЕВ).....	120
<i>Кудланов К.Б., (Курск, Елец)</i>	«ЗОЛОТОЙ ВЕК» ОДНОДВОРЦЕВ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В УСАДЕБНОЙ СРЕДЕ ЮГА ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА.....	135

ПОЧВА КАК ФАКТОР ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

<i>Логунова Н.В. (Елец)</i>	СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ПОМЕЩИЧЬИХ УСАДЕБ ВЕРХНЕГО ПОДОНЬЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ОТПИСНЫХ КНИГ).....	152
---------------------------------	---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ: ДИСКУССИИ И ПРОБЛЕМЫ

<i>Гайденко П.И. (Москва)</i>	«СОВСЕМ ДРУГАЯ ИСТОРИЯ»: ОБРАЗЫ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ В ТАМБОВЕ 40-90-х ГГ. XX В. ОТЗЫВ О МОНОГРАФИИ С. А. ЧЕБОТАРЁВА «БЕСПОКОЙНЫЕ ЛЮДИ. ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ НЕПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ СССР». ТАМБОВ: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ДЕРЖАВИНСКИЙ», 2025. 448 с.....	166
<i>Кулачков В.В., Гладченкова С.В. (Брянск)</i>	«УЧЕНИЕ – СВЕТ, А НЕУЧЕНИЕ – ТЬМА»: О КНИГЕ О.В. КЛЕВЦОВОЙ, Н.А. ЖИРОВА «СЕЛЬСКОЕ НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.». – ЕЛЕЦ: ФГБОУ ВО «ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И.А. БУНИНА», 2024. – 195 с.....	171
<i>Ливенцев Д.В. (Воронеж)</i>	О МОНОГРАФИИ М.В. ВОЛЬСКОГО «ИСТОРИЯ ТЮРЕМНОЙ СЛУЖБЫ РОССИИ. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ОРГАНИЗАЦИИ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РОССИЙСКОГО ТЮРЕМНОГО ВЕДОМСТВА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.» (ВОРОНЕЖ: ИЗДАТЕЛЬСТВО ФГБОУ ВО ВОРОНЕЖСКИЙ ГАУ, 2025. 178 с.).....	176
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ		181

CONTENTS

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

<i>Ambartsumyan K.R., Romanova N.V. (Stavropol)</i>	NORMS AND DEVIATIONS OF WOMEN'S EVERYDAY LIFE UNDER THE CONDITIONS OF SOVIET SOCIAL POLICY OF THE 1920S–1930S (BASED ON THE CITY OF STAVROPOL).....	8
<i>Belova Yu.A. (Tambov)</i>	SANITARY CONTROL PRACTICES IN TAMBOV IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES: MANAGERIAL AND POLICE ASPECTS.....	23
<i>Botikova V.A. (Voronezh)</i>	HARACTERISTICS OF INTELLIGENCE COLLECTION USING THE EVERYDAY ACTIVITIES OF NAVAL AGENT V.N. FILIPPOV IN CONSTANTINOPLE.....	33
<i>Devyatov S.V., Zhilyaev V.I., Nevezhin V.A. (Moscow)</i>	VACATION WITHOUT REST: AN EPISODE FROM THE DAILY LIFE OF I.V. STALIN (AUGUST 1940)	40
<i>Korobitsyna L.V. (Moscow)</i>	VANDALISM AND CHURCH THEFT IN THE RUSSIAN PROVINCE OF THE 19TH CENTURY.....	52
<i>Salimgareev M.V. (Kazan)</i>	ANTHROPOLOGICAL TURN IN SOVIET PHYSICAL EDUCATION OF THE 1920S-1930S: CONSTRUCTING THE "NEW MAN" AND VITAGENIC MORALITY.....	60

INTELLECTUAL CULTURE OF THE HISTORICAL EPOCH

<i>Zavitaeva A.Yu. (Voronezh)</i>	PAI ZI AS AN AWARD OBJECT AND STATUS MARKER ACCORDING TO THE "YUAN SHI" DATA	72
---------------------------------------	--	----

AN INTEGRATED APPROACH TO THE STUDY OF THE PAST

<i>Bakhtin V.V., (Voronezh) Morozov A.I. (Belgorod) Busarev I.A. (Moscow)</i>	REPRESSIONS AGAINST CLERGY AND MONASTS IN 1937 IN THE VORONEZH REGION (BASED ON ARCHIVAL-INVESTIGATIVE CASE P-25580).....	80
	CHILDREN OF THE RYAZAN ARCHBISHOP'S BOYARS IN THE VILLAGE OF KNYAZEVO ZAIMISCHE IN THE FIRST HALF OF THE 17TH CENTURY.....	93
<i>Ermakova O.K. (Ekaterinburg)</i>	"KRUYS RECRUITMENT": THE PROCEDURE FOR HIRING FOREIGNERS FOR THE RUSSIAN NAVAL SERVICE IN 1698.....	110

<i>Ippolitov V.A., Yakimov K.A. (Tambov)</i>	NATIONAL MINORITIES OF THE "REVOLUTIONARY TURNING POINT" GENERATION IN THE RUSSIAN REVOLUTIONARY MOVEMENT OF THE EARLY 20TH CENTURY (BASED ON THE MATERIALS OF THE ALL-UNION SOCIETY OF POLITICAL CONVICTS AND EXILED SETTLERS SOCIO-DEMOGRAPHIC PROCESSES).....	120
<i>Kudlanov K.B. (Kursk, Yelets)</i>	"GOLDEN AGE" OF ONE-COURTLAND OWNERS: ECONOMIC POTENTIAL AND SOCIAL STRATIFICATION IN THE ESTATE ENVIRONMENT OF THE SOUTH OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGION IN THE MID-18TH CENTURY.....	135
SOIL AS A FACTOR IN THE HISTORICAL DYNAMICS OF SOCIO-DEMOGRAPHIC PROCESSES		
<i>Logunova N.V. (Yelets)</i>	SOCIAL STRUCTURE OF THE POPULATION OF LANDLORD'S ESTATES IN THE UPPER DON REGION IN THE FIRST QUARTER OF THE 18TH CENTURY (BASED ON MATERIALS FROM SUBSCRIPTION BOOK).....	152
SCIENTIFIC LIFE: DISCUSSIONS AND PROBLEMS		
<i>Gaidenko, P.I. (Moscow)</i>	"A COMPLETELY DIFFERENT HISTORY": IMAGES OF CHURCH LIFE IN TAMBOV IN THE 1940s-1990s. REVIEW OF S.A. CHEBOTAREV'S MONOGRAPH "RESTLESS PEOPLE. PROVINCIAL STORIES OF NON-PROVINCIAL RELIGIOUS LIFE IN THE USSR." TAMBOV: DERZHAVINSKY PUBLISHING HOUSE, 2025. 448 P.....	166
<i>Kulachkov V.V., Gladchenkova S.V. (Bryansk)</i>	LEARNING IS LIGHT, AND IGNORANCE IS DARKNESS": ON THE BOOK BY O.V. KLEVTSOVA AND N.A. ZHIROV. RURAL PRIMARY EDUCATION IN ORYOL PROVINCE IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES. - YELETS: FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION "YELETS STATE UNIVERSITY NAMED AFTER I.A. BUNIN", 2024. 195 P.....	171
<i>Liventsev D.V. (Voronezh)</i>	ON THE MONOGRAPH BY M.V. VOLSKY "HISTORY OF THE PRISON SERVICE OF RUSSIA". STATE ACTIVITIES IN ORGANIZING STAFFING FOR THE RUSSIAN PRISON SERVICE IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES (VORONEZH: PUBLISHING HOUSE OF THE FSBEI HE VORONEZH STATE AGRARIAN UNIVERSITY, 2025. 178 P.).....	176
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS		181

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ / ORIGINAL ARTICLES

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ / HISTORY OF EVERYDAY LIFE

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-8-22>
УДК 94(470.63)

НОРМЫ И ДЕВИАЦИИ ЖЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ 1920 – 1930-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ГОРОДА СТАВРОПОЛЯ)

*К.Р. Амбарцумян**

Н.В. Романова

*Северо-Кавказский федеральный университет
355017, ул. Пушкина, 1, Ставрополь*

Аннотация.

Введение. Советская модернизация ставила задачу кардинально реформировать социальную сферу, и соответственно, трансформировалась повседневная жизнь. В исследовании авторы ставят целью показать влияние социальной политики в сфере норм и девиации повседневности городской жительницы на примере Ставрополя в 1920 – 1930-е гг. В центре внимания – трансформация положения женщины, в том числе изменения реалий материнства, и условий ее жизни в контексте попыток власти разрушить патриархальный уклад и реализовать проект «новой женщины». Идеологические постулаты, предполагающие «дефамилизацию», вступали в противоречие с реалиями губернского города. Влияла инерция дореволюционного прошлого, а также разруха послевоенной и послереволюционной жизни. Сам по себе официальный дискурс не отличался последовательностью. Все вместе порождало адаптационные стратегии среди женщин и разрыв между риторикой власти и реальной повседневностью. **Материалы и методы.** В основе исследования лежит подход новой локальной истории, которая вписывает провинциальных обывателей в масштабные исторические трансформации, выявляет типичное и уникальное в жизни ставропольских горожанок. Источниковую базу сформировали документы ставропольских архивов (ГАСК и ГАНИСК), нормативно-правовые акты советской власти и тексты большевистских лидеров (В.И. Ленина и А.М. Коллонтай). **Результаты.** В 1920-е гг. в Ставрополе была развернута сеть учреждений для поддержки матерей. Работа тормозилась по причине дефицита кадров и финансов. Даже в 1936 г. родильное отделение при городской больнице не имело необходимых условий и материалов. Одной из сторон, определивших статус женщины и ее повседневность, была политика в отношении аборт. Их легализация в 1920-м гг. снизила женскую смертность, а запрет в 1936 г., как показала практика, соблюдался плохо.росло количество криминальных абортов. Число поступлений в больницу с их последствиями возросло. В условиях слабой индустриализации города Ставрополя сохранялся патриархальный уклад. Уникальность Ставрополя, влияние сельского уклада, выразилась в колхозном строительстве в границах города. Этот процесс имел гендерное измерение, так как женщины не хотели идти в артель. Девиация дореволюционного Ставрополя в виде проституции сохранялась и в советское время. Главным образом, в 1920-е гг. Профилактические и каратель-

ные меры долго не устраняли данное явление, безработица и нужда способствовали его сохранению. **Заключение.** Сделан вывод о том, что Ставрополь демонстрировал на уровне повседневности компромисс между большевистским проектом «новой женщины», инерцией традиции и необходимостью решать практические задачи по выживанию в условиях сложной советской модернизации. Это требовало от женщины выполнять традиционную функцию материнства и активно вовлекаться в общественное производство.

Ключевые слова: история повседневности, социальная политика, «новая женщина», материнства и детство, социальные нормы, социальные девиации, новая локальная история.

* Ответственный автор

Для цитирования: Амбарцумян К.Р., Романова Н.В. (2026). Нормы и девиации женской повседневности в условиях советской социальной политики 1920 – 1930-х гг. (на материалах города Ставрополя) // История: факты и символы. 2026. № 3 (48). С. 8-22 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-8-22

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (№ 24-18-20073), <https://rscf.ru/project/24-18-20073/>

Статья поступила: 11.03.2026

Статья принята в печать: 12.05.2026

Статья опубликована: 10.09.2026

© Амбарцумян К., Романова Н., 2026.

NORMS AND DEVIATIONS OF WOMEN'S EVERYDAY LIFE UNDER THE CONDITIONS OF SOVIET SOCIAL POLICY OF THE 1920S AND 1930S (BASED ON MATERIALS FROM THE CITY OF STAVROPOL)

*K.R. Ambartsumyan**

N. V. Romanova

*North-Caucasus Federal University,
st. Pushkin, building 1, Stavropol, 355017*

Abstract

Introduction. Soviet modernization set the goal of radically reforming the social sphere, and, accordingly, everyday life was transformed. In this paper, the authors aim to demonstrate the influence of social policy on the norms and deviations of everyday urban life, using Stavropol in the 1920s and 1930s as an example. The focus is on the transformation of women's status, including the changing realities of motherhood and their living conditions, in the context of the authorities' attempts to dismantle the patriarchal order and implement the "new woman" project. Ideological postulates that envisioned "defamiliarization" clashed with the realities of a provincial town. The inertia of the pre-revolutionary past, as well as the devastation of post-war and post-revolutionary life, also played a role. Official discourse itself was inconsistent. All of this combined gave rise to adaptation strategies among women and a gap between the rhetoric of power and the reality of everyday life. **Materials and methods.** The study is based on a new local history approach that places provincial residents within large-scale historical transformations and identifies both the typical and the unique in the lives of Stavropol women. The source base consists of documents from Stavropol archives (GASK and GANISK), legal acts of the Soviet government, and texts by Bolshevik leaders (V.I. Lenin and A.M. Kollontai). **Results.** In the 1920s, a network of institutions to support mothers was established in Stavropol. Work was hampered by staffing and funding shortages. Even in 1936, the maternity ward at the city hospital lacked the necessary facilities and materials. Abortion policy was one of the factors that determined women's status and their daily lives. Legalization in 1920 reduced female mortality, while the ban in 1936, as practice showed, was poorly enforced. The number of illegal abortions increased, and the number of hospital admissions with complications from abortions increased. Despite

the weak industrialization of Stavropol, a patriarchal structure persisted. The uniqueness of Stavropol, the influence of its rural structure, was reflected in the development of collective farms within the city limits. This process had a gender dimension, as women were reluctant to join cooperatives. Prostitution, a deviation from pre-revolutionary Stavropol, persisted into Soviet times, particularly in the 1920s. Preventive and punitive measures did not eliminate this phenomenon for a long time; unemployment and poverty contributed to its preservation. **Conclusion.** It is concluded that Stavropol demonstrated, on a daily level, a compromise between the Bolshevik project of a "new woman," the inertia of tradition, and the need to address the practical challenges of survival in the face of complex Soviet modernization. This required women to fulfill the traditional role of motherhood and actively engage in social production.

Keywords: history of everyday life, social policy, "new woman", motherhood and childhood, social norms, social deviations, new local history.

* Responsible author

For citation: Ambartsumyan K.R., Romanova N.V. (2026) Norms and deviations of women's everyday life under the conditions of soviet social policy of the 1920s and 1930s (based on materials from the city of Stavropol) In *History: facts and symbols*, 3 (48), 8-22 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-8-22

Acknowledgments: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (No. 24-18-20073), <https://rscf.ru/project/24-18-20073/>

Received: 11.03.2026

Revised: 12.05.2026

Published: 10.09.2026

© Ambartsumyan K., Romanova N., 2026.

1. Введение

Социальное проектирование нового социалистического общества, проводимое советским государством, предполагало формирование совершенно новых форм существования социума, отмирание старых традиций и конструирование особого социально-экономического базиса. Одним из оплотов демонтируемого прошлого была семья, а положение женщины в ней (статус и повседневная жизнь) маркировало гендерное и классовое неравноправие прежнего порядка. Революционным изменениям подвергся институт семьи и, как следствие, власть по-новому смотрела на роль материнства в социальной и экономической жизни. Законодательство в этой сфере в Советской России стало в мире наиболее прогрессивным, так как целью принятых актов было улучшение положения женщины. В результате упростились процедуры заключения брака и развода, были легализованы медицинские аборт, введен отпуск по беременности, ограничен женский труд на вредном производстве, дано право на получение алиментов через суд [13 с. 386].

Любая универсализация и абсолютизация исторических процессов непременно сталкивается с необходимостью поправки и уточнения. Это в полной мере относится и к городской женской повседневности, в частности в таких провинциальных городах как Ставрополь. Еще до революции в городе накопилось достаточное количество случаев, фиксируемых архивными документами, с инверсией семейных ролей, когда женщина становилась источником доходов, заменяя в этом деле мужчину. Затрудненность процедуры развода, поддерживала иллюзию сохранения брака, хотя фактически супруги могли уже не жить вместе. В начале XX века это явление распространялось и в южном провинциальном Ставрополе. Женщины могли создавать новую неофициальную семью, заводить детей. Поэтому семейно-брачное законодательство советской власти было еще и результатом практичности большевиков, которые в первые годы своей власти чутко реагировали на социальные запросы.

Утопичный проект «нового человека» содержал в себе гендерный аспект, предполагавший формирование «новой женщины». Женщины являлись особой группой, предназначенной для социальной инженерии, так как в силу функций, реализуемых преимущественно в пределах семьи, они находились под более сильным влиянием патриархальных устоев. Н. Л. Пушкарева период первого советского десятилетия рассматривает как самостоятельный этап трансформации гендерных отношений, при которых «новая женщина» должна существовать вне семьи, т.е. пройти путь дефамилизации [14]. Данный идеологический подход наложил отпечаток не только на гендерную политику, но и женскую историю советской эпохи, которая была скорее историей женского вопроса в СССР [13, с. 206].

Действительно, В. И. Ленин ставил в заслугу советской власти уничтожение «источника буржуазной грязи, подавленности, приниженности – бракоразводного процесса» [10]. Были уравниены в правах законнорожденные и незаконнорожденные дети, что изменило и статус женщины-матери, родившей вне брака. Инструментом раскрепощения и освобождения женщины от «домашнего рабства» он считал перестройку мелкого домашнего хозяйства в крупное социалистическое [5]. Мысль о «домашнем рабстве» не была чем-то новым. Еще до В. И. Ленина к патриархальному порядку с осуждением относился Ф. Энгельс, полагавший следующее: «Ниспровержение материнского права было всемирно-историческим поражением женского пола. Муж захватил бразды правления и в доме, а жена была лишена своего почетного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения» [17, с. 29]. Гендерное неравенство в микросоциуме семьи было выражением и продолжением противоречий классового характера на макроуровнях. В больших идеологических нарративах социальное положение мужчины и женщины унифицировалось, в том числе за счет ликвидации тех ограничений, которые накладывали материнство, семья и быт. Старое общество в не могло обеспечить гендерное равенство в силу имманентно присущего классового неравенства.

Российские социологи Е. А. Здравомыслова и А. А. Темкина отмечают отсутствие последовательной и когерентной гендерной идеологии в официальном дискурсе советской власти. По этой причине вырабатывались индивидуальные и семейные стратегии и соответствующие практики, которые выражались в адаптации к новым, достаточно невнятно сформулированным, правилам реализации гендерных ролей [4, с. 303-304]. Материнство является значимой функцией женщины, которая призвана осуществлять воспроизводство советских граждан и строителей социализма: «Женщина-мать приобретает на глазах общественного коллектива новую осязательную ценность» [6, с. XIV]. Так А. М. Коллонтай писала о влиянии Первой мировой войны («мировой бойни») на материнство как средства пополнения убыли населения. Однако революция 1917 г. только усилила демографическую значимость и практические задачи женщины как репродуктивной единицы. Не только потери, понесенные страной во время войн и революции 1917 г., заставляли задуматься о необходимости воспроизводства, и как следствие о социальной значимости материнства. Дореволюционная Россия входила в число стран с самой высокой детской смертностью. Из 100 родившихся 27 младенцев не доживало до года [3, с. 58]. Соответственно идеологические и практические задачи советского государства обусловили оформление концепции социального материнства, которая предполагала сочетание реализации репродуктивной функции и занятость на рынке [8, с. 30]. Общество продолжало воспринимать женщину в рамках ограниченных биологических функций, которые нужно было использовать для решения вполне конкретных утилитарных задач [12, с. 660].

2. Материалы и методы

Источниковая база проведенного исследования сложилась в рамках источниковедения новой локальной истории, развиваемой Т.А. Булыгиной на базе НОЦ «Новая локальная история» Северо-Кавказского федерального университета. Данный подход предполагает изучение локальных объектов с учетом больших исторических процессов и использованием методов микроистории, новой исторической биографики и исторической антропологии [1]. В таком случае для исследователя не существует незначительных исторических документов и истори-

ческих фигурантов, обыватели наряду со знаковыми личностями являются участниками масштабных исторических трансформаций. Источниками для данной работы стали материалы местных архивов, Государственного архива Ставропольского края (ГАСК) и Государственного архива новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК), представленные главным образом делопроизводственными документами. Использовались нормативно-правовые документы советской власти, определявшие основы социальной политики. Кроме того, для определения идеологических основ реализуемой политики привлекались тексты большевистских лидеров – В.И. Ленина и А.М. Коллантай.

3. Результаты

На основании постановления Совета Народных Комиссаров от 9 марта 1920 г. дело охраны материнства и младенчества в центре и на местах передавалось в ведение Наркомздрава и его местных органов. В Ставропольской губернии в 1920 г. были организованы подотдел охраны материнства и младенчества при губернском отделе здравоохранения, а также сеть уездных подотделов. На эти подразделения были возложены функции создания учреждений медицинской помощи женщинам и детям, их кадрового обеспечения, открытия приютов для грудных детей. Речь идет о домах матери и ребенка, детских и женских консультациях, роддомах, молочных кухнях, дошкольных учреждениях и т.д.¹. Была расширена сеть учреждений матери и ребенка. Архивные документы фиксируют два детских учреждения в губернском Ставрополе в 1920 г. Дом ребенка №1 был готов принять 100 детей, при этом штат служащих составлял 30 человек, на такую же численность был рассчитан Дом матери и ребенка №2². Новые направления социальной политики меняли городское пространство и активно вторгались в городскую повседневность. Так, предметом постоянных притязаний со стороны советских органов в Ставрополе было имущество и помещения Иоанно-Мариинского монастыря. Здесь тоже планировалось организовать дом материнства и младенчества, что мотивировалось не только наличием помещений, но и близостью фермы, откуда планировалось осуществлять снабжение молоком грудных детей в масштабах всего города³. Однако в 1921 г. из-за нехватки детских домов и росте числа беспризорных детей ряд строений монастыря отдали под Детский городок имени Октябрьской революции, находившегося в ведении губернского отдела народного образования [2, с. 382].

Исследовательница О. С. Поршнева справедливо обращает внимание на разрыв между большевистскими идеями эмансипации женщин и реальными практиками [13, с. 383]. Насколько велика была эта дистанция, поможет оценить опыт Ставрополя. В городе и губернии риторика Центра и новые идеологические формулы повторились, декларировались те же цели по «раскрепощению советской женщины». Город Ставрополь в связи с полиэтническим составом региона был призван стать локомотивом еще и в деле «освобождения женщины Востока». В июне 1921 г. в Ставрополе состоялась конференция работниц города Ставрополя и женщин народа Востока⁴, где в очередной раз провозглашалась задача русских делегатов «протянуть дружеские руки женщинам Востока»⁵. Однако на уровне повседневности практика региональная и локальная (города Ставрополя) была мало связана с политикой освобождения женщины от «домашнего рабства». Здесь стихийно, и адаптируясь к тяжелой послевоенной и послереволюционной реальности, местные власти в меньшей степени были нацелены на формирование «новой советской женщины», главная их забота заключалась в организации быта и восстановления экономики в условиях тотального хозяйственного разорения, а женский вопрос в этих условиях голода и разрухи отходил на второй план.

¹ ГАСК. ФР.243. Оп.1. Д.5. Л.2.

² Там же.

³ Голоса из провинции. Жители Ставрополя в 1917 – 1929 годах: Сб. док. / Отв. сост. Г. А. Никитенко. Ставрополь: Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2009. С. 234 – 235.

⁴ ГАНИСК. Ф.3. Оп. 1. Д.2687. Л.12.

⁵ Там же. Л.20.

Функциональный подход к женщине в советской политике рассматривал три ее ипостаси: производитель нового поколения строителей социализма и одновременно источник рабочей силы для экономической модернизации, агент влияния на настроения главных участников социально-экономической и политической жизни. Процесс налаживания мирной жизни сочетал в себе как меры по улучшению условий материнства, так и политику по вовлечению в общественную и производственную жизнь. 11 ноября 1920 г. было принято Постановление наркоматов труда и здравоохранения «О мерах охраны труда и здоровья матерей, кормящих грудью», по которому кормящей матери отдавался приоритет при приеме на работу на близлежащих к месту жительства предприятиях и в учреждениях. Длительность отпуска, предоставляемого до и после родов, составляла – 56 дней до родов и 56 дней после родов. Устанавливалось уголовное наказание за отказ от приема на работу беременной, снижение зарплаты, перевод на более легкую работу.

Проблемы материнства и детства были включены в работу самых разных ведомств. Так, в 1919 г. было принято Постановление комиссии использования о дополнении планов снабжения тканями, нитками¹. Такие постановления в условиях нехватки предметов первой необходимости были средством налаживания снабжения и распределения. На ведомственном уровне в Ставрополе Отдел труда и социального обеспечения (Трудсобес) был обязан передавать губернскому отделу здравоохранения все необходимое для учреждений материнства и младенчества: мануфактуру, мыло, обувь, детский инвентарь (стерилизаторы, бутылочки, ледники и прочие материалы). Сам же Трудсобес был уполномочен выдавать пособия по беременности, родам и кормящим матерям. Материалы для ухода за ребенком и детские вещи взамен на денежное пособие выдавались органами охраны материнства и младенчества. В архивных документах мы находим среди предметов первой необходимости ткани и нитки, которые женщина получала в случае рождения ребенка². Ситуативность советской социальной политики была связана с необходимостью в ускоренном темпе реагировать на запросы жизни, что породило практику регламентации частных вопросов.

Нехватка элементарного, в том числе одежды, была типичным явлением. В 1921 г. горожанка А. И. Федосова просила отдел снабжения советских работников выдать ей платье и пару чулок³. Выдача тканей и ниток на случай рождения ребенка, устанавливалась в размере 30 аршин ткани и одной катушки ниток на каждый случай и обеспечивалась, не всегда аккуратно, продовольственными органами в течение последних полутора месяцев до рождения не позже двух недель до родов⁴. Местные подотделы обязаны были немедленно бесплатно выдавать предметы ухода по предъявлению беременными или роженицами соответствующих документов, причем денежное пособие на предметы ухода в таких случаях не выдавалось.

Что касается питания беременных и кормящих женщин города Ставрополя, то оно осуществлялось согласно выработанной Медицинской комиссией при Отделе охраны материнства и младенчества Народного комиссариата социального обеспечения нормы питания. Например, отпуск продуктов кормящей женщине в течение одного месяца: мяса – 18 фун.72 зол. (фунт, золотник), крупы гречневой или другой – 10 фун. сахара или меда – 2 ½ фун. растительного масла – 4 фун.6 зол., соли – 1 фун.54 зол., подправочной муки -1 фун.24 зол., чаю – 15 зол. или кофе -60 зол., яиц – 11 ½ зол.⁵

Наряду с первоочередной задачей снабжения беременных и кормящих женщин, в советской системе здравоохранения начала строиться новая модель акушерской помощи. В 1920-е гг. она пропагандировалась как одно из главных средств охраны материнства и детства. Наибо-

¹ Постановление Комиссии использования о дополнении планов снабжения тканями, нитками, принятое в заседаниях 16, 23 и 24 мая 1919 г. // Экономическая Жизнь от 29 июня 1919 г. Приложение № 10. С.395 – 399.

² ГАСК. ФР.243. Оп.1. Д.1. Л.20.

³ ГАНИСК. ФР.239. Оп.1. Д.64. Л.24.

⁴ ГАСК. ФР.243. Оп.1. Д.1. Л.20.

⁵ Там же. Л.45.

лее эффективным и единственно верным видом помощи считалось стационарное акушерство, поэтому стали создаваться родовспомогательные учреждения, в них увеличивалось число коек. Женщин активно вовлекали в систему стандартизированной и унифицированной акушерско-гинекологической помощи и различного патронажа [9, с. 126].

В Ставрополе, как, впрочем, во всей стране в тот период, было местное финансирование с его скудными лимитами. В этой связи отдельное родильное учреждение создать было проблематично, поэтому стационарное акушерство реализовывалось в родильных отделениях при больницах. Категорически запрещалась частная практика акушеров и повитух, но так как родильных коек не хватало и всем предоставить унифицированную профессиональную медицинскую помощь не удавалось, то к этим услугам горожанки по-прежнему прибегали. В реальности еще многие женщины, в том числе городские, прибегали к помощи повивальных бабок на дому. Подотделу охраны материнства и младенчества поставить всех на беременных и кормящих на учет тоже не удавалось, система обязательных врачебных осмотров не была построена, и на учет попадали лишь те, кто самостоятельно обращался в подотдел¹.

Ситуация улучшилась только к середине 1930-х гг., но бытовая разруха никуда не делась. В городе Ворошиловске (в 1935 г. Ставрополь был переименован в Ворошиловск) для перевозки рожениц с 1935 г. был организован специальный транспорт с дежурством акушеров. Санитарно-техническое оборудование гинекологического корпуса Горбольницы было закончено и принято 25 сентября². В 1936 г. проверка помещений для рожениц заставила сделать неутешительные выводы об отсутствии элементарных условий и материалов. В отчетах отмечено, что родильное отделение городской больницы не было приведено в надлежащее состояние. Постельного белья была одна и единственная смена, поэтому роженицы лежали прямо на тюфяках, без простынь. На 60 рожениц имелось всего лишь 150 прокладок. Необходимыми медикаментами больница не была обеспечена. Истории болезней велись ученицами фельдшерско-акушерской школы без записей врача. Питание больных оставалось крайне неудовлетворительным. Финансирование производилось с большими перебоями. Водопровод в больнице не работал³.

9 апреля 1939 г. состоялось заседание секции здравоохранения Горсовета, на котором был заслушан доклад директора роддома доктора Шульца М. Ю. «О работе роддома в связи с переходом в новое здание». До перехода в новое здание акушерское отделение находилось в самых ужасных условиях: непригодное помещение, отсутствие белья, отсутствие хорошего транспорта для доставки рожениц, вследствие чего женщины часто рожали на улицах⁴. С октября 1937 г. акушерское отделение было переведено в новое здание, хотя и полностью недостроенное. «Здание прекрасное, рассчитанное на 80 коек, снабдили бельем, мебелью, тепло, светло, были перебои с водой, но сейчас все налажено. По нормам НКЗД полагается на 1 роженицу 1,2 персонала, т.е. 96 человек на 80 коек, но сейчас отделение увеличили до 95 коек и персонала должно быть 113, а сейчас есть только 102 человека»⁵. Здание было по тем временам большим, 2-х этажным, поэтому его обслуживание вызывало трудности при недостатке персонала. Кроме того, огромное неудобство у персонала вызывало отсутствие надворных построек, кухни, прачечной, кладовой. Персоналу приходилось через площадь бегать за едой в горбольницу.

Перспективы в финансировании в провинции предвоенного времени были печальными. В 1937 г. на одну койку в год выходило 5 ½ тысяч рублей, а на 1938 г. по смете было запланировано – 4125 рублей. В эту же стоимость койки включили: содержание скорой помощи рожениц, 5 акушеров, 4 санитарки, 4 кучера, 4 шофера, зарплата на всех – 34032 рублей, кроме это-

¹ ГАСК. ФР.1686. Оп.1. Д.37. Л.15.

² Там же.

³ ГАСК. ФР.1685. Оп.1. Д.2. Л.22.

⁴ ГАСК. ФР.1686. Оп.1. Д.48. Л.7.

⁵ Там же.

го, включался расход на транспорт. При данном финансировании директор роддома боялся, что придется сократить расход на требуемый уход, в особенности ночной: «Врачей сейчас не хватает. Если укладываться в отпущенные на 1938 г. средства, то надо сокращать обслуживание рожениц (подвоз рожениц) и персонал, упразднить дежурство врачей при 80 койках, сократить даже дежурство акушерок (одну на два огромных этажа), сократить сестер, санитарок. В результате резко ухудшится уход за роженицами и будет грязь в отделениях. Все это, потому что не сумели отстоять смету и неправильно ее построили те лица, которые должны были прислушаться к мнению специалистов»¹.

Мерой, влиявшей на быт советской женщины, стало регулирование репродуктивной функции через легализацию, а затем запрещение аборт. Эта часть гендерной политики оказалась наиболее противоречивой. В 1920 г. было принято Постановление наркоматов юстиции и здравоохранения «Об охране здоровья женщин»². Данный документ противопоставлял советский опыт социальным практикам стран Запада, где аборт не были разрешены. Советская власть апеллировала к целесообразности разрешения прерывания беременности в связи с бессмысленностью запрета, разумно полагая, что лучше эти практики взять под медицинский контроль, нежели допускать распространение абортов в домашних условиях. Разрешение было сделано с оговоркой о временности и вынужденности принятого решения, так как сильно возросло количество криминальных абортов. Репродуктивность как социальная функция обозначалась как обязанность женщины воспроизводить советских граждан, и ее реализация предполагалась через политику охраны материнства и активной агитации против искусственного прерывания беременности. Несмотря на легализацию абортов, большевики считали практику прерывания беременности «социальным злом», а пагубные последствия этой операции для здоровья женщины было необходимо разъяснять населению. Новая власть была уверена, что скоро в Советской России вообще отпадет необходимость контролировать рождаемость, так как государство полностью возьмет на себя заботу о детях. В 1920-е гг. активно развивалась идея нового быта, «освобождения женщины от кухонного рабства» и коллективизации быта. Легализация абортов также была созвучна намерениям разрушить буржуазную патриархальную семью. При всей видимой демократичности, принятие данного закона соответствовало и другому намерению советской власти – искоренению границы между приватным и общественным [4, с. 307].

Таким образом, РСФСР стала первым государством, где аборт был легализован по медицинским и социальным показаниям. Результативность меры доказывает статистика – женская смертность сократилась с 4% до 0,28%. При этом рождаемость не сократилась, и в 1926 г. она сохранилась на уровне 1911 г. [16, с. 96-97]. Важно отметить, что вопросы рождаемости не стояли остро, чему способствовало традиционное репродуктивное поведение населения, ориентированного на многодетность. Разрешением абортов чаще всего пользовались горожанки в больницах, а крестьянки этим законным правом не пользовались – из-за традиционного отношения к прерыванию беременности, а также из-за отсутствия на селе стационарных условий. В большей степени здесь были эффективны меры повышения уровня жизни, а не регулирования рождаемости. Дальнейшая политика по ограничению доступности абортов имела идеологическую природу. Большевики стали заявлять о несогласии с либеральным правом женщины свободно решать вопросы материнства [6, с. 72]. В 1936 г. аборты в СССР были запрещены³.

¹ ГАСК. ФР.1686. Оп.1. Д.48. Л.7. Л.48.

² Постановление Народного комиссариата здравоохранения РСФСР и Народного комиссариата юстиции РСФСР от 18 ноября 1920 года № 471 «Об охране здоровья женщин» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М.: Управление делами Совнаркома СССР. 1943. № 90. С. 681.

³ Постановление ЦИК и СНК СССР от 237 июня 1936 года О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах URL: <https://docs.cntd.ru/document/456020602>. (дата обращения: 17.05.2026)

Кардинальность изменений в начале 1930-х гг. была связана с голодом и истощенностью повестки по раскрепощению женщины. Запретом аборт властью пытались компенсировать понесенные потери в численности населения. Постановление 1936 г. уточняло особый гендерный порядок, при котором женщина уравнивалась в правах с мужчиной, но не освобождалась от обязанности материнства. Именно обязанности, а не права [6, с. 97]. Запрещение абортов, как и ранее разрешение, представлялось как одно из преимуществ социалистического строя перед капиталистическим. Социальная практика и повседневность рядовых советских обывателей демонстрировали иную реальность, в которой запрет систематически нарушался. В городе Ворошиловске (Ставрополь) в 1937 г. Комиссией Советского контроля при СНК СССР в лице уполномоченного по Орджоникидзевскому краю дважды были проведены проверки выполнения постановления о запрещении абортов¹. По итогам проверки было установлено, что количество поступивших в больницу женщин с неполными абортами (произведенными вне больницы) в 1937 г. резко увеличилось. За первый квартал 1937 года поступило в больницу с неполными абортами 246 человек (за первый квартал 1936 года – 160 человек). «Все это свидетельствует об отсутствии массово-разъяснительной работы о вреде и недопустимости аборта и об отсутствии борьбы с нарушителями закона о запрещении абортов», – отмечалось в материалах проведенной проверки².

Вовлечение женщины как рабочей силы в производственный процесс сталкивалось в Ставрополе с целым рядом препятствий. Исторически обусловленная уникальность города заключалась в малочисленности рабочего класса и сильном влиянии сельскохозяйственного уклада, соответственно в сохранении патриархального уклада в семье. Еще до революции сложилось так, что даже ставропольские мещане – это выходцы из сел, поэтому быт и нравы горожан низшего сословия мало отличались от крестьянских. Близость сельской округи, сельскохозяйственные занятия многих горожан тоже обуславливали специфику внутрисемейных отношений. Поэтому общий уровень урбанизированности населения был крайне низким, что сказывалось и на положении женщин в городе.

В 1929 г. на территории Ставрополя был организован колхоз им. Сталина, что в масштабах советской истории является случаем скорее уникальным, нежели типичным. Одной из конкретных производственных задач было вовлечение женщин в колхозное строительство. Как показывают документы 1931 г., активность женщин в этом деле была крайне низкой. С другой стороны, как таковая работа среди женщин окраинного района Ставрополя со стороны колхозного руководства проводилась, но не особенно результативно³. Жительница Воробьевского района Ставрополя Мария Прозорова заявила о выходе из артели в марте 1930 г., «так как больше оставаться не желаю»⁴. Горожанка Ксения Володина просила о выходе из колхоза по причине вдовства и наличия малолетних детей, которых не с кем оставить⁵. Пытаясь повысить занятость женщин, в том числе матерей с детьми, правление артели озаботилось созданием детских учреждений. Однако и под них тоже были нужны дополнительные площади. Часть домовладений раскулаченных оказалась в ведении города, артель просила передать их для детских учреждений, и всех жильцов оттуда выселить⁶. Проводимые собрания женщин в отдельных районах города в начале 1930-х гг. констатировали слабую активность в образовании и труде. Локальные миры городского пространства проживали свой собственный опыт эмансипации, где она шла с разным темпом. Так, в марте 1931 г. на женском собрании Старофорштадтского района выступающие говорили о слабой работе ликбезов и причина в том, что

¹ ГАСК. ФР.1685. Оп.1. Д.2. Л.22.

² Там же.

³ ГАСК. ФР.1776. Оп.1. Д.43. Л. 10 об.

⁴ ГАСК. Ф. Р. – 329. Оп. 1. Д.88. Л.3.

⁵ Там же. Л.21.

⁶ ГАСК. Ф.329. Оп.1. Д.10. Л.45.

«Женщина Старофорштадского района еще не раскачалась»¹. Как свидетельствуют архивы, эта часть города была проблемной в колхозном строительстве, здесь был низкий процент коллективизации. Старый Форштадт часто встречается как неблагополучный район, представлявший большое количество отказов от выездов на полевые работы².

Однако отношение женщин к коллективизации в определенной мере влияло на позицию их мужчин, особенно мужей и сыновей. Поэтому в городской среде наблюдались и процессы вовлечения женщин в производственную и общественную жизнь. В мотивации женщин действовал комплекс факторов. Это идеологическое влияние советской политики, успехи пропаганды, особенно среди молодых, и одновременно элемент стратегии выживания для более старшего поколения. Так, жительница Ставрополя А. А. Сусникова в марте 1920 г. просила местный губревком предоставить ей работу. Будучи советской служащей в 1918 г., после возвращения белых она перебралась из Георгиевска в Ставрополь, полагая, что здесь об опыте ее работы в советских органах не знали, и она трудоустроится, но напрасно. Поэтому она с надеждой обратилась к власти большевиков и просила какую-либо канцелярскую работу. Муж отказался содержать детей, поэтому выживание было сугубо женской проблемой, о чем Сусникова и информировала губревком³. Случай не уникальный, такие письма во власть писали многие женщины, остается догадываться сколько выживало, не прибегая к обращениям. В качестве еще одного примера можно привести заявление М. Семеновой в профсоюз, датируемое 1922 г. Жалоба заключается в том, что ее несправедливо уволили с должности счетовода. Она также не могла рассчитывать на содержание мужа, который работал, но при этом страдал подагрой и все собственные доходы тратил на лечение⁴. Разнообразие ситуаций и вариативность жизненных стратегий сильно детализирует картину советской повседневности. Уборщица одной из ставропольских гостиниц в 1920 г. сама уволилась, так как постоянные драки мешали ее работе, а ночью ей приходилось следить за порядком вместо полноценного сна⁵.

Попытка сформировать новые нормы в советской социальной политике сопровождалась борьбой с социальными девиациями, которые укоренились еще в дореволюционном прошлом. Такая социальная язва как проституция и как следствие – распространенность венерических заболеваний, присутствовали в жизни губернского Ставрополя задолго до революции 1917 г. Надзор за женщинами, зарабатывавшими этими ремеслом, осуществляла полиция. При этом, имея другие дела и обязательства, полицейские служащие не осуществляли строго контроля. В этой связи время от времени во власть писали сами жители, требуя ограничить распространение проституции. В архивных документах мы находим жалобу на имя губернатора от жителей улицы Мещанской на деятельность публичного дома, который содержал мещанин Д. Шалыгин. Улица не окраинная, поэтому семьи здесь жили состоятельные, многие имели влияние в городе. Курьез заключается в том, что на этой же улице находилось Духовное училище, и неподалеку от публичного дома квартиры снимали семинаристы. По требованию жителей городские и губернские власти вынуждены были закрыть дом терпимости⁶. Это частный случай, но он иллюстрирует целый пласт жизни, наличие которого отрицать бессмысленно. Культура продажной любви не прекратила свое существования и с приходом советской власти, поэтому были предприняты специальные меры по ее ликвидации. В 1917 г. была уничтожена старая система контроля (Врачебно-полицейский комитет) и отменена регистрация проституток, а данное занятие перестало рассматриваться как профессия. Однако само явление сохранилось, и в период

¹ Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1930–1940 годах: сборник документов / составители Г. А. Никитенко, Т. Н. Колпикова. Ставрополь: Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2010. С.92 – 93.

² ГАСК. Ф.329. Оп.1. Д.10. Л.11.

³ Голоса из провинции. Жители Ставрополя в 1917 – 1929 годах: Сб. док. / Отв. сост. Г. А. Никитенко. Ставрополь: Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2009. С. 211 – 212.

⁴ ГАНИСК. Ф.1. Оп.1. Д.71. Л.4-5.

⁵ ГАНИСК. ФР.235. Оп.1. Д.5. Л.161.

⁶ ГАСК. Ф.68. Оп.1. Д.4011. Л.2.

НЭПа заметно возросло. Введение рыночных отношений, рост экономической конкуренции, «сексуальная революция» и кризис семьи способствовали этой тенденции. Расцвет проституции в годы НЭПа отмечен как в столичных, так и в провинциальных городах [11, с. 78]. Уголовный Кодекс 1922 г. ввел нормы ответственности за содержание притонов, вербовку женщин и сводничество.

Приказом Ставропольского губернского отдела социального обеспечения проституция «как пережиток старого строя» должна была быть искоренена. При отделе учреждался «Распределитель», куда местная милиция обязана доставлять всех замеченных в нищенстве и проституции¹. Как следствие существования проституции распространялись венерические заболевания, для борьбы с которыми в 1920 г. была создана секция борьбы с венерическими болезнями, ставшая затем Ставропольским венерологическим институтом, которым заведовал доктор Н. Г. Осипьянц².

Целесообразность такого решения может проиллюстрировать ведомость о больных за август 1920 г.³:

Таблица 1. Сведения о больных венерическими заболеваниями г. Ставрополя за август 1920 г.

Table 1. List of patients with venereal diseases in Stavropol for August 1920.

Название болезни	первичный	повтор	всего
сифилис	47	417	464
гонорея	30	87	117
кожные заболевания	43	19	62
ВСЕГО	120	523	643

Повторяемость такого рода распоряжений в документах местной власти свидетельствует об укорененности явления и неисполнении предшествующих директив. В 1923 г. в Приказе Ставропольского губернского исполнительного комитета были предложены меры по борьбе с «проституцией и алкоголизмом». При губернском отделе здравоохранения организовывался губернский совет по борьбе с проституцией и алкоголизмом, который был наделен следующими полномочиями:

- 1) открывать для безработных и нуждающихся женщин различные учреждения и заведения;
- 2) организовать раз в год «неделю по борьбе с проституцией и алкоголизмом»;
- 3) давать юридические советы обманутым, завлечённым в проституцию или зараженным венерическими болезнями женщин;
- 4) производить обследование социального положения безработных женщин с целью определения их нуждаемости;
- 5) просить биржу труда, профсоюзы о предоставлении работы в первую очередь тем безработным женщинам, социальное положение которых обследовано Советом и признано наиболее нуждающимися;
- 6) требовать мотивированные объяснения через соответствующие профорганизации от заведующих учреждениями и предприятиями о причинах увольнения или отказа в работе женщинам, каковые объяснения должны даваться немедленно;
- 7) обследовать при участии милиции места продажи спиртных напитков и проверить, где могут наблюдаться явления пьянства и разврата;

¹ ГАСК. Ф.2786. Оп.1. Д.47. Л.163.

² ГАСК. ФР.3129. Оп.1. Д.56. Л.1.

³ Там же. Л.51.

8) ходатайствовать о необходимости закрытия тех мест продажи спиртных напитков, где не соблюдаются правила и приветствуется разврат;

9) органам милиции усилить работу обнаружения тайных мест продажи спиртных напитков, притонов разврата и лиц, занимающихся сводничеством и вовлекающих женщин в проституцию¹.

Комплекс карательных и профилактических мер, не искоренял проституцию как явление городской жизни. Вместо домов терпимости, которые раньше контролировала полиция, женщины жили в съемных квартирах по несколько человек. Многие из них были выходцами из близлежащей сельской округи. Например, в 1925 г. была выявлена крестьянка Голубова А. Д., избитая выходцем из мещан Величко Н. А. По итогам проведенного следствия оказалось, что Величко Н. А. заразился венерической болезнью². Ситуация сама по себе примечательна не только фактом наличия социальной девиации, но отражением морали определенного слоя обывателей. Из четверых девушек, которые проживали в данной квартире – двое были больны, но принимали клиентов. Девушки лечились в венерологическом институте и бросить ремесло не могли, объясняя тем, что к этому побуждает безработица и тяжелое материальное положение³. По приговору суда Голубова была лишена свободы на один год⁴.

Переход к 1930-м гг., изменение ситуации в стране, связанный с отказом от НЭПа и переходом к сталинскому диктатуры сопровождался репрессивным подходом к проституции, которая теперь рассматривалась как классово чуждое явление, и официальному отрицанию существования этого порока в советском обществе [11, с. 104-105].

4. Заключение

Представленный в статье материал позволяет выявить несколько тенденций, характеризующих реализацию советской социальной политики в городском пространстве южной провинции по отношению к женщине в 1920 – 1930-х гг. Во-первых, наблюдался разрыв между декларируемыми Центром целью и практикуемой жителями повседневностью. Эмансипация, разрушение патриархальных устоев и освобождение от «домашнего рабства» ритуально повторялись в формулах местной власти, но лозунги в социальной жизни воплощались фрагментарно. В первую очередь реализовывались различные стратегии выживания, восстанавливался разрушенный быт, а не реконструировалось гендерное переустройство. Реальные изменения тормозились отсутствием финансирования, кадров, инфраструктуры и инерцией дореволюционного уклада. Новизной новой системы стало материнство как обязанность и одновременно как право. При этом в повседневной жизни роженицы и кормящие матери испытывали нехватку элементарных материалов и условий. Во-вторых, репродуктивная политика в 1920 – 1930-е гг. предполагала разрешение аборт, затем их запрещение в 1936 г. На практике криминальные аборты осуществлялись, и с запретом их число возросло. В-третьих, Ставрополь сохранял слабо урбанизированный уклад, поэтому часть женщин слабо вовлекалась в производственную жизнь, другая их часть делала это, но не в связи с открывшимися возможностями и активной агитацией, а необходимостью кормить семью. В-третьих, сохранялись дореволюционные девиации, такие как проституция, что особенно характерно для 1920-х гг. Безработица была одной из причин сохранения этого явления. В-четвертых, провинциальный Ставрополь демонстрировал некий компромисс между эмансипаторским проектом большевиков и инерцией традиции. Государство вовлекало ее в общественную и хозяйственную жизнь и при этом ожидало реализации природной функции материнства. Таким образом, нагрузка на женскую часть населения только возрастала.

¹ ГАСК. ФР.1776. Оп.1. Д.43. Л.8.

² ГАСК. ФР 610. Оп.1. Д.1906. Л.2 – 3.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Там же. Л.47.

Список источников и литературы

1. Булыгина, Т. А. (2013). *Компаративное источниковедение и источниковедческие практики межвузовского НОЦ «Новая локальная история»* // Диалог со временем. Вып. 44. С. 97-103.
2. Булыгина, Т. А., Романова, Н. В. (2025). *Беспризорность в городском пространстве повседневности в 1920-е гг.: Детский городок в повседневной жизни Ставрополя 1920-х годов* // Гуманитарные и юридические исследования. №3 (12). С. 379-390. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.4>
3. Дмитриева, Т. В. (2007). *Из истории создания системы охраны материнства и детства на Урале* // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VIII Всероссийской научной конференции, [г. Екатеринбург], 27–28 апреля 2007 г. Т. 2. Екатеринбург: АМБ. С. 58-59.
4. Здравомыслова, Е. А., Тёмкина, А. А. (2003). *Государственное конструирование гендера в советском обществе* // Журнал исследований социальной политики. №3-4. С. 299-321.
5. *Из статьи В.И. Ленина «Великий почин»* (1971) // Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В. И. О женском вопросе. М.: Политиздат. С.95-97.
6. Исупов, В. А. (2021). *Демографическая политика сталинского государства в условиях «сжатия» гражданского общества* // Парадигмы и модели демографического развития. Сборник статей XII Уральского демографического форума, Международная научно-практическая конференция. Том 1. Екатеринбург, 2021. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН. С.71-78.
7. Коллонтай, А. М. (1916). *Общество и материнство*. Петроград: Жизнь и знание. 718 с.
8. Лебина, Н., Романов, П., Ярская-Смирнова, Е. (2007). *Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917 – 1930-е годы* // Советская социальная политика 1920 – 1930-х годов: идеология и повседневность. М.: ООО «Вариант». С. 21-67.
9. Леви, М. Ф. (1950). *История родовспоможения в СССР*. М.: изд-во и тип. Изд-ва АМН СССР. С. 126.
10. Ленин, В. И. (1971). *Речь на I всероссийском съезде работниц*. 19 ноября 1918 г. // Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В. И. О женском вопросе. М.: Политиздат. С. 93-94.
11. Панин, С. (2005). *«Продажная любовь» в Советской России (1920-е годы)* // Вестник Евразии. №1. С. 78-108.
12. Покотилова, Т. Е., Шебзухова, Т. А. (2025). *Женщина и повседневность в проектах большевиков и советская реальность 1920-х годов (на материалах Ставрополя)* // Гуманитарные и юридические исследования. Т. 12. № 4. С.658–664. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.12>
13. Поршнева, О. С. (2018). *Реализация большевистского проекта «новая женщина» в 1923 – 1928 гг.: противоречия и проблемы* // Личность, общество и власть в истории России. Сборник научных статей, посвященный 70-летию д-ра исторических наук, проф. В.И. Шишкина. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН. С. 383-397.
14. Пушкарева, Н. Л. (2012). *Гендерная система Советской России и судьбы россиянок* // Новое литературное обозрение. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/117_nlo_5_2012/article/18922/ (Дата обращения: 21.08.2026)
15. Пушкарева, Н. Л. (2019). *Особенности памяти о женском социальном прошлом и труд историка* // Вестник Российского университета дружбы народов. Т.18. №2. С. 206-213.
16. Шаповалова, Я. А. (2011). *Государственная политика советского государства в отношении аборт в 1920 – 1930-е гг.: от разрешения к полному запрету* // Общество: философия, история, культура. №1-2. С. 96-99.

17. Энгельс, Ф. (1906). *Происхождение семьи, частной собственности и государства (по Моргану)* / Ф. Энгельс; пер. И. М. Дебу. СПб.: тип. Б. М. Вольфа. 136 с.

References

1. Bulygina, T. A. (2013). *Komparativnoye istochnikovedeniye i istochnikovedcheskiye praktiki mezhvuzovskogo NOTs «Novaya lokal'naya istoriya»* [Comparative source studies and source study practices of the inter-university scientific-technical center "New Local History"] in *Dialog so vremenem*, 44, 97-103. (in Russian).
2. Bulygina, T. A., Romanova, N. V. (2025). *Besprizornost' v gorodskom prostranstve povsednevnosti v 1920-e gg.: Detskiy gorodok v povsednevnoy zhizni Stavropol'ya 1920-kh godov* [Homelessness in the urban space of everyday life in the 1920s: Children's town in the everyday life of Stavropol' in the 1920s] in *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya*, 3(12), 379-390. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.4> (in Russian).
3. Dmitriyeva, T. V. (2007). *Iz istorii sozdaniya sistemy okhrany materinstva i detstva na Urale* [From the history of the creation of the maternal and child health system in the Urals] in *Ural industrial'nyy. Bakuninskiye chteniya: materialy VIII Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*, [g. Yekaterinburg], 27–28 aprelya 2007 g. Vol. 2. Yekaterinburg: AMB, 58-59. (in Russian).
4. Zdravomyslova, Ye. A., Tëmkina, A. A. (2003). *Gosudarstvennoye konstruirovaniye gendera v sovetskom obshchestve* [State construction of gender in Soviet society] in *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, 3-4, 299 – 321. (in Russian).
5. *Iz stat'i V.I. Lenina «Velikiy pochin»* [From V.I. Lenin's article "The Great Initiative"] in Marks K., Engel's F., Lenin V. I. *O zhenskom voprose*. Moscow: Politizdat, 1971. 95. (in Russian).
6. Isupov, V. A. (2021). *Demograficheskaya politika stalinskogo gosudarstva v usloviyakh «szhatiya» grazhdanskogo obshchestva* [The demographic policy of the Stalinist state in the context of the "compression" of civil society] in *Paradigmy i modeli demograficheskogo razvitiya. Sbornik stat'ey XII Ural'skogo demograficheskogo foruma, Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya*. Tom 1. Yekaterinburg, 2021. Yekaterinburg: Institut ekonomiki Ural'skogo otdeleniya RAN, 71 – 78. (in Russian).
7. Kollontay, A. M. (1916). *Obshchestvo i materinstvo* [Society and motherhood]. Petrograd: Zhizn' i znaniye. (in Russian).
8. Lebina, N., Romanov, P., Yarskaya-Smirnova, Ye. (2007). *Zabota i kontrol': sotsial'naya politika v sovetskoy deystvitel'nosti, 1917 – 1930-e gody* [Care and Control: Social Policy in Soviet Reality, 1917–1930s] in *Sovetskaya sotsial'naya politika 1920 – 1930-kh godov: ideologiya i povsednevnost'*. Moscow: OOO «Variant», 21 – 67. (in Russian).
9. Levi, M. F. (1950). *Istoriya rodovspomozheniya v SSSR* [History of obstetrics in the USSR]. Moscow: izd-vo i tip. Izd-va AMN SSSR. (in Russian).
10. Lenin, V. I. (1971). *Rech' na I vserossiyskom s"yezde rabotnits. 19 noyabrya 1918 g.* [Speech at the 1st All-Russian Congress of Working Women. November 19, 1918] in Marks K., Engel's F., Lenin V. I. *O zhenskom voprose*. Moscow: Politizdat, 93 – 94. (in Russian).
11. Panin, S. (2005). *«Prodazhnaya lyubov'» v Sovetskoy Rossii (1920-e gody)* ["Love for Sale" in Soviet Russia (1920s)] in *Vestnik Yevrazii*, 1, 78 – 108. (in Russian).
12. Pokotilova, T. Ye., Shebzukhova, T. A. (2025). *Zhenshchina i povsednevnost' v proyektakh bol'shevikov i sovetskaya real'nost' 1920-kh godov (na materialakh Stavropol'ya)* [Women and Everyday Life in Bolshevik Projects and Soviet Reality of the 1920s (Based on Materials from Stavropol')] in *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya*, 4(12), 658–664. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.12> (in Russian).
13. Porshneva, O. S. (2018). *Realizatsiya bol'shevistskogo proyekta «novaya zhenshchina» v 1923 – 1928 gg.: protivorechiya i problemy* [The implementation of the Bolshevik "new woman" project in 1923–1928: contradictions and problems] in *Lichnost', obshchestvo i vlast' v istorii Rossii*.

Sbornik nauchnykh statey, posvyashchenny 70-letiyu d-ra istoricheskikh nauk, prof. V.I. Shishkina. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN, 383 – 397. (in Russian).

14. Pushkareva, N. L. (2012). *Gendernaya sistema Sovetskoy Rossii i sud'by rossiyanok* [The gender system of Soviet Russia and the fate of Russian women] in *Novoye literaturnoye obozreniye*. URL:

https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/117_nlo_5_2012/article/18922/ (accessed: 21.08.2026) (in Russian).

15. Pushkareva, N. L. (2019). *Osobennosti pamyati o zhenskom sotsial'nom proshlom i trud istorika* [Features of the memory of women's social past and the work of a historian] in *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov*, 18, 2, 206 – 213. (in Russian).

16. Shapovalova, Ya. A. (2011). *Gosudarstvennaya politika sovetskogo gosudarstva v otnoshenii abortov v 1920 – 1930-e gg.: ot razresheniya k polnomu zapretu* [Soviet state policy on abortion in the 1920s and 1930s: from permission to a complete ban] in *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 1-2, 96 – 99. (in Russian).

17. Engel's, F. (1906). *Proiskhozhdeniye sem'i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva (po Morganu)* [The Origin of the Family, Private Property, and the State (according to Morgan)] / F. Engel's; per. I. M. Debu. SPb.: tip. B. M. Vol'fa. (in Russian).

Вклад авторов:

К.Р. Амбарцумян: написание текста рукописи; обзор публикаций по теме статьи;

Н.В. Романова: получение данных для анализа, анализ полученных данных.

Authors' contributions:

K.R. Ambartsumyan: writing the text of the manuscript; review of publications on the topic of the article;

N.V. Romanova: obtaining data for analysis, analyzing the data obtained.

ПРАКТИКИ САНИТАРНОГО КОНТРОЛЯ В ТАМБОВЕ XIX – начале XX СТОЛЕТИЯ: УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ И ПОЛИЦЕЙСКИЙ АСПЕКТЫ

Ю.А. Белова

*Тамбовский государственный технический университет,
ул. Советская д. 106/5, помещение 2, Тамбов, 392000, Россия*

Аннотация.

Введение. *Актуальность* работы определяется введением в научный оборот архивных источников, отражающих структуры, направления и результаты деятельности городских органов местного самоуправления по усовершенствованию работы санитарных служб в губернском городе. *Целью* исследования является анализ содержания регулирования проблем городской санитарии Городской Управой губернского города Тамбова в XIX - начале XX столетия, когда только происходило становление терминологического аппарата городской санитарии и нормативно закреплённых стандартов. **Материалы и методы** представлены анализом архивных источников (постановлений, отчетов, журналов заседаний, статистических сводок) Тамбовской Городской Управы, медицинской полиции, Городской Думы. **Результатами** стали выявление основных направлений работы санитарного городского регулирования: поддержание благоустройства городского пространства, борьба с эпидемиями, развитие городской инфраструктуры (водопровода, систем очистки города), а также воспроизведение работы органов местного управления по улучшению социально-медицинских факторов градостроительства, классификация полученных выводов, создание концепции, позволившей выявить подходы к рассмотрению социально-медицинских условий развития городов. Среди основных выделяют: степень развития социального обеспечения населения, работу органов санитарного контроля, борьба с эпидемиями, географические и климатические условия региона, градостроительство. Обозначенные подходы содержат метапредметный характер и выступают ключевыми ориентирами в изучении эволюции социально-медицинских условий развития городов Российской империи XIX – нач. XX вв. **Заключение.** Выводы включают положение о традиционности в понимании стандартов санитарии города, отсутствии перспективных направлений, просвещения и постепенном крайне трудном формировании санитарных стандартов внутрижилого пространства горожан, способы организации работы органов самоуправления по повышению показателей общественного здоровья.

Ключевые слова: благоустройство города, городская санитария, градостроительство, городская среда, органы местного самоуправления, Тамбовская Городская Управа, медицинская полиция

Для цитирования: Белова Ю.А. (2026). Практики санитарного контроля в Тамбове XIX- нач. XX столетия: управленческий и полицейский аспекты // История: факты и символы. 2026. № 3 (48). С. 23-32 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-23-32

Статья поступила: 02.05.2026

Статья принята в печать: 12.07.2026

Статья опубликована: 10.06.2026

© Белова Ю., 2026.

SANITARY CONTROL PRACTICES IN TAMBOV IN THE 19TH - EARLY 20TH CENTURIES: MANAGERIAL AND POLICE ASPECTS

Yu.A. Belova

*Tambov State Technical University,
Sovetskaya St., Building 106/5, Office 2, Tambov, 392000, Russia*

Abstract

Introduction. The relevance of this work is determined by the introduction into scientific circulation of archival sources reflecting the structures, directions, and results of the activities of local governments to improve the work of sanitary services in the provincial capital. The aim of the study is to analyze the content of the regulation of urban sanitation issues by the City Council of the Provincial City of Tambov in the early 20th century, when the terminology of urban sanitation and its normatively established standards were just being established. **Materials and methods** are presented by an analysis of archival sources (resolutions, reports, meeting minutes, statistical summaries) of the Tambov City Council, the medical police, and the City Duma. **The results** revealed the main areas of work in urban sanitation regulation: maintaining the improvement of urban space, combating epidemics, developing urban infrastructure (water supply, city treatment systems), as well as reproducing the work of local governments to improve the socio-medical factors of urban development, classifying the findings, and creating a concept that allowed us to identify approaches to considering the socio-medical conditions of urban development. Key factors include: the level of development of social security, the work of sanitary control agencies, the fight against epidemics, the geographic and climatic conditions of the region, and urban development. These approaches are meta-subjective in nature and serve as key benchmarks in studying the evolution of the socio-medical conditions for the development of cities in the Russian Empire in the 19th and early 20th centuries. **Conclusion.** The findings include the position on the traditional understanding of urban sanitation standards, the lack of promising approaches, education, and the gradual and extremely difficult formation of sanitary standards for residential spaces for city residents, as well as methods for organizing the work of local governments to improve public health indicators.

Keywords: Urban improvement, urban sanitation, urban planning, urban environment, local government, Tambov City Council, medical police

For citation: Belova Yu.A. (2026) Sanitary control practices in Tambov in the 19th - early 20th centuries: managerial and police aspects In *History: facts and symbols*, 3 (48), 23-32 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-23-32

Received: 02.05.2026

Revised: 12.07.2026

Published: 10.06.2026

© Belova Yu., 2026.

1. Введение

Либеральные реформы второй половины XIX века определили новое направление в развитии городского самоуправления в России. Городовое положение 1870 года открыло населению возможности осуществлять контроль над органами местной администрации. Новым исполнительно-распорядительным органом в губернских городах становится Городская управа. Городская управа действовала в качестве органа местного самоуправления с 1870 года по 1918 год, состав ее избирался Городской думой. Городское самоуправление ставило перед собой задачу по улучшению качества жизни населения, этим органам мы обязаны появлению обширной исторической статистики. Внушительная доля отчетов обзора санитарное состояние города, возникновение эпидемий, а также способы борьбы с их распространением. Таким обра-

зом, Городовое положение 1870 года становится основным документом в работе санитарных комиссий губернских городов. В центре санитарных проблем городов появляются вопросы содержания в чистоте улиц и дворов, торговых помещений, промышленных предприятий, качества воды, способов утилизации отходов, в том числе организации скотских падежей.

Санитарные проблемы и способы борьбы с эпидемиями влияли и продолжают оказывать воздействие на повседневность населения. Для губернского города начала XX века проблема носила острый характер, на что указывают отчеты местных органов самоуправления. Изучение санитарного состояния в разных временных промежутках позволит проследить эволюцию в работе органов губернского управления по созданию благоприятных условий, определяющих общественное здоровье.

2. Материалы и методы

Основой для исследования послужила отчетность Тамбовской Городской Управы, сохранившаяся в ГАТО (Государственном архиве Тамбовской области), отражающая санитарные и медицинские проблемы городской жизни. Рассматривались основные нормативные акты градостроительного характера, в частности, Строительный Устав (время действия 1832-1917 гг.). Также привлекались опубликованные источники статистического характера и научная краеведческая литература по тематике городской санитарии.

3. Результаты

Деятельность Городской управы освещается современными историками под разными углами: историко-правовые исследования функционирования исполнительного органа городского самоуправления, анализ эволюции представлений о санитарии [11, с. 85]; структуры управы, численный состав, круг полномочий [13, с. 181]; персональный состав тамбовской губернской земской управы и ее отдельных личностей [3, с. 28]; роль управ в создании комфортных условий для проживания в городах [8, с. 131]; развитие здравоохранения, медицинского обслуживания, особенностей культуры лечения среди горожан [2, с. 62].

Прямое воздействие на показатели общественного здоровья оказывает организация внешней среды жизни населения. Сюда можно отнести: экологическое состояние среды, организацию водопроводов, очистных сооружений, наличие специальных городских служб по оказанию помощи населению в случае эпидемии, противопожарные и противоинфекционные меры, плотность и скученность населения, санитарное состояние городов. Все это подводит исследователей еще к одной области научного знания – урбанистике. Отдельно отметим работу Б.И. Кочурова, И.В. Ивашкиной, Н.В. Фоминой, Ю.И. Ермакова – «Медико-урбанистический подход к изучению и развитию крупных городов» [9, с. 7]. Авторы отмечают актуальность и уникальность медико-урбанистического подхода, так как благодаря своей метапредметности позволяет задействовать методы таких наук, как градостроительство, архитектура, география, экология, медицина, психология, социология. Ученые разделили данные параметры по трем группам-факторам: градостроительные факторы (территориальное планирование, дизайн городской среды), природно-экологические факторы (экологическая ситуация, загрязнение среды, климатические особенности), социально-экономические факторы (образ жизни, экономика, доступность медицины и социальных услуг, безопасность). Таким образом, можно сделать вывод о том, что градостроительная политика напрямую оказывает воздействие на показатели общественного здоровья. Главная задача градостроительной деятельности заключается в создании безопасных условий жизнедеятельности людей посредством организации городского пространства, а также ограничение негативного воздействия на окружающую среду из-за хозяйственной деятельности населения.

4. Обсуждение

Исторические документы позволяют очертить проблематику городской санитарии так, как ее понимали жители губернского города, представленную через официальную документацию органов государственной власти и местного самоуправления. К тому, что влияло на санитарную и общественное здоровье, относилось, во-первых, «благоустройство» - деятельность по

соблюдению санитарных и градостроительных стандартов изучаемого времени в общественных городских пространствах; во-вторых, система мер, направленных для предупреждения «заразительных заболеваний», эпидемий; в-третьих, поддержание санитарно-приемлемых стандартов в жилой среде горожанина. Городовое положение 1870 года наделяет Городские управы правом санитарного управления в губерниях, однако, выполнение мероприятий в сфере общественного здоровья не носит обязательного характера, что в последствии будет приводить к определенным трудностям осуществления санитарного надзора, в том числе неспособность своевременно реагировать на угрозу в виде эпидемических заболеваний [14, с. 55].

Фонд Тамбовской Городской управы Государственного архива Тамбовской области содержит в себе отчеты о благоустройстве города: освещение, водопровод, канализация, мощение дорог, борьба с эпидемиями, пожарами, улучшение санитарии. Все это лишь часть проблем, которую брали под свою опеку органы Городской управы. Конечно, факторы, влияющие на здоровье людей, были под особым контролем со стороны органов местного самоуправления. Документы структурированы по проблематике вопросов местного значения, что свидетельствует об эффективной организации работы органов самоуправления. Архивные источники по Тамбовской губернии демонстрируют заинтересованность представителей Городской управы, а также местных жителей в решении санитарных проблем. Для анализа санитарного состояния города наибольший интерес представляет такой раздел документации, как «благоустройство и торговля».

Городская санитария во многом зависела от способов и качества сбора отходов. В начале XX века в Тамбове утилизация отходов осуществлялась посредством ассенизационных обозов. Ассенизация представляла собой систему сбора, удаления отходов в районах, где отсутствовали канализационные системы. В густо заселенных частях города ассенизация не справлялась и приводила к антисанитарии. В Тамбове такими улицами считались Гимназическая (современная улица Коммунальная) и Пятницкая. В марте 1906 года в Городскую управу обращался санитарный врач, который после проведения осмотра ассенизационных обозов признал помещение бочек «безусловно вредным, а потому и недопустимыми»¹. Городская управа отреагировала на поднятую проблему на заседании Думы 2-го мая 1906 года. В докладе Городская управа приходит к заключению о «полной невозможности допускать их постой на дворах в густо-населенных местностях». Санитарная комиссия также пришла к выводу о том, что даже в сравнительной чистоте бочки приносят вред здоровью жителей, так как издают ужасный запах, который невозможно устранить. При размещении бочек исходили из количественных показателей. Частным предпринимателям принадлежало около 60 бочек, которые размещались на пяти – шести постоянных дворах, то есть около 10 бочек на двор. Рассмотрев заключение санитарной комиссии, Дума единогласно постановила: «Воспрещается частным ассенизационным обозам иметь помещения и постой во дворах густо-населенных частях города, а разрешается постой их в местности за Обводной канавой»². Отчеты городской управы демонстрируют острую проблему, связанную с утилизацией отходов. Становится очевидным, что имеющиеся механизмы работы не справляются с количественными показателями и требовали модернизации. Местное самоуправление обращает на это внимание и пытается снизить риски для населения в имеющихся условиях.

Представленный эпизод не является единичным случаем, а скорее иллюстрирует типичную ситуацию, а также проблему, которая с частой периодичностью отмечалась в отчетах Городской управы. Несмотря на создание канализационных систем в крупных городах Российской империи (Петербург, Рига, Вильна) еще в XVIII веке, к началу XX столетия большинство городов продолжало использовать систему утилизации отходов по средствам ассенизационных обозов, которые вывозили продукты жизнедеятельности либо за черту города, либо в реку, ко-

¹ ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4265. Л. 3.

² Там же. Л. 18.

торая являлась источником водоснабжения для горожан. Санитарные постановления о контроле за ассенизацией издавались только в 32 % городов Российской империи, что, несомненно, негативно влияло на темпы распространения инфекционных заболеваний среди населения [14, с. 56]. Например, обращение врачебного отделения от 31 мая 1906 года по поводу неудовлетворительного в санитарном отношении содержания площади первой части. Автор ссылается на газету «Тамбовский голос», где была напечатана статья о неудовлетворительном содержании площади. Отмечается, что «были замечены разлагавшиеся дохлые куры и кошки, издававшие такое зловоние, что публика должна была обходить это место»¹. Представитель врачебного отделения также сообщает, что в настоящий момент времени «на окраинах города и в центре его жители сушат навоз и всевозможные отбросы, что угрожает опасностью и недопустимо с санитарной стороны». Проблема разложения трупов животных в городской округе, а также отсутствие мероприятий по правильной утилизации поднималась ветеринарным врачом при обращении в Городскую управу. Автор обеспокоен распространением бешенства среди животных, которые регулярно кусают людей, последним эпизодом стал 6-летний мальчик, также ветеринар обеспокоен способами вскрытия трупов собак и кошек в Тамбове, который, по его мнению, «ниже всякой критики». Вскрытие было необходимо, так как оно позволяло оценить масштабы проблемы в случае, если кто-то из людей был укусан животным. Трупы животных вскрываются во дворах полицейских частей или в коридорах у печки арестантских отделений, а если они замерзли, то разогреваются в печах. В случае упомянутого 6-летнего мальчика, труп кошки вскрывался непосредственно в квартире. Ветеринарный врач также отмечает, что нередко вскрытия происходили и у него в квартире, куда полицейские отправляли покусанных людей и трупы самих животных. Все это свидетельствует об отсутствии четко выработанного порядка действий, а также халатном контроле со стороны местных органов по охране порядка.

Проблема носила комплексный характер, который был связан не только с несоблюдением элементарных правил санитарии, а также отсутствием специальных ветеринарных помощников по вскрытию, и что не мало важно способов по определению бешенства у животных. Сюжет раскрывает взаимовлияние проблем медицины и санитарии: отсутствие специальных знаний по выявлению болезни, а также нехватку квалифицированных специалистов, что напрямую влияло на санитарное состояние города. Таким образом, развитие медицины в регионе выступало фактором, определяющим санитарию, а значит и качество жизни граждан.

Центральным вопросом в отношении санитарии выступали также мероприятия по поддержанию водопровода в чистом состоянии, так как это позволяло бороться с распространением ряда опасных заболеваний, например, холеры. Фонд Тамбовской городской управы содержит в себе «электро-водопроводный отдел». В докладе Городской управы на заседаниях Думы от 18-го марта 1905 года отмечается обеспокоенность наступлением эпидемии холеры. Управа настаивает на необходимости заблаговременно принять меры к охранению бассейна водохранилища на реке Студенке, а также огородить забором весь бассейн водохранилища, так как оно снабжает водопроводную воду весь Тамбов². Контроль Городской управы за санитарией наблюдался в периоды крупных эпидемий. Такими зачастую являлись эпидемии холеры. В истории Тамбовской губернии были крайне значительные эпидемии холеры, сопровождавшиеся холерным бунтом в 1831 г., нашедшие свое изучение в научной литературе [4, с. 282]. Начало городского восстания приходится на ноябрь 1830 года. В губернии были организованы специальные ограничительные и карантинные меры, создавались караулы, места для отдельного содержания больных, несмотря на это в народе продолжала распространяться мысль о вымышленности болезни. Особенно в сельской местности получили популярность идеи об умышленном отравлении воды и воздуха со стороны местной администрации и врачей, а болезнь в свою очередь была вымышленной [6, с. 87]. Низкий уровень грамотности в области

¹ ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4266. Л. 1.

² ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4190. Л. 9.

общественного здоровья приводил к непониманию основ профилактики эпидемических заболеваний, а также о скорости распространения холеры и ужасных последствиях для населения. В период с 1830 года по 1871 год в Тамбове действовал созданный для этого холерный комитет. Именно благодаря работе комитета многие санитарные проблемы становились очевидными, что, несомненно, положительно сказывалось на эволюции санитарии и закладывало основу в дальнейшем для работы органов местного самоуправления в последней трети XIX - начале XX вв. Наибольшего размаха эпидемии холеры достигали во второй половине XIX века. В историографии сложилось определенное деление городов на группы в зависимости от скорости распространения эпидемии. В городах Тамбовской губернии холера проникала из городов первой волны, в которые она была завезена из других стран, следовательно местная администрация могла заранее предупреждать эпидемию, а значит усиливать мероприятия по профилактике ее распространения [1, с. 76].

Последней обозначенной нами частью городской правовой политики в области санитарии осуществляемой через органы местной власти и управления является попытка систематизировать и оценить состояние гигиены жилища и санитарии во внутريدворовом пространстве горожан. В первой половине XIX в. это были спорадические попытки, которые предпринимались через регламентацию архитектурно-градостроительных и противопожарных мер застройки городов. Так, некоторые стандарты, которые могут быть отнесены к санитарии (наличие внутريدворовых колодцев) были зафиксированы в Пожарном и Строительном Уставах основных нормативных актах градостроительного характера [10, с. 200]. Санитарные нормы жилища в виде кубатуры жилых помещений, размера окон и высоты потолков, наличия печей отражены в документации ГАТО.

Важную роль в решении отдельных вопросов местного управления занимала санитарная комиссия, находившаяся в подчинении у Городской управы. Во время вспышки эпидемий она ведала организацией карантина, медицинского обслуживания больных, организацией мер по предотвращению распространения болезни в регионе. Доклад Городской управы на заседании думы от 1904 года демонстрирует: во-первых, качество медицинского обслуживания; во-вторых, особенности решения проблем между представительными и исполнительными органами власти. Из доклада следует, что на протяжении 10 лет санитарные врачи получали из частных аптек за счет города медикаменты для бедных жителей Тамбова, а в 1904 году они этого права были лишены. Носовская лечебница больше не могла выполнять требуемые услуги, так как в аптеке нет помощника провизора, который мог бы отпускать сильнодействующие лекарства без присутствия врача, следовательно люди не могут получить лекарства в отсутствии врача (то есть большую часть суток медикаменты приобрести нельзя). Также отмечается не способность лечебницы производить определенные формулы лекарств из-за отсутствия необходимого оборудования. Для решения сложившейся проблемы Городская управа обратилась с докладом к думе, в котором просит предоставить ассигнование каждому из санитарных врачей в размере 150 рублей для выписки медикаментов бедным жителям города Тамбова из частных аптек. Прошение было удовлетворено Городской думой, расходы требовалось произвести за счет благотворительных учреждений города.¹ Отметим, что Городская управа здесь занимает связующее звено между санитарной комиссией, осуществлявшей работу на местах, и Городской думой – представительным органом по решению вопросов местного управления, еще раз подчеркивая эффективность Городового положения в решении вопросов санитарии и общественного здоровья в целом.

Образующим институтом в становление системы здравоохранения и санитарии Российской империи являются органы медицинской полиции, складывание которых началось еще в первой четверти XVIII столетия при Петре I. В периоды правления Екатерины II и Павла I про-

¹ ГАТО. Ф. 17. Оп.1 Д. 4123. Л. 13.

должалось закрепление за полицией здравоохранительных функций, уже тогда под контроль полиции были отданы мероприятия по охране общественного здоровья населения, в особенности санитария городов [5, с. 77]. Исследования на тему деятельности полиции по борьбе с инфекционными заболеваниями и охраной санитарно-гигиенических условий жизни в основном оценивались с использованием административных функций института, нежели исторического анализа, уже в XXI веке складывается историография данного вопроса [12, с. 27]. Важной датой в образовании института медицинской полиции является 1802 год, когда было создано Министерство внутренних дел. Основные обязанности по охране народного здоровья и организации мер по борьбе с эпидемическими и эпизоотическими (заразные инфекционные заболевания среди животных, которые могут передаваться человеку) болезнями закрепляются за Губернскими (областным) правлениями и уездными комитетами Общественного здоровья, а контроль за их деятельностью осуществляют губернаторы и полиция. Важную роль в охране здоровья населения государство отводит просветительской деятельности по объяснению базовых понятий в распространении болезней, угрожающих как гражданам, так и домашнему скоту. В качестве основных мероприятий – размещение информации в печатных изданиях, например, в губернских ведомостях или бесплатного раздаточного материала через духовенство. В случае распространения эпидемических или эпизоотических болезней среди населения какой-либо губернии, контроль за больными и предупреждение новых случаев заболеваний возлагается на врачебно-полицейский состав.¹

Медицинская полиция в вопросах здравоохранения взаимодействует с комитетами Общественного здоровья, которые формируются из местных начальников от каждого управления: уездный предводитель дворянства, уездный исправник, полицмейстер, уездный или городской врач, городской глава и старший представитель духовенства в городе. Могут быть приглашены и представители других областей общественной жизни, если их образование или жизненный опыт будут полезными, например, местные владельцы, представители духовенства разных конфессий, врачи, арендаторы, управляющие имениями и т.п. Мероприятия по охране народного здоровья возлагаются и на комитеты земского управления. В обязанности земств входит: предупреждение и борьба с заразными болезнями среди животных, улучшение качества врачебной помощи населению и поиск способов по снабжению необходимыми лекарствами и оборудованием медицинских учреждений в подконтрольной местности.² В введении полиции осуществлять контроль за содержанием недвижимого имущества, угрожающего народному здоровью. Таким образом, общие меры по охране общественного здоровья населения формируют круг обязанностей медицинской полиции. К таковым относится охрана чистоты воздуха – «полиция наблюдает, чтобы на улицах, на дорогах, на мостах и возле оных нигде не было ничего такого, что может заражать воздух». ³ Работа по поддержанию чистоты воздуха состоит из следующих мероприятий:

- 1) Поддержание городских улиц в чистоте, вывоз отходов в специально отведенные места;
- 2) Устройство на каждой улице канавок для стоков воды и поддержание их в надлежащем виде;
- 3) Контроль за состоянием общественных площадей в допустимом санитарно-гигиеническом состоянии;
- 4) Вывоз из дворов нечистот.

Проводить очистительные мероприятия во дворах, на улицах и рынках обязуют самих горожан и домовладельцев, однако, места общественного содержания (мостовые, тротуары, площади) в поле ответственности Государственной думы, содержащиеся на общие средства

¹ Свод законов Российской империи, 1912. Т. 2. С. 256.

² Там же. С. 257.

³ Там же. С. 258.

города. Для вывоза отходов организуются специальные места в отдаленности от города. Падший скот также свозится в указанные места и не должен находиться на площадях, улицах, дворах. Места для забоя скота строго определены законом – «бойни надлежит строить вне города, не выше онаго по течению реки или протока, а надлежащем отдалении от мясных рядов, и содержать оныя в чистоте». ¹ Таким образом, отсутствие в системе российского права специального санитарного законодательства не отменяет наличие представлений у органов местного самоуправления о необходимости организации общественной жизни в городе с учетом базовых правил гигиены. Совместная административная работа Городской управы и полиции по координации и поддержке благоприятного состояния города подтверждается многочисленными переписками, сохранившимся в документах ГАТО. Например, Городская управа обращается за помощью к полиции в вопросах по недопущении свалок навоза в неблагоприятных местах для общественной жизнедеятельности, ² к понуждению домовладельцев исправить мостовые и улицы, контроль за нарушением правил постройки жилого помещения частным лицом, ³ улучшение водосточных канав. ⁴

5. Заключение

Таким образом, Городская управа г. Тамбова последней трети XIX-начала XX века ведала вопросами по регулированию санитарного порядка в ряде направлений включавших благоустройство улиц, борьбу с явными санитарными опасностями организацией вывоза мусора, ветеринарного контроля и проч. Направления эти, однако, не были выделены в качестве отдельной части попечения этого органа местного самоуправления, «растворяясь» в иных, более традиционных направлениях. Сохранившиеся и изученные архивные документы не позволяют сделать вывод о том, что органы местного самоуправления занимались санитарным просвещением, деятельность их была сосредоточена в основном на борьбе с вопиющими по понятиям конца XIX в. обстоятельствами антисанитарного состояния улиц, рынков, водопроводов, кладбищ. Однако наиболее просвещенная часть общественности в лице ветеринарных, врачебных инспекторов, городских медиков осознавала необходимость реформирования этой области городского дела.

Список используемой литературы

1. Агафонова, А. Б. (2023). Эпидемии холеры и безопасность городской среды в последней трети XIX – начале XX вв. В *Российской Империи* // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. № 6 (87). С. 76-86.
2. Архипова, Н. Е. (2012). Деятельность городской думы и управы по развитию здравоохранения в Нижнем Новгороде на рубеже XIX–XX вв. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 3. С. 62-65.
3. Двухжилова, И. В. (2009). Председатели Тамбовской губернской земской управы (1866-1892 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 2 (3). С. 28-30.
4. Ильин, А. Ю. (2018). Развитие городского хозяйства региональных центров России в условиях урбанизации XVIII – XX вв. Тамбов: «Издательский дом "Мичуринск"». 486 с.
5. Исхаков, Э. Р., Линевиц, В. Л. (2015). Участие полиции в оказании медицинской помощи населению в Российской Империи в первой половине XVIII века // Медицинский вестник МВД. № 4 (77). С. 77-78.

¹ Свод законов Российской империи, 1912. Т. 2. С. 259.

² Ф. 5, Оп. 1, Д. 35, Л. 3.

³ Там же. Л. 7

⁴ Там же. Л. 10

6. Кандаурова, Т. Н. (2020). *Как одна эпидемия изменила социально-экономический и социокультурный формат военно-поселенной организации: последствия холерных бунтов 1830 - 1831 гг.* // Историко-психологические и социальные аспекты влияния эпидемий на человека и общество: Материалы XLVIII Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 14 декабря 2020 года. Санкт-Петербург: ООО "Полторах". С. 81-98.

7. Кондратьев, С. С. (2023). *Развитие санитарного надзора в Российской империи в конце XIX - начале XX вв.* // Российское государство и вызовы XXI века. Права и обязанности личности: в поисках гражданского согласия: сборник статей Международной конференции к 30-летию Конституции Российской Федерации и 40-летию кафедры государственно-правовых дисциплин, Академия управления МВД России, 08 декабря 2023 года. М.: Академия управления МВД России. С. 264-268.

8. Король, Ж. В. (2010). Деятельность городских управ Западной Сибири в сфере благоустройства в пореформенный период // Наука и современность. № 6-1. С. 131-135.

9. Медико-урбанистический подход к изучению и развитию крупных городов / Б. И. Кочуров, И. В. Ивашкина, Н. В. Фомина, Ю. И. Ермакова (2020) // География и природные ресурсы. № 3 (162). С. 5-13.

10. Пирожкова, И. Г. (2014). *Пожарный устав как источник градостроительного права: особенности систематизации* // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 2(130). С. 198-204.

11. Пирожкова, И. Г. (2004). *Санитарно-гигиенические проблемы проживания в провинциальных городах в XIX-начале XX вв.* // Тамбовская губерния: вехи истории: Сб. материалов историко-краевед. чтений (к 260-летию со дня рождения Г.Р. Державина). Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та. С. 84-87.

12. Рязанов, С. М. (2024). *Деятельность полиции Российской империи по борьбе с инфекционными заболеваниями во второй половине XIX - начале XX веков (по материалам Урала)* // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. № 1 (82). С. 26-35.

13. Савичев, А. А. (2019). *Историко-правовой анализ деятельности Московской городской управы в 1870 - 1892 гг.* // Государство и право. 2019. № 7. С. 179-183.

14. Шерстнева, Е. В. (2015). *Благоустройство городов и санитарный надзор в России в конце XIX - начале XX века* // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. Т. 23. № 2. С. 52-56.

References

1. Agafonova, A. B. (2023). *Epidemii xolery i bezopasnost gorodskoj sredy v poslednej treti XIX - nachale XX vv. V Rossijskoj Imperii* [Cholera Epidemics and Urban Safety in the Russian Empire from the Last Third of the 19th to the Beginning of the 20th Centuries] In *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*, 6 (87), 76-86. (In Russian).

2. Arxipova, N. E. (2012). *Deyatelnost gorodskoj dumy i upravy po razvitiyu zdравоохранeniya v Nizhnem Novgorode na rubezhe XIX–XX vv.* [Activities of the City Duma and Administration for the Development of Healthcare in Nizhny Novgorod at the Turn of the 19th–20th Centuries] In *Current Issues in the Humanities and Natural Sciences*, 3, 62–65. (In Russian).

3. Dvuxzhilova, I. V. (2009). *Predsedateli Tambovskoj gubernskoj zemskoj upravy (1866–1892 gg.)* [Chairmen of the Tambov Provincial Zemstvo Board (1866–1892)] In *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice*, 2 (3), 28–30. (In Russian).

4. Ilin, A. Yu. (2018) *Razvitie gorodskogo khozyajstva regionalnyx centrov Rossii v usloviyax urbanizacii XVIII–XX vv.* [Development of the Urban Economy of Russia's Regional Centres in the

Context of Urbanisation in the 18th–20th Centuries]. Tambov: Publishing House “Michurinsk”. (In Russian).

5. Isxakov, E. R., Linevich, V. L. (2015). *Uchastie policii v okazanii medicinskoj pomoshhi naseleniyu v Rossijskoj Imperii v pervoj polovine XVIII veka* [Police Participation in Providing Medical Assistance to the Population of the Russian Empire in the First Half of the 18th Century] In *Medical Bulletin of the Ministry of Internal Affairs*, 4 (77), 77–78. (In Russian).

6. Kandaurova, T. N. (2020). *Kak odna epidemiya izmenila socialno-ekonomicheskij i sociokulturnyj format voenno-poselennoj organizacii: posledstviya xolernyx buntov 1830–1831 gg.* [How One Epidemic Changed the Socio-Economic and Sociocultural Format of the Military Settlement Organisation: The Consequences of the Cholera Riots of 1830–1831] In *Historical-Psychological and Social Aspects of the Impact of Epidemics on Individuals and Society: Proceedings of the 48th International Scientific Conference, St. Petersburg, December 14, 2020*. St. Petersburg: Poltorak LLC, 81–98. (In Russian).

7. Kondratev, S. S. (2023). *Razvitie sanitarnogo nadzora v Rossijskoj imperii v konce XIX - nachale XX vv.* [Development of Sanitary Supervision in the Russian Empire in the Late 19th and Early 20th Centuries] In *The Russian State and the Challenges of the 21st Century. Rights and Duties of the Individual: In Search of Civil Consensus: Proceedings of the International Conference Dedicated to the 30th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation and the 40th Anniversary of the Department of State and Legal Disciplines*. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 264–268. (In Russian).

8. Korol, Zh. V. (2010). *Deyatel'nost' gorodskix uprav Zapadnoj Sibiri v sfere blagoustrojstva v poreformennyj period* [Activities of Western Siberian Municipal Councils in the Field of Urban Improvement during the Post-Reform Period] In *Science and Modernity*, 6-1, 131–135. (In Russian).

9. Kochurov, B. I., Ivashkina, I. V., Fomina, N. V., Ermakova, Yu. I. (2020). *Mediko-urbanisticheskij podxod k izucheniyu i razvitiyu krupny'x gorodov* [A Medical-Urban Approach to the Study and Development of Large Cities] In *Geography and Natural Resources*, 3 (162), 5–13. (In Russian).

10. Pirozhkova, I. G. (2014). *Pozharnyj ustav kak istochnik gradostroitel'nogo prava: osobennosti sistematizacii* [The Fire Code as a Source of Urban Planning Law: Features of Systematization] In *Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*, 2 (130), 198–204. (In Russian).

11. Pirozhkova, I. G. (2004). *Sanitarno-gigienicheskie problemy prozhivaniya v provincialny'x gorodax v XIX – nachale XX vv.* [Sanitary and Hygienic Problems of Living in Provincial Towns in the 19th and Early 20th Centuries] In *Tambov Province: Milestones in History: Proceedings of Historical and Local History Readings (on the 260th Anniversary of the Birth of G. R. Derzhavin)*. Tambov: Tambov State Technical University Publishing House, 84–87. (In Russian).

12. Ryazanov, S. M. (2024). *Deyatel'nost' policii Rossijskoj imperii po borbe s infekcionnymi zabolevaniyami vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vekov (po materialam Urala)* [Activities of the Police of the Russian Empire in Combating Infectious Diseases in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries (Based on Materials from the Urals)] In *Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 1 (82), 26–35. (In Russian).

13. Sherstneva, E. V. (2015). *Blagoustrojstvo gorodov i sanitarnyj nadzor v Rossii v konce XIX – nachale XX veka* [Urban Improvement and Sanitary Supervision in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries]. In *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*, 23 (2), 52–56. (In Russian).

ОСОБЕННОСТИ СБОРА РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ СВЕДЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ ПОВСЕДНЕВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННО-МОРСКОГО АГЕНТА В.Н. ФИЛИППОВА В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

В.А. Ботикова

*Воронежский государственный
аграрный университет им. императора Петра I,
394087, ул. Мичурина, 1, Воронеж*

Аннотация.

Введение. В статье рассматриваются особенности сбора разведывательных сведений русскими военно-морскими агентами в Константинополе на примере деятельности генерал-майора В.Н. Филиппова. **Материалы и методы.** К исследованию были привлечены различные методы исторического познания. Проблемно-хронологический метод позволил восстановить последовательность развития деятельности В.Н. Филиппова и её финансового обеспечения. Историко-генетический метод применялся для выявления причинно-следственных связей между недостатком финансирования и методами работы агента. Материалами для научной статьи послужили архивные документы Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГА ВМФ), содержащие сведения о повседневной деятельности агентов по сбору информации, а также аналитические записки В.Н. Филиппова. Издания исследователей, занимающихся проблемами истории российской военной разведки и внешней политики России на турецком направлении, послужили основой для реконструкции конкретно-исторических условий службы военно-морских агентов в Османской империи. **Результаты.** В статье анализируются официальные и неофициальные источники разведывательной информации, используемые В.Н. Филипповым. Рассматриваются методы вербовки агентуры, подкупа чиновников и местных жителей, возможности проведения нелегальных гидрографических съёмок. Особое внимание уделяется финансовой стороне вопроса: размерам выделяемых средств, стоимости содержания агентуры, конфликту между стратегической значимостью сведений и очевидным недостатком финансирования. **Заключение.** В заключении приходим к выводу о том, что, несмотря на хроническое недофинансирование, В.Н. Филиппову удалось создать эффективно действовавшую агентурную сеть благодаря профессионализму, инициативности и умению выстраивать доверительные отношения с представителями различных этнических групп Османской империи.

Ключевые слова: военно-морской агент, В.Н. Филиппов, разведывательная деятельность, Константинополь, Османская империя, агентурная сеть, финансирование разведки, черноморские проливы

Для цитирования: Ботикова В.А. (2026). Особенности сбора разведывательных сведений на примере повседневной деятельности военно-морского агента В.Н. Филиппова в Константинополе // История: факты и символы. 2026. № 3 (48). С. 8-20 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-33-39

Статья поступила: 11.03.2026

Статья принята в печать: 12.05.2026

Статья опубликована: 10.09.2026

© Ботикова В., 2026.

FEATURES OF COLLECTING INTELLIGENCE INFORMATION USING THE EXAMPLE
OF THE DAILY ACTIVITIES OF NAVAL AGENT
V.N. FILIPPOV IN CONSTANTINOPLE

V.A. Botikova

Emperor Peter I Voronezh State Agrarian University
I Michurina St., Voronezh, 394087

Abstract

Introduction. The article examines the specifics of intelligence gathering by Russian naval agents in Constantinople using the activities of Major General V.N. Filippov as an example. **Materials and Methods.** Various methods of historical research were used in the study. The problem-chronological method made it possible to reconstruct the sequence of V.N. Filippov's activities and their financial support. The historical-genetic method was used to identify cause-and-effect relationships between the lack of funding and the agent's working methods. The materials for the scientific article are archival documents of the Russian State Archive of the Navy (RGA VMF), containing information about the daily activities of information-gathering agents, as well as analytical notes by V.N. Publications by researchers studying the history of Russian military intelligence and Russian foreign policy towards Turkey served as the basis for reconstructing the specific historical conditions of service of naval agents in the Ottoman Empire. **Results.** The article analyzes the official and unofficial sources of intelligence information used by V.N. Filippov. The article examines methods of recruiting agents, bribing officials and local residents, and the possibility of conducting illegal hydrographic surveys. Particular attention is given to the financial aspects of the issue: the amount of funds allocated, the cost of maintaining agents, and the conflict between the strategic importance of the information and the obvious lack of funding. **Conclusion.** In conclusion, we conclude that, despite chronic underfunding, V.N. Filippov managed to create an effective agent network thanks to his professionalism, initiative, and ability to build trusting relationships with representatives of various ethnic groups in the Ottoman Empire.

Keywords: naval agent, V.N. Filippov, intelligence activities, Constantinople, Ottoman Empire, spy network, intelligence financing, Black Sea Straits

For citation: Botikova, V.A. (2026). Features of collecting intelligence information using the example of the daily activities of naval agent V.N. Filippov in Constantinople In *History: facts and symbols*, 3 (48), 33-39 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-33-39

Received: 07.03.2026

Revised: 12.05.2026

Published: 10.06.2026

© Botikova V., 2026

1. Введение

Повседневная деятельность военно-морских агентов в столице Османской империи во второй половине XIX – начале XX вв. являла собой синтез дипломатических и разведывательных усилий в условиях геополитического соперничества великих держав. Военно-морские агенты являлись ключевыми источниками сведений не только о состоянии османского флота, береговых укреплений и личном составе, но также и о военно-политических намерениях Порты и стоящих за ней европейских держав, в первую очередь – Великобритании и Германии. Именно на основе данных, поступающих от морских агентов, Морской генеральный штаб мог осуществлять стратегическое планирование, включая разработку возможности высадки десанта на Босфор.

В этом отношении особый интерес представляет рутина военно-морских агентов по сбору разведывательных данных. Рапорты, донесения и служебные записки агентов позволяют раскрыть реальные механизмы сбора и обработки информации. Благодаря этим документам представляется возможным реконструировать неформальные обязанности военно-морских агентов, в частности методы вербовки агентуры, покупку интересующих сведений и взаимодействие с чиновниками Порты.

2. Материалы и методы

Основу исследования составили материалы архивных фондов Российского Государственного архива Военно-Морского Флота (РГА ВМФ), содержащие информацию о повседневной деятельности агентов по сбору информации.

Общие сведения об организации работы военно-морских агентов и разведки зарубежом мы получаем из работ М. Алексеева и А. Томилина [1; 5]. Вопрос стратегической важности достоверных сведений об Османской империи и черноморских проливах и особенности внешней политики России на этом направлении содержатся в трудах Г.А. Гребенщиковой и И.С. Рыбачёнка [2; 3; 4]. Бесспорную ценность для исследования представляют аналитические записки В.Н. Филиппова, агента в Константинополе [6; 7]. Также можно отметить работы зарубежных ученых, связанные с проблемой российско-османского противоборства, в которых затрагиваются важные для нас проблемы [6; 7; 8; 10]. В частности, внимание исследователей сосредоточено на анализе геополитических амбиций сторон, вопросах контроля над черноморскими проливами и влиянии религиозного фактора на формирование внешнеполитических доктрин [9; 11; 13; 14].

Совокупность упомянутых архивных фондов, исследований и аналитических работ самих агентов стала основой для характеристики особенностей повседневного сбора разведывательной информации русских военно-морских агентов в Константинополе в исследуемый период.

3. Результаты

Источники разведывательной информации можно разделить на официальные и неофициальные. К официальным относятся:

1. Посещение маневров иностранных судов по приглашению;
2. Запрос официальных сведений, не составляющих государственную тайну;
3. Осмотр портов, укреплений, крепостей и т.д. по официальному разрешению;
4. Сведения, публикуемые в газетах и журналах.

Однако эти источники не всегда давали объективную и достоверную информацию. Кроме того, доступ к ней часто не предоставлялся ввиду того, что иностранные государства стремились как можно лучше скрывать данные о реальном положении армии и флоте.

Помимо официальных, существовали и неофициальные источники информации. Именно к ним чаще всего прибегали русские военно-морские агенты в Константинополе. К таким источникам относятся:

1. Покупка интересующих сведений;
2. Подкуп чиновников;
3. Личные доверительные отношения как с чиновниками, так и с высшими чинами флота и армии;
4. Вербовка агентурной сети;
5. Нелегальные гидрографические съемки местности.

Подобный сбор разведанных был настолько распространён в Константинополе среди агентов и шпионов всех стран, что в одном из лучших отелей столицы, «Пера Пелас» даже появилась табличка с обращением ко всем разведчикам не занимать фойе и оплачивать свои напитки.

Тем не менее, подобный подход сталкивался с существенной преградой – отсутствием финансирования. После учреждения должностей военной-морских агентов, на их обеспечение стали закладываться бюджетные средства [1, с. 34].

На содержание агентов в Османской империи и на Балканах выделялось в среднем в два раза меньше средств, чем на содержание агентов в европейских странах. Например, на проезд из Севастополя в Константинополь выделялось всего 69 руб. Эти деньги были предназначены не только на оплату дороги, но и на проживание. На разведывательные же расходы военно-морскому агенту в Турции полагалось 1200 руб. в год.

Этих денег было решительно недостаточно при условии, что каждый агент агентурной сети в среднем стоил порядка 120 – 140 руб. в месяц, а стоимость отдельных осведомителей могла доходить до 380 фунтов стерлингов¹.

Несмотря на стратегическую важность сведений из региона, Морское ведомство не всегда одобряло покупку интересующих данных. Так, 16 июня 1886 г. В.Н. Филиппов в своем донесении изложил необходимость выделения 500 лир за сведения о текущем строительстве на османском флоте, численности личного состава, чертежей броненосных кораблей и сведениях о вооружении, однако получил отказ в выделении требуемой суммы лично от Великого князя, генерал-адмирала Алексея Александровича².

Рисунок 1. Владимир Николаевич Филиппов

Figure 1. Vladimir Nikolaevich Filippov

В ответ на это морской агент В.Н. Филиппов написал августейшей особе резкий ответ, в котором указывал, что для получения достоверных сведений о флоте необходимы траты, т.к. даже самый плохой лазутчик стоит 15 – 17 лир в месяц, а стоимость хорошего информатора в чиновничьей среде в несколько раз выше³.

При этом необходимо подчеркнуть исключительную значимость разведанных из Османской империи. На протяжении нескольких веков Российская и Османская империя вели войны, стремясь упрочить свои позиции и ослабить соперника [3, с. 145]. Камнем преткновения являлись черноморские проливы, контроль над которыми обеспечивал беспрецедентное

¹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 434. Л. 21об.

² РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 197. Л. 15 – 16.

³ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 197. Л. 18об.

влияние на мировой арене и много лет являлся важной задачей внешней политики России [4, с. 50].

В.Н. Филиппов, назначенный на пост агента в 1880 г., в своем ответе генерал-адмиралу подсветил явный недостаток финансирования. Созданная генерал-майором В.Н. Филипповым агентурная сеть работала с чрезвычайной эффективностью. Он активно вербовал осведомителей среди местных жителей, притесняемых армян и греков [5, с. 19-20]. Таким образом, он смог направить в Петербург карту Константинополя и окрестностей, основанную на системе водопроводных коммуникаций. Работа съемщика стоила 3 лиры в день.

Кроме карты города, В.Н. Филиппову удалось получить данный по организации батарей и укреплений Босфора путем подкупа местного армянского населения, согласного обходить их незаметно от осман и передавать сведения [7, с. 54]. Знакомство В.Н. Филиппова с представителями различных этносов на территории Османской империи позже позволили ему написать подробную аналитическую работу о важности Азиатской части Турции и возможностях привлечения местного населения на сторону Российской империи в случае войны [6, с. 104].

Пользовался В.Н. Филиппов и широким кругом знакомств в высших эшелонах турецкой власти. Несмотря на то, что в своем обращении к Великому князю Алексею Александровичу он отмечал, что турки подозрительны по природе, множество воин с русскими эту подозрительность лишь усугубили¹, за годы службы в регионе он смог получить расположение некоторых из них.

Именно благодаря таким неофициальным контактам в 1882 г. В.Н. Филиппов получил информацию о предполагаемом заключении оборонительного союза Германии и Турции. По сведениям генерал-майора В.Н. Филиппова план укрепления пролива Босфор разрабатывался в Берлине и включал в себя увеличение числа береговых и внутренних фортов, так и введение правильной минной обороны проливов [5, с. 22].

В исследуемый период Германия действительно начинает играть важную роль во внутренней политике Порты. Еще в 1881 г. Ассоциация османского публичного долга поделила внешний долг между Великобританией, Францией, Германией, Австро-Венгрией, Италией и Нидерландами, что позволило им практически безнаказанно вмешиваться в дела Константинополя.

Германия активно посылала в османскую столицу своих военных специалистов, участвовавших в маневрах и мастеров², ведущих работы по судостроению в Адмиралтействе³.

Весьма стесненный в выделяемых Морским министерством В.Н. Филиппов, тем не менее, находил средства для покупки самых достоверных сведений. За сведения о дислокации османских войск он в 1886 г. заплатил 2520 руб. и был готов с разрешения высших чиновников приобрести планы судов стоимостью в 9000 руб. каждый, отмечая, что эта цена невысока в сравнении с запрашиваемыми европейцами суммами⁴.

4. Заключение

Повседневная деятельность по сбору разведывательных данных военно-морского агента В.Н. Филиппова таким образом являет собой пример того, как в условиях скудного финансирования и ограниченного доступа к информации, умелое сочетание официальных и неофициальных каналов получения информации, личные контакты с представителями армии и флота и грамотное использование внутренних этнических противоречий для вербовки представителей национальных меньшинств обеспечивали поступление в Морской генеральный штаб актуальных и достоверных сведений.

¹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 197. Л. 19 – 19об.

² РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 434. Л. 54.

³ Там же. Л. 67.

⁴ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 197. Л. 19об.

Список источников и литературы

1. Алексеев, М. (1998). *Военная разведка России от Рюрика до Николая II*. М.: Рус. разведка. 398 с.
2. Гребенщикова, Г. А. (2021). *Германо-турецкое военно-политическое сотрудничество в начале XX века и позиция России* // Петербургский исторический журнал. № 1 (29). С. 260–281.
3. Рыбачёнок, И. С. (2012). *Закат великой державы: внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи и методы*. М.: РОССПЭН. 581 с.
4. Рыбачёнок, И. С. (2000). *Проекты решения проблемы Черноморских проливов в последней четверти XIX века* // Вопросы истории. № 4–5. С. 47–59.
5. Томилин, А. (2020). *Русская военная разведка на Босфоре в 1878–1885 гг.* // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. № 4 (23). С. 6–32.
6. Филиппов, В. Н. (1881). *Военное обозрение Азиатской Турции*. СПб. 140 с.
7. Филиппов, В. Н. (1886). *Стратегическое описание Босфора*. СПб. 103 с.
8. Aksakal, M. (2008). *The Ottoman Road to War in 1914: The Ottoman Empire and the First World War*. Cambridge: Cambridge University Press. 216 p.
9. Anderson, M. S. (1966). *The Eastern Question, 1774–1923: A Study in International Relations*. London: Macmillan. 436 p.
10. Davison, R. H. (1963). *Reform in the Ottoman Empire, 1856–1876*. Princeton: Princeton University Press. 479 p.
11. Earle, E. M. (1923). *Turkey, the Great Powers, and the Bagdad Railway: A Study in Imperialism*. New York : Macmillan. 364 p.
12. Langensiepen, B. (1995). *The Ottoman Steam Navy, 1828–1923*. London : Conway Maritime Press. 208 p.
13. Trumpener, U. (1968). *Germany and the Ottoman Empire, 1914–1918*. Princeton : Princeton University Press. – 433 p.
14. Yasamee, F. A. (1996). *Ottoman Diplomacy: Abdülhamid II and the Great Powers, 1878–1888*. Istanbul : Isis Press. 326 p.

References

1. Alekseev, M. (1998). *Voennaya razvedka Rossii ot Ryurika do Nikolaya II* [Military Intelligence of Russia from Rurik to Nicholas II]. Moscow: Rus. razvedka. (in Russian).
2. Grebenshchikova, G.A. (2021). *Germano-tureckoe voenno-politicheskoe sotrudnichestvo v nachale XX veka i pozitsiya Rossii* [German-Turkish Military-Political Cooperation in the Early 20th Century and Russia's Position] in *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*, (29), 260–281. (in Russian).
3. Rybachyonok, I. S. (2012). *Zakat velikoj derzhavy: vneshnyaya politika Rossii na rubezhe XIX–XX vv.: celi, zadachi i metody* [The Decline of a Great Power: Russian Foreign Policy at the Turn of the 19th–20th Centuries: Goals, Objectives and Methods]. Moscow: ROSSPJeN. (in Russian).
4. Rybachyonok, I. S. (2000). *Proekty resheniya problemy Chernomorskih prolivov v poslednej chetverti XIX veka* [Projects for Solving the Problem of the Black Sea Straits in the Last Quarter of the 19th Century] in *Voprosy istorii*, 4–5, 47–59. (in Russian).
5. Tomilin, A. (2020). *Russkaya voennaya razvedka na Bosfore v 1878–1885 gg.* [Russian Military Intelligence on the Bosphorus in 1878–1885] in *Zhurnal rossijskih i vostochnoevropejskih istoricheskikh issledovanij*, 4 (23), 6–32. (in Russian).
6. Filippov, V. N. (1881). *Voennoe obozrenie Aziatskoj Turcii* [Military Survey of Asiatic Turkey]. Saint Petersburg. (in Russian).

7. Filippov, V. N. (1886). *Strategicheskoe opisanie Bosfora* [Strategic Description of the Bosphorus]. Saint Petersburg. (in Russian).
8. Aksakal, M. (2008). *The Ottoman Road to War in 1914: The Ottoman Empire and the First World War*. Cambridge: Cambridge University Press (in English)
9. Anderson, M. S. (1966). *The Eastern Question, 1774–1923: A Study in International Relations*. London: Macmillan. (in English)
10. Davison, R. H. (1963). *Reform in the Ottoman Empire, 1856–1876*. Princeton: Princeton University Press. (in English)
11. Earle, E. M. (1923). *Turkey, the Great Powers, and the Bagdad Railway: A Study in Imperialism*. New York : Macmillan.
12. Langensiepen, B. (1995). *The Ottoman Steam Navy, 1828–1923*. London : Conway Maritime Press. (in English)
13. Trumpener, U. (1968). *Germany and the Ottoman Empire, 1914–1918*. Princeton : Princeton University Press. (in English)
14. Yasamee, F. A. (1996). *Ottoman Diplomacy: Abdülhamid II and the Great Powers, 1878–1888*. Istanbul : Isis Press. (in English)

<https://doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-40-51>
УДК 94(470.63)

ОТПУСК БЕЗ ОТДЫХА: ЭПИЗОД ИЗ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ И.В. СТАЛИНА (АВГУСТ 1940 Г.)

С.В. Девятков*

МГУ им. М.В. Ломоносова

Ленинские горы, д. 1, Москва, 119991, Россия

В.И. Жилев,

В.А. Невежин

ИРИ РАН

117292, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва

Аннотация

Введение. Повседневная жизнь И.В. Сталина постоянно привлекает внимание историков. Эта тема отражена в ряде исследований. Среди них особое место занимают публикации об организации его отдыха. Однако в рамках данной проблематики имеются еще не освещенные сюжеты. В предлагаемой статье прослеживаются события августа 1940 г., связанные с намерением И.В. Сталина отправиться в продолжительный отпуск. **Материалы и методы.** Архивные документы, которые бы могли прямо подтвердить, что Сталин действительно воспользоваться этим отпуском, ее авторам выявить не удалось. Тогда была предпринята попытка восстановить последовательность событий августа 1940 г. из повседневной жизни Сталина. В ходе исследования привлекались различные (опубликованные и не опубликованные) источники: документальные материалы, мемуары, переписка. С их помощью удалось с большой степенью полноты установить, что вплоть до 26 августа 1940 г. И.В. Сталин постоянно был занят решением важных государственных вопросов, в первую очередь, внешнеполитических. Он принимал активное участие в обсуждении и принятии постановлений Политбюро, относившихся к оформлению в различных аспектах (политическом, экономическом, юридическом, культурном) дальнейшего развития Прибалтийских республик (Литвы, Латвии, Эстонии), а также Бессарабии и Северной Буковины, которые в начале августа 1940 г. были включены в состав Советского Союза. Помимо этого, И.В. Сталин редактировал политически значимые статьи газеты «Правда» (с откликом на убийство Л.Д. Троцкого; приуроченную к годовщине договора о ненападении между СССР и Германией). Авторы высказали предположение о том, что в конце августа 1940 г. Сталин мог воспользоваться отпуском лишь для кратковременного посещения на Государственной даче на Валдае. **Заключение.** Исследование, проведенное авторами статьи, позволило впервые восстановить один из значимых эпизодов повседневной жизни И.В. Сталина августа 1940 г. Принятое в начале этого месяца сталинское решение направиться в продолжительный отпуск оказалось не реализованным. Тщательное восстановление последовательности событий позволило выявить картину активной деятельности Сталина в этот столь короткий, но важный во внешнеполитическом плане хронологический период. Государственные интересы оказались у него в создавшихся условиях на первом плане, а от продолжительного отпуска пришлось отказаться.

Ключевые слова: Иосиф Сталин, повседневная жизнь, продолжительный отпуск, Лев Троцкий, страны Балтии, Сессия Верховного Совета СССР, Государственная дача, Валдай.

* Ответственный автор

Для цитирования: Девятков С.В., Жилиаев В.И., Невежин В.А. (2026). Отпуск без отдыха: эпизод из повседневной жизни И.В. Сталина (август 1940 г.) // История: факты и символы. 2026. № 3 (48). С. 40-51 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-40-51

Статья поступила: 11.01.2026

Статья принята в печать: 12.05.2026

Статья опубликована: 10.06.2026

© Девятков С., Жилиаев В., Невежин В., 2026

A VACATION WITHOUT REST: AN EPISODE FROM THE DAILY LIFE OF JOZE STALIN (AUGUST 1940)

S.V. Devyatov*

*Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russia*

V.I. Zhilyaev,

V.A. Nevezhin

*Ulyanov Institute of Russian Institute of History,
Russian Academy of Sciences,
19, Moscow, 117292*

Abstract

Introduction. The everyday life of Joseph Stalin invariably attracted the attention of historians. This topic has been explored in a number of studies. Among these, publications on his vacation arrangements occupy a prominent place. However, within this framework, there are still unexplored areas. This article traces the events of August 1940 associated with Stalin's intention to take an extended vacation. **Materials and Methods.** The authors have been unable to locate archival documents that could directly confirm that Stalin actually took this vacation. Therefore, an attempt was made to reconstruct the sequence of events in August 1940 from Stalin's everyday life. The study utilized various published and unpublished sources: documentary materials, memoirs, and correspondence. These sources allowed us to establish with a high degree of completeness that, up until August 26, 1940, Stalin was constantly occupied with important state matters, primarily foreign policy. He took an active part in the discussions and decisions of the Politburo concerning various aspects (political, economic, legal, cultural) of the further development of the Baltic republics (Lithuania, Latvia, Estonia), as well as Bessarabia and Northern Bukovina, which were incorporated into the Soviet Union in early August 1940. In addition, Joseph Stalin edited politically significant articles for the newspaper Pravda (responding to the assassination of Leon Trotsky timed to coincide with the anniversary of the non-aggression pact between the USSR and Germany). The authors suggested that at the end of August 1940, Stalin could only take advantage of his vacation for a short visit to the State Dacha in Valdai. **Conclusion.** The research conducted for this article allowed us to reconstruct for the first time a significant episode of Stalin's everyday life, August 1940. Stalin's decision, made earlier that month, to take an extended vacation was never realized. A careful reconstruction of the sequence of events has revealed a picture of Stalin's active work during this brief, yet foreign policy-critical, period. Under the prevailing circumstances, state interests came first, and the extended vacation had to be abandoned.

Keywords: Joseph Stalin, everyday life, extended vacation, Leon Trotsky, Baltic countries, Session of the Supreme Soviet of the USSR, State dacha, Valdai.

For citation: Devyatov S.V., Zhilyaev V.I., Nevezhin V.A. (2026) A vacation without rest: an episode from the daily life of Joze Stalin (August 1940) In *History: facts and symbols*, 3 (48), 40-51 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-40-51

Received: 11.03.2026

Revised: 12.05.2026

Published: 10.06.2026

© Devyatov S.V., Zhilyaev V.I., Nevezhin V., 2026.

1. Введение

Повседневная жизнь И.В. Сталина постоянно привлекает внимание историков. Эта тема отражена в ряде исследований, среди которых особое место занимают публикации об организации его отдыха. На основании многочисленных источников сложилась целостная картина, дающая представление о том, как в предвоенные годы Сталин проводил свои продолжительные отпуска [5; 7].

Однако имеются и некоторые лакуны в изучении этого вопроса, напрямую относящегося к проблематике повседневной жизни советского вождя в этот период. Один из таких сюжетов связан со сталинским намерением отправиться в начале августа 1940 г. в продолжительный отпуск.

В предлагаемой статье предпринята попытка детального анализа событий, последовавших за этим решением. Авторы опирались на впервые вводимые в оборот либо мало известные источники (в том числе – архивные), которые были использованы с целью приоткрыть завесу тайны, которая скрывала этот эпизод из повседневной жизни И.В. Сталина.

2. Материалы и методы

Как правило, длительные отпуска предоставлялись представителям высшего состава партийно-государственной номенклатуры по решению Политбюро. 6 августа 1940 г. И.В. Сталин обратился к своим соратникам с запиской, в которой просил считать его находящимся в отпуске с 7 августа¹. Был произведен поиск сведений по этому вопросу в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) среди материалов, содержащих биографические данные о Сталине². Однако документов, прямо подтверждающих, что ему действительно был оформлен отпуск решением Политбюро, обнаружить не удалось.

Известно, что свой последний по счету продолжительный отпуск, относящийся к предвоенному периоду, И.В. Сталин провел с 16 августа по 25 октября 1936 г. на юге [7, с. 193]. Данных о его отдыхе в 1937—1939 гг. в распоряжении исследователей не имеется.

Это и понятно. В указанный период в СССР и на международной арене происходили важные события, которые не давали Сталину реальной возможности отправиться в продолжительный отпуск. Достаточно напомнить о политических репрессиях внутри страны, которые, при всей их трагичности, использовались для укрепления сталинской власти. В Европе нацистская Германия развернула захватнические действия с применением вооруженных сил, приведшие к аншлюсу Австрии и Мюнхенскому сговору 1938 г., а затем – к началу Второй мировой войны.

Как видно из его переписки с дочерью Светланой, отдыхавшей летом 1939 г. на Черноморском побережье Кавказа, И.В. Сталин тогда не планировал отправляться в отпуск. 8 августа он писал дочери: «Я не собираюсь в этом году на юг; занят, не могу отлучиться»³.

Но спустя год Сталин всё-таки принял решение основательно отдохнуть. Возможно, дочь была осведомлена об этом его намерении. 5 августа 1940 г. она писала отцу из Сочи, где проводила свои школьные каникулы: «Папочка, я советую тебе лучше ехать на Холодную речку [...]»⁴. Хотя здесь есть бассейн, и в жару в нем хорошо освежиться, и здесь как-то уютнее. Приедешь, сам посмотришь. Папочка дорогой, я тебя жду». В конце письма Светлана высказыва-

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1481. Л. 43-43 об.

² Там же. Ф. 71. Оп. 10. Д. 133, 159, 163, 165, 387, 394, 397.

³ Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5119. Л. 2.

⁴ «Холодная речка» – дача № 18 1-ого Отдела ГУГБ НКВД СССР (до 1936 – Дом отдыха ЦИК СССР). Располагалась в одноименном поселке Гагринского района Абхазской АССР. И.В. Сталин отдыхал в «Холодной речке» в 1933—1936, во время своих продолжительных отпусков.

вала следующее убеждение: «А ты сам понимаешь, дорогой папуса, что тебе необходимо поехать отдохнуть. Это ясно, как божий день...»¹.

Возвращаясь к упомянутому решению Сталина уйти в продолжительный отпуск, следует привести текст его записки от 6 августа 1940 г., написанной синим карандашом: «Вчера я говорил с членами П[олит] Б[юро] (Молотов, Микоян, Ворошилов, Каганович, Берия², Хрущёв, Жданов) о том, что мне пора поехать в отпуск, передохнуть на месяц-полтора. Члены ПБ согласились со мной. Необходимо оформить мой отпуск и установить, что с 7 августа считаюсь в отпуску»³.

Этот разговор, скорее всего, имел место 5 августа, во время работы VII Сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва. Она проходила в Большом Кремлевском дворце с 1 по 7 августа⁴.

Вероятно, И.В. Сталин не явился на заключительные заседания Сессии в последний день ее работы, считая себя уже «в отпуску». Во всяком случае, центральные газеты не сообщали о присутствии вождя на этих заседаниях⁵.

Так или иначе, под грифом «ОП» («Особая папка») был подготовлен текст решения Политбюро «Об отпуске тов. Сталину». На отдельном листе бумаги фиолетовыми чернилами рукой его помощника А.Н. Поскрёбышева было написано: «Предоставить тов. Сталину отпуск с 7 августа с/г. на 1—1 ½ месяца». Ниже имелись две пометы, зачеркнутые также фиолетовыми чернилами. На этом же листе в правом нижнем углу сохранилась еще одна помета (простым карандашом): «Оформить. П[оскрёбышев]»⁶.

Однако, как уже отмечалось, выявить какие-либо иные архивные документы, которые бы содержали информацию о предоставлении Сталину продолжительного отпуска в августе 1940 г., пока не удалось. В то же время имеется достаточно фактического материала, свидетельствующего о том, что и после 7 августа (когда должен был начаться сталинский отпуск) вождь непосредственно занимался решением вопросов государственной важности.

Много внимания он уделял проблемам, связанным с территориальным расширением СССР. Как отмечали авторы монографии о повседневной жизни И.В. Сталина в 1940 г., эти приобретения Советского Союза «были грандиозны» [10, с. 70].

В августе 1940 г. в его состав были включены республики Прибалтики (Литва, Латвия и Эстония). Первоначально (в конце сентября-октябре 1939 г.) Советский Союз в результате переговоров с дипломатическими представителями стран Балтии сумел подписать с ними договоренности, предусматривавшие, в частности, размещение на их территориях частей Красной армии.

Позднее, в июле 1940 г. в республиках Прибалтики (Литве, Латвии и Эстонии) установилась советская власть [2; 4; 6].

Одновременно успешно для СССР разрешился спорный вопрос о территориальной принадлежности Бессарабии, исторической области, расположенной между Чёрным морем и реками Дунаем, Прутом и Днестром. В 1812 г., в результате русско-турецкой войны, она отошла к Российской империи. В декабре 1917 г. на территорию Бессарабии вступили румынские войска. В марте 1918 г. было достигнуто соглашение между Советской Россией и Румынией об их выводе из Бессарабии. Однако начавшаяся затем интервенция стран Антанты против РСФСР помешала практическому осуществлению этого решения. В конце 1919 г. Бессарабия была аннексирована Румынией. Естественно, Советское правительство не признало этой захватнической акции враждебного соседнего государства.

¹ Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. / Сост. Ю.Г. Мурин. М.: Журнал «Родина», М., 1993. С. 66.

² Л.П. Берия являлся кандидатом в члены Политбюро.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д.

⁴ Известия. 1940. 2-8 августа.

⁵ Правда. 1940. 8 августа; Известия. 1940. 8 августа.

⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1481. Л. 44.

Согласно секретному протоколу к советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г., Бессарабия была отнесена к сфере государственных интересов СССР. 26 июня 1940 г. В.М. Молотов вручил румынскому послу Г. Давидеску ноту, в которой содержались предложения не только о возвращении Бессарабии Советскому Союзу, но и о передаче ему Северной Буковины.

Эти территории, в конечном счете, были освобождены от румынских войск и заняты частями Красной армии [6, с. 194-212].

3. Результаты

Выступая 1 августа 1940 г. с докладом о внешней политике на VII Верховного Совета СССР, глава Советского правительства В.М. Молотов, в частности, с удовлетворением констатировал, что в результате присоединения республик Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины численность населения Советского Союза увеличилась на 10 млн человек¹.

10 августа в Большом Кремлевском дворце был устроен грандиозный прием (банкет) «представителей народов Бессарабии и Северной Буковины, Полномочных Комиссий сеймов Литвы, Латвии и Государственной думы Эстонии». На приеме присутствовали делегаты от этих народов, «члены ЦК ВКП(б) и правительство Советского Союза, депутаты Верховного Совета СССР, депутаты Верховного Совета РСФСР, Герои Советского Союза, виднейшие мастера искусств, писатели, ученые».

В 20.00 в Георгиевском зале появились И.В. Сталин и сопровождавшие его члены Политбюро, которые, судя по газетному отчету, были встречены овацией, продолжавшейся в течение нескольких минут².

Вхождение в состав СССР республик Прибалтики повлекло за собой несколько постановлений Политбюро ЦК ВКП(б), которые касались вопросов дальнейшего развития новых союзных республик. Решение этих вопросов осуществлялось при активном участии И.В. Сталина.

По окончании VII Сессии Верховного Совета СССР в Кремле была организована встреча Сталина с членами каждой из делегаций Прибалтийских республик по отдельности.

Как отмечала в своей монографии Е.Ю. Зубкова, это «была не просто дежурная встреча: речь на ней шла о выработке комплекса первоочередных мер по советизации балтийских республик» [2, с. 101].

Ю.И. Палецкис, присутствовавший на встрече с И.В. Сталиным в составе делегации Литвы, утверждал, что она состоялась в Кремле, в здании, где работало Правительство Советского Союза. Следует уточнить, что все три упомянутые встречи проходили в Овальном зале на втором этаже здания.

Кроме Сталина, на них присутствовали члены Политбюро Молотов, Жданов и Андреев. Согласно воспоминаниям Ю.И. Палецкиса, И.В. Сталин высказывал свое мнение по каждому конкретному предложению, заранее подготовленному литовской стороной и изложенному в ходе беседы, относительно проведения преобразований в области государственного устройства, хозяйственного развития, финансовой системы и т.д. и т.п. Обсуждение носило свободный характер и проходило в форме диалога³.

Палецкис отмечал, что во время этой встречи члены литовской делегации «не заметили ни стенографиста, ни другого технического работника», и только Молотов «делал какие-то заметки»⁴.

По всей вероятности, с «заметками» по итогам бесед Сталина с членами делегаций Прибалтийских республик глава советского правительства ознакомил своего заместителя по СНК

¹ Известия. 1940. 2 августа.

² Известия. 1940. 11 августа.

³ Палецкис Ю.И. В двух мирах. М.: Политиздат, 1974. С. 342-346.

⁴ Там же. С. 346.

СССР А.Я. Вышинского. 10 августа 1940 г. Вышинский представил на рассмотрение членов Политбюро проект постановления о государственных и хозяйственных реформах в этих республиках. Ответственная задача составления столь важного документа не случайно была возложена на А.Я. Вышинского. Летом 1940 г. он был направлен в качестве специального эmissара в Латвию (в Эстонию выехал секретарь ЦК ВКП(б), член Политбюро А.А. Жданов, а в Литву – заместитель народного комиссара иностранных дел В.Г. Деканозов). Результатом их миссий стала замена прежней формы государственного правления в странах Балтии и установления советской власти.

В докладной записке, направленной на имя Молотова, Вышинский сообщал: «Представляю предварительный проект Постановления ЦК ВКП(б) по вопросам, обсужденным на приеме товарищем Сталиным и Вами делегаций Литовской, Латвийской и Эстонской Советских Социалистических Республик»¹.

Проект постановления предварял собой документ, состоявший из 16-ти пунктов. Проект включал такие вопросы, как образование высших органов государственной власти Прибалтийских республик; их административное деление; введение денежной валюты; национализацию пароходных обществ, крупных промышленных предприятий и домовладений; развитие сельского хозяйства; юридическое оформление гражданства и т.д. и т.п.

Молотов внес редакторскую правку и направил документ на имя И.В. Сталина со следующей припиской: «По-моему, можно принять предлагаемый проект (с поправкой в тексте)» [2, с. 101-102].

14 августа высший партийный орган утвердил вопрос «О государственном и хозяйственном строительстве Литовской, Латвийской и Эстонской ССР (постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР)»².

Если судить на основании свидетельства Палецкиса, Сталин в ходе беседы с представителями Литвы затронул и вопрос о развитии культуры, в частности, выразив пожелание об организации в Москве декады литовской литературы и искусства³.

В упомянутом проекте, представленном на обсуждение членов Политбюро, имелся следующий пункт: «Считать целесообразным проведение декады искусств Литвы, Латвии и Эстонии в течение 1941 года. Одобрить предложение латвийской делегации (*sic. – авт.*) о проведении в Москве декады латвийского искусства весной 1941 года»⁴.

Так или иначе, по результатам голосования по проекту документа, предложенного Вышинским, 14 августа 1940 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О государственном и хозяйственном строительстве Литовской, Латвийской и Эстонской ССР»⁵. Этим днем датируется принятие еще нескольких решений Политбюро по данной проблематике: об организации железных дорог в Литве, Латвии и Эстонии; о перешивке железнодорожных путей на Литовской железной дороге⁶; о преобразовании армий в Эстонской, Латвийской и Литовской ССР⁷. На следующий день было принято решение Политбюро «О мероприятиях по вопросам печати в Латвии, Литве и Эстонии»⁸.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1273. Л. 136.

² На чаше весов. Эстония и СССР. 1940 год и его последствия / Сост. и ред. П. Верес, О. Журьяри. Таллинн: Евро-университет, 1999. С. 232-234.

³ Палецкис Ю.И. Указ. соч. С. 345.

⁴ На чаше весов... С. 234.

⁵ СССР и Литва в годы Второй мировой войны. В 2 т. Т. 2. Литва в политике СССР и в международных отношениях (август 1940—сентябрь 1945 гг.). Сборник документов. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 2012. Док. №33. С. 135-137.

⁶ Там же. С. 138, прим. 2.

⁷ Там же. Док. №34. С. 138-140.

⁸ На чаше весов... С. 234.

По всей вероятности, все эти постановления предварительно обсуждались с членами Политбюро в служебном кабинете И.В. Сталина в Кремле вечером 14 августа¹.

Неделю спустя последовали его очередные постановления, касавшиеся новых союзных республик Прибалтики. 22 августа Политбюро утвердило персональный состав Верховных Советов и глав правительств Литвы, Латвии и Эстонии², а также регламент дальнейшей деятельности этих высших органов власти³.

На повестку дня встал вопрос о принятии текстов новых Конституций этих республик. Формально проекты основных законов следовало получить от конституционных комиссий Литовского и Латвийского Сеймов и Госдумы Эстонии, а редактировать их должны были А.А. Жданов, В.Г. Деканозов и А.Я. Вышинский. На деле Политбюро ЦК ВКП(б) в тот же день утвердило текст, подготовленный и подписанный непосредственно этими советскими функционерами. Он послужил основой для новых, уже советских, конституций Прибалтийских республик [2, с. 104].

Помимо этого, 22 августа 1940 г. было принято решение «О внешней торговле Эстонии, Латвии и Литвы с границей»⁴.

По свидетельству Ю.И. Палецкиса, в завершение упомянутой выше встречи с литовской делегацией И.В. Сталин задал вопрос о нахождении нового правительства Литвы: перебралось ли оно в Вильнюс? Его интерес к этому городу представляется не случайным.

Вильнюс (Вильно) в 1918 г. был провозглашен столицей независимой Литвы, а в 1920 г. его заняли польские войска. Город вошел в состав Польского государства. 10 октября 1939 г., в условиях, когда оно временно перестало существовать, в Москве был подписан Договор о передаче Литовской республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой.

И.В. Сталин в ходе встречи с делегацией этой Прибалтийской республики порекомендовал новому государственному руководству обязательно «перебраться в Вильнюс», который, по его словам, являлся «исторической столицей Литвы». Если Вильнюс оставить в запустении, рассуждал далее Сталин, то он останется «заштатным городом, как при Пилсудском»⁵.

Эта рекомендация легла в основу докладной записки А.Я. Вышинского и В.Г. Деканозова от 23 августа 1940 г., адресованной И.В. Сталину и В.М. Молотову, в которой сообщалось, что Правительство Литовской ССР «возбудило вопрос об объявлении столицей Советской Литвы г. Вильно». Авторы докладной записки просили утвердить это предложение и на предстоящей сессии Народного Сейма «определить срок перенесения столицы из г. Каунас в г. Вильно». В тот же день Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «О перенесении столицы Литовской ССР»⁶.

Этот вопрос обсуждался на Чрезвычайной сессии Народного сейма Литвы 25 августа. В Конституции Литовской ССР было закреплено, что ее столицей является Вильно (Вильнюс). Ее высший законодательный принял решение о завершении переезда правительства Литвы в Вильнюс к 1 мая 1941 г.⁷.

Выступая на VII Сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва (1 августа 1940 г.) В.М. Молотов, имея в виду присоединение Бессарабии и Северной Буковины, счел необходимым подчеркнуть: «Границы Советского Союза передвинулись [...] на запад и дошли до реки

¹ На приеме у Сталина: тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953). Справочник / Авт. – сост.: А.В. Коротков, А.Д. Чернев, А.А. Чернобаев. М.: Новый Хронограф, 2010. С. 309.

² СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 2. Док. №53. С. 171–172.

³ Там же. Док. № 54. С. 172–174.

⁴ Там же. Док. № 56. С. 175.

⁵ Палецкис Ю.И. Указ. соч. С. 345.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1275. Л. 123.

⁷ Известия. 1940. 27 августа.

Дуная, являющейся, после Волги, самой мощной рекой в Европе и одним из важнейших путей товарообмена для ряда европейских стран»¹.

Вслед за этим были предприняты практические шаги по пропагандистскому обеспечению успешной внешнеполитической акции, осуществленной с привлечением частей Красной армии. 24 августа в центральных советских газетах появилось следующее сообщение: «В ближайшие дни на экраны [Советского] Союза выходит новый художественный фильм "На Дунае" (Документальная хроника об освобождении Бессарабии и Северной Буковины. Производство Центральной и Украинской студий кинохроники)»².

В тот же день Л.Я. Ровинский направил А.Н. Поскрёбышеву текст рецензии Н.Н. Кружкова на новую киноленту. В сопроводительной записке ответственный редактор «Правды» просил «представить эту рецензию на утверждение товарищу Сталину» и сообщал, что ее публикация намечена на 25 августа.

Примечательно, что И.В. Сталин не только нашел время для прочтения текста рецензии, написанной членом редколлегии газеты «Правда» Н.Н. Кружковым, но и подверг ее небольшой редакторской правке³. Например, он живо отреагировал на замечание Кружкова о том, что музыкальным лейтмотивом рецензируемого фильма стал «старый вальс "Дунайские волны"». Сталин в данном случае продемонстрировал свои музыкальные познания и внес следующее уточнение: это был «известный популярный вальс» композитора Ивановичи [8, с. 347-348]⁴.

Поздним вечером 24 августа 1940 г. Л.Я. Ровинский в течение 5 минут (с 21.30 до 21.35) находился в служебном кабинете И.В. Сталина в Кремле⁵. По всей вероятности, ответственный редактор «Правды» получил от вождя отредактированный текст рецензии Кружкова на кинофильм «На Дунае», которая на другой день была опубликована в этой газете⁶.

Между тем беззаботно проводившая каникулы в Сочи дочь Сталина, вероятно, уже осознала, что отец не сможет приехать в отпуск на юг в связи со своей занятостью. 22 августа она, в частности, писала: «Дорогой папочка, я по тебе соскучилась страшно, а тебя всё нет и нет. "Печенкой чувствую", что ты опять надуешь меня [...] и не приедешь».

В этом же письме Светлана спрашивала отца: «Да, как тебе понравился Авиационный парад? Лучше, чем в прошлом году или так же?»⁷. Известно, что И.В. Сталин с большой симпатией относился к советской авиации. По совету отца его младший сын стал военным летчиком.

В апреле 1933 г. был учрежден День Воздушного Флота СССР (в просторечии – День авиации). Ежегодно, 18 августа в честь этого праздника на Тушинском аэродроме устраивался воздушный парад. И.В. Сталин, члены Политбюро и Советского правительства впервые посетил этот парад в 1937 г.⁸. В дальнейшем, в 1938 и 1939 гг. они неизменно присутствовали на грандиозных праздниках, которые проходили на аэродроме в Тушино по случаю Дня авиации⁹. В воскресенье, 18 августа 1940 г., по уже установившейся традиции, Сталин прибыл на авиационный парад. Газета «Известия» сообщала: «В День авиации Тушинский аэродром принимал гостей. И хотя праздник открылся в 3 часа дня, задолго, с утра, сотни тысяч москвичей двинулись сюда на автомобилях, трамваях, автобусах, поездах и просто пешком [...] Скоро зрители заполнили секторы аэродрома, подходы к полю, высокие берега реки, насыпи канала, возвы-

¹ Правда. 1940. 2 августа.

² Правда. 1940. 24 августа. Известия. 1940. 24 августа.

³ И.В. Сталин. Историческая идеология в СССР в 1920-1950-е годы: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений. Сборник документов и материалов. Ч. 1. 1920—1930-е годы. СПб.: Наука-Питер, 2006. Док. №222. С. 459-460.

⁴ И. Ивановичи (1845—1902), румынский композитор и капельмейстер.

⁵ На приеме у Сталина... С. 309.

⁶ Правда. 1940. 25 августа.

⁷ Иосиф Сталин в объездах семьи... С. 67.

⁸ Правда. 1937. 20 августа; Известия. 1937. 20 августа.

⁹ Правда. 1938. 20 августа, 1939. 20 августа; Известия. 1938. 20 августа, 1939. 20 августа.

шенности и далее крыши домов. На трибунах главного здания аэроклуба находились члены ЦК ВКП(б), депутаты Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, Герои Советского Союза, народные комиссары, представители высшего командования Красной армии и Военно-Морского флота, партийный и советский актив столицы, знатные стахановцы заводов и фабрик Москвы, представители интеллигенции. Среди гостей — чины дипломатического корпуса».

В правительственной ложе располагались И.В. Сталин, члены и кандидаты в члены Политбюро (В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, А.А. Андреев, А.И. Микоян, А.А. Жданов, Л.П. Берия, Н.М. Шверник); Н.А. Булганин, Л.З. Мехлис, А.С. Щербаков; представители высшего командного состава РККА (С.К. Тимошенко, С.М. Буденный, Г.И. Кулик, К.А. Мерецков и другие).

Лётное мастерство продемонстрировали во время авиационного праздника в Тушино военные летчики; в небе промчалось свыше 380 самолетов; был выброшен парашютный десант в количестве 150 человек¹.

Август 1940 г. ознаменовался годовщиной со дня подписания советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г. (так называемого пакта Риббентропа-Молотова). И.В. Сталин придавал этому соглашению большое значение и постоянно уделял внимание развитию политических отношений с Германией. В частности, он лично внес правку в текст передовой статьи, приуроченной к годовщине Договора о ненападении.

Машинописный вариант этой статьи ответственный редактор газеты «Правда» Л.Я. Ровинский 21 августа 1940 г. направил А.Н. Поскрёбышеву. В сопроводительной записке Ровинский сообщал, что текст подготовлен по указанию Молотова.

Сталин ознакомился с рукописью и внес в нее смысловую редакционную правку. Судя по помете А.Н. Поскрёбышева, вождь закончил редактирование представленной рукописи 22 августа 1940 г. [8, с. 340-345]. Статья, приуроченная к годовщине советско-германского договора, как и планировалось, была опубликована 23 августа².

В эти же дни произошло событие, которое И.В. Сталин не мог не заметить: покушение на проживавшего в эмиграции в Мексике его яркого политического противника Л.Д. Троцкого. Оно было тщательно подготовлено и совершено 20 августа при участии агентов НКВД по заданию Сталина. В результате покушения Троцкий получил смертельное ранение и на другой день скончался в больнице.

В.В. Вишневский, политически ангажированный писатель и драматург, 22 августа записал в дневнике: «Слуш[ал] [иностранный] радио»³. 11.30. Слух: в Мексике убит Троцкий. Давно пора»⁴.

Центральные советские газеты поместили сообщение об этом покушении (текст его состоял всего из двух предложений), ссылаясь на информацию американской прессы и Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС) от 21 августа. В «Правде» это лаконичное сообщение было опубликовано между заметками о росте преступности в Хельсинки и о производстве американской фирмой «Дженерал Моторс» газогенераторов в Норвегии (оккупированной Германией⁵). Оно попало и на страницы газеты «Известия»⁶.

24 августа обе газеты опубликовали столь же лаконичную заметку об уходе из жизни сталинского политического оппонента: «Лондон, 22 августа. (ТАСС). Лондонское радио сегодня сообщило: В Мексике в больнице умер Троцкий от пролома черепа, полученного во время покушения на него, совершенного одним из лиц его ближайшего окружения»⁷. Позднее стало

¹ Известия. 1940. 20 августа.

² Правда. 1940. 23 августа.

³ В.В. Вишневский знал английский и немецкий языки и имел возможность слушать иностранное радио.

⁴ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2077. Л. 82.

⁵ Правда. 1940. 22 августа.

⁶ Известия. 1940. 22 августа.

⁷ Правда. 1940. 24 августа; Известия. 1940. 24 августа.

известно, что убийцей Л.Д. Троцкого оказался испанский коммунист Рамон Меркадер, завербованный советскими спецслужбами.

И.В. Сталин считал необходимым откликнуться на известие о смерти своего заклятого врага. Сделано это было следующим образом. Скорее всего, по сталинскому распоряжению, редколлегия газеты «Правда» подготовила рукопись статьи под заголовком «Бесславная смерть Троцкого»¹. В одной из документальных публикаций время ее написания неверно отнесено к 16 августа². Эти ошибочные сведения проникли в исследовательскую литературу [10, с. 84].

На самом деле рукопись упомянутой статьи была просмотрена И.В. Сталиным позднее, уже после получения известия о кончине Л.Д. Троцкого. После редакторской правки статья была опубликована газетой «Правда» (без подписи, и под другим названием: «Смерть международного шпиона»)³.

Имеющийся в нашем распоряжении фактический материал, извлеченный из разного рода источников, главным образом, из архивных документов, дает основание для вывода о том, что период с 7 августа (дня, который Сталин считал первым днем продолжительного отпуска) до 26 августа включительно вождь активно работал, принимал участие в разрешении текущих вопросов внутривластного и внешнеполитического характера.

Следовательно, в указанный период И.В. Сталин не воспользовался объявленным им отпуском по причине большой занятости. Не было времени на полноценный отдых и у В.М. Молотова. Он, в частности, писал своей жене П.С. Жемчужиной, отдыхавшей вместе с дочерью на юге: «Здесь стоят такие хорошие дни, что не хуже Крыма. Мои дела идут хорошо [...] Вот когда у меня будет отпуск, м.б. в следующем году, надо собираться в Сочи на Мацесту. Буду об этом мечтать, по крайней мере» [9, 57-58].

Между тем, судя по журналу посетителей кремлевского служебного кабинета И.В. Сталина, он отсутствовал в нем почти 5 суток (с ночи 26 до вечера 31 августа)⁴. Можно предположить, что Сталин всё-таки воспользовался возможностью отдохнуть, хотя и в течение короткого времени.

Если идти дальше в этих предположениях, то заслуживает внимания информация о вероятности посещения им августе 1940 г. «объекта №201», государственной дачи на Валдае. Она находилась на расстоянии более 300 км от Ленинграда и порядка 400 км – от Москвы.

Строительство «объекта №201» продолжалось с середины 1939 по октябрь 1940 г. Он предназначался для отдыха А.А. Жданова. Не исключалось, что на государственную дачу мог прибыть и И.В. Сталин.

Были сооружены главный дом площадью более 930 кв. м. (дача №1), служебный дом площадью почти 535 кв. м) (дача №2). Помимо этого, строились биллиардная-кинозал, дом сотрудников (дача №4 – административно жилой комплекс); электростанция (склад-мастерские), гараж (дача №3), хозяйственный гараж, котельная и др.

К работе были привлечены лучшие строители, метростроевцы и краснодеревщики. В строительстве и отделке использовались уникальные отечественные и отчасти заграничные материалы.

Внутренняя облицовка комнат главного дома была выполнена из ценных пород дерева (дуб, темный и светлый орех, карельская береза, клен, ясень, чинара). Высота потолков колебалась от 4 м до 8,3 м.

¹ Большая цензура: писатели и журналисты в Стране Советов, 1917–1956 / Сост. Л.В. Максименков. – М.: Материк; Демократия, 2005. Док. №373. С. 521-522.

² Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «Смерш». 1939—март 1946. Документы высших органов партийной и государственной власти / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева. Сост.: В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М.: МФД; Материк. 2006. Док. №123. С. 182.

³ Правда. 1940. 24 августа.

⁴ На приеме у Сталина... С. 309-310.

В нем были расположены спальня и ванная комната А.А. Жданова. Также на случай прибытия Сталина для него готовились спальная комната (размером 8,5 м х 8,0 м), отделанная коричневой карельской березой, и ванная с разноцветной плиткой [1, с. 95-100].

По некоторым данным, И.В. Сталин посещал государственную дачу на Валдае, и с высокой степенью вероятности можно предположить, что это событие имело место в августе 1940 г. Ориентировочно единственный приезд И.В. Сталина был осуществлен из Ленинграда автомобильным транспортом [1, с. 113].

Согласно воспоминаниям ветеранов органов безопасности, которые обеспечивали охрану и обслуживание Валдайской дачи, И.В. Сталин, познакомившись с объектом и планом его расположения, промолвил только одно слово – «мишиловка» («мышеловка») – с присущим ему грузинским акцентом.

Во всяком случае, по существующим в настоящее время в научном обороте документам можно уверенно утверждать, что И.В. Сталин больше ни разу на «объект №201» не приезжал. Валдайская государственная дача не устраивала его по критериям безопасности и удобства территории для отдыха и лечения.

В период Великой Отечественной войны длительное время в ее четвертом корпусе (служебном здании) располагался штаб Северо-Западного фронта Красной армии. Об этом свидетельствует мемориальная доска, установленная в 1971 г. на его главном фасаде сталинской (ждановской) дачи на Валдае [1, с. 22, 28].

Последним этапом функционирования этой дачи стал период пребывания А.А. Жданова в главном доме, где он находился на излечении, но скончался от сердечной недостаточности (или от обширного инфаркта).

4. Заключение

Проведенное на основании разнообразных источников исследование позволило осветить один из интересных, но мало изученных эпизодов из повседневной жизни И.В. Сталина, относящийся к августу 1940 г. Принятое в начале этого месяца сталинское решение направиться в продолжительный отпуск не было утверждено решением Политбюро и оказалось не реализованным. Тщательное восстановление последовательности событий позволило выявить картину активной деятельности Сталина в этот столь короткий, но важный во внешнеполитическом плане хронологический период. В то же время, не исключено, что последние пять дней августа он провел на государственной даче на Валдае.

Так или иначе, но государственные интересы оказались у советского вождя в создавшихся условиях на первом плане, а от продолжительного отпуска ему пришлось отказаться.

Список источников и литературы

1. Зими́на, Г. А. (2016). *Дом отдыха «Валдай» – прошлое и настоящее*. Великий Новгород: б.и. 448 с.
2. Зубкова, Е. Ю. (2008). *Прибалтика и Кремль. 1940-1953*. М.: РОССПЭН. 351 с.
3. Жили́ев, В. И. (2006). *Один отпуск – два уголовных дела* // Родина. №5. С. 69-74.
4. Ильмяров, М. (2012). *Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940)*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина». 806 с.
5. *Медицина и власть в России. В 2 т. Т. 2. Лечебно-санитарное управление Кремля* (2024). М.: ГАЭТАР-Медиа. 304 с.
6. Мельтюхов, М. И. (2021). *Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу. 1939-1941 гг.* М.: Родина. 624 с.
7. Не́вежин, В. А. (2020). *Застолья Иосифа Сталина. Кн. 2. Обеды и ужины в узком кругу («симпозионы»)*. М.: АИРО-XXI. 528 с.

8. Невежин, В. А. (2025). *Возвращение великой державы. Внешняя политика и дипломатия Сталина (май 1939 – апрель 1941 г.)*. М.: Вече. 464 с.
9. Никонов, В. А. (2016). *Молотов. Наше дело правое. В 2 кн. Кн. 2*. М.: Молодая гвардия. 524 с.
10. Хеделер, В., Штеффен, Д. (2011). *1940 - счастливый год Сталина*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина». 207 с.

Referenses

1. Zimina, G. A. (2016). *Dom otдыхa «Valdai» – proshloye i nastoyashcheye* [Holiday home "Valdai" - past and present]. Great Novgorod: bez izdania. (in Russian).
2. Zubkova, E. YU. (2008). *Pribaltika i Kreml'. 1940—1953* [The Baltics and the Kremlin. 1940—1953]. Moscow: ROSSPEN. (in Russian).
3. Zhilyayev, V. I. (2006). *Odin otpusk – dva ugovnykh dela* [One vacation -- two archival cases] in *Rodina*, 5, 69-74. (in Russian).
4. Il'myarv, M. (2012). *Bezmolvnyaya kapitulyatsiya. Vneshnyaya politika Estonii, Latvii i Litvy mezhdu voynami i utrata nezavisimosti (s serediny 1920-kh godov do anneksii v 1940)* [Silent Capitulation. The Foreign Policy of Estonia, Latvia, and Lithuania between the Wars and the Loss of Independence (from the mid-1920s until annexation in 1940)]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond «Prezidentskiy tsentr B.N. Yel'tsina». (in Russian).
5. *Medsina i vlast' v Rossii. V 2 t. T. 2. Lechebno-sanitarnoye upravleniye Kremlya* (2024) [Medicine and Power in Russia. In 2 volumes. Volume 2. Medical and Sanitary Directorate of the Kremlin]. Moscow: GAETAR-Media. (in Russian).
6. Mel'tyukhov, M. I. (2021). *Upushchenny shans Stalina. Skhvatka za Yevropu. 1939—1941 gg.* [Stalin's Missed Chance. The Battle for Europe. 1939—1941]. Moscow: Rodina. (in Russian).
7. Nevezhin, V. A. (2020). *Zastol'ya Iosifa Stalina. Kn. 2. Obedy i uzhiny v uzkom krugu («simposiony»)* [Joseph Stalin's Feasts. Book 2. Lunches and Dinners in a Closed Circle ("Symposiums")]. Moscow: AIRO-XXI. (in Russian).
8. Nevezhin, V. A. (2025). *Vozvrashcheniye velikoy derzhavy. Vneshnyaya politika i diplomatiya Stalina (may 1939 – april' 1941 g.)* [The Return of a Great Power. Stalin's Foreign Policy and Diplomacy (May 1939 – April 1941)]. Moscow: Veche. (in Russian).
9. Nikonov, V. A. (2016). *Molotov. Nashe delo pravoye. V 2 kn. Kn. 2*. [Molotov. Our cause is just. In Book 2. Book 2]. Moscow: Molodaya gvardiya. (in Russian).
10. Khedeler, V., Shteffen, D. (2011). *1940 - schastlivyy god Stalina* [1940 - Stalin's happy year]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond «Prezidentskiy tsentr B.N. Yel'tsina». (in Russian).

ВАНДАЛИЗМ И ЦЕРКОВНЫЕ КРАЖИ В РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ XIX ВЕКА

Л.В. Коробицына

*Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
Ленинградский проспект, 49/2, Москва,
125167, Россия*

Аннотация

Введение. Статья посвящена феномену церковных краж в русской провинции XIX века как формы «прагматического вандализма». Опираясь на современный терминологический аппарат, автор рассматривает посягательство на церковную собственность не только в качестве уголовного преступления, как это квалифицировалось судом в XIX веке, но и как маркер степени народной религиозности и постепенной десакрализации церкви, что в конечном счете стало идеологическим основанием радикализации вандализма на рубеже веков и масштабных перемен начала XX века. **Материалы и методы.** Исследование опирается на материалы фонда Екатеринбургского уездного суда (1775–1874 гг.), хранящиеся в Государственном архиве Свердловской области. Используя технологии компьютерного сканирования с последующей ручной верификацией, автор осуществил сбор статистических данных по церковным кражам и религиозным преступлениям, рассмотренным Екатеринбургским уездным судом с 1775 по 1874 годы и сохранившимся в архиве. Кроме того, в научный оборот были введены материалы нескольких уголовных дел, касавшихся краж, совершенных малолетними преступниками, а также разграбления старообрядческого кладбища. **Результаты.** Статистический анализ показал, что кражи церковного имущества составляли 2,27% (36 дел) от общего числа преступлений и четко отделялись от религиозных правонарушений (17 дел), включавших богохульство, отступление от веры и колдовство. Обнаружена возрастная дифференциация мотивов: взрослые совершали преступления, руководствуясь материальными соображениями (кражи медных колоколов, денег из кружек), тогда как малолетние действовали под влиянием магических представлений о чудодейственных свойствах святых даров и церковной утвари. Данные преступления, в сущности, содержащие элемент умаления сакрального значения церкви, квалифицировались судом как кражи. В то же самое время прецедент на старообрядческом кладбище показал, что гораздо большее внимание суда волновало не посягательство на церковное имущество, а отклонение от православной веры. **Заключение.** Исследование показало, что использование понятия вандализм и переноса современного терминологического аппарата на реалии XIX века позволило выявить внутреннюю специфику совершаемых краж церковной собственности, которые не воспринимались современниками событий, как значимые. Вместе с тем прагматический вандализм XIX века, на первый взгляд лишенный идеологической направленности, способствовал постепенному размыванию особого сакрального статуса церкви. Судебная система, четко разграничивавшая церковные кражи и религиозные преступления, оставляла в «слепой зоне» внутреннее содержание бытового обесценивания священных предметов. Таким образом происходило постепенное вызревание тех крестьянских представлений о церкви, которые приведут к радикальной десакрализации в начале XX века.

Ключевые слова: вандализм, церковные кражи, церковная собственность, разграбление, русская провинция, Екатеринбургский уездный суд, отклонение от веры

Для цитирования: Коробицына Л.В. (2026). Вандализм и церковные кражи в русской провинции XIX века // История: факты и символы. 2026. № 3 (48). С. 52-59 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-52-59

Статья поступила: 08.02.2026

Статья принята в печать: 12.05.2026

Статья опубликована: 10.09.2026

© Коробицына Л., 2026.

VANDALISM AND CHURCH THEFTS IN THE RUSSIAN PROVINCES OF THE 19TH CENTURY

L.V. Korobitsyna

Leningradsky Ave.49/2, 125167, Moscow, Russia

Financial University under

the Government of the Russian Federation

Abstract

Introduction. This article examines the phenomenon of church theft in the Russian provinces of the 19th century as a form of "pragmatic vandalism." Drawing on contemporary terminology, the author examines the attack on church property not only as a criminal offense, as it was classified by courts in the 19th century, but also as a marker of popular religiosity and the gradual desacralization of the church, which would ultimately become the ideological basis for radical vandalism at the turn of the century and the large-scale changes of the early 20th century. **Materials and methods.** The study draws on materials from the collection of the Yekaterinburg District Court (1775–1874), stored in the State Archives of the Sverdlovsk Region. Using computer scanning technologies followed by manual verification, the author collected statistical data on church thefts and religious crimes heard by the Yekaterinburg District Court from 1775 to 1874 and preserved in the archive. In addition, materials from several criminal cases involving thefts committed by juvenile delinquents, as well as the looting of an Old Believer cemetery, were introduced into scientific circulation. **Results.** Statistical analysis revealed that thefts of church property accounted for 2.27% (36 cases) of the total number of crimes and were clearly distinguished from religious offenses (17 cases), including blasphemy, apostasy, and witchcraft. A difference in motives was found by age: adults committed crimes motivated by material considerations (stealing copper bells and money from mugs), while minors acted under the influence of magical beliefs about the miraculous properties of the Holy Gifts and church utensils. These crimes, which essentially contained an element of derogation from the sacred significance of the church, were classified by the court as thefts. At the same time, the precedent at the Old Believer cemetery demonstrated that the court's attention was far more focused on deviations from the Orthodox faith than on encroachment on church property. **Conclusion.** The study demonstrated that the use of the concept of vandalism and the transfer of modern terminology to the realities of the 19th century allowed us to identify the inherent specifics of the thefts of church property that were not perceived as significant by contemporaries of those events. At the same time, the pragmatic vandalism of the 19th century, seemingly devoid of ideological intent, contributed to the gradual erosion of the church's special sacred status. The judicial system, which clearly distinguished between church thefts and religious crimes, left the internal content of the everyday devaluation of sacred objects in its "blind spot." Thus, the gradual maturation of peasant notions of the church occurred that would lead to its radical desacralization in the early 20th century.

Keywords: vandalism, church thefts, church property, looting, Russian provinces, Yekaterinburg District Court, falling away from the faith

For citation: Korobitsyna L.V. (2026) Vandalism and Church Thefts in the Russian Provinces of the 19th Century. In *History: facts and symbols*, 3 (48), 52-59 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-52-59

Received: 11.03.2026

Revised: 12.05.2026

Published: 10.09.2026

© Korobitsyna L., 2026

1. Введение

Кража церковной собственности была довольно характерным явлением для жизни русской провинции XIX века. Бедность и критически низкий уровень образования и культуры крестьян способствовали распространению таких явлений как кража церковных колоколов, денег из кружки для пожертвований, святых даров, и разграбление кладбищ. Поскольку Церковь оставалась ключевым институтом, легитимировавшим социальный порядок, посягательства на ее имущество имели не только материальное, но и символическое измерение, что делает их изучение особенно ценным для понимания народной религиозности. Ранее автор уже обращался к вопросу вандализма кануна Первой русской революции [2] и Революции 1917 года в Екатеринбурге [3], однако тогда разрушение церковной утвари выступало формой выражения недовольства властью и социальной нестабильности – отражало слом социально-политических структур, разрушения старых и формирования новых ценностей. В то же самое время осмысление нападений на церковную собственность в XIX веке позволит выявить динамику развития общественного сознания и постепенного вызревания тех идей, которые в будущем приведут к мощным изменениям начала XX века.

Понятие вандализм возникло в годы Французской революции и отсылало к античному племени вандалов – бескультурных разрушителей храмов, сакральных объектов и материальных достижений цивилизации. В Российской империи данное понятие довольно быстро стало использоваться элитой, предпочитающей французский язык русскому. При этом в большей степени его использование было связано с целенаправленным уничтожением значимых архитектурных объектов [1], а к началу XX века стало охватывать некачественные реставрационные работы [5]. Современное понимание вандализма, как формы девиантного поведения, направленного на разрушение и высмеивание материальных, а порой и сакральных для культуры, объектов, обладает важным идеологическим основанием. Вандализм XIX века, в особенности выходец из крестьянской среды, был скорее прагматиком, стремившимся не умалить значение сакрального предмета, а использовать его в корыстных, порой «магических» целях. В то же самое время использование современного терминологического аппарата при описании уголовных преступлений XIX века позволяет выявить неожиданные стороны быта русской провинции, а также подсветить ментальные и культурные особенности людей той эпохи, чей вандализм проявлялся не через привычные нам десакрализирующие практики, а через потребительское отношение к сакральному как к ресурсу.

2. Материалы и методы

Исследование опирается на статистические данные, полученные благодаря анализу уголовных дел, рассмотренных Екатеринбургским уездным судом за 1775–1874 годы и сохранившиеся в Государственном архиве Свердловской области, с использованием компьютерных технологий с последующей ручной верификацией. Данный метод учета преступлений требует оговорки, так как в статистику включены только те преступления, которые сохранились в архиве, а также дошли до стадии привлечения судебных механизмов, в то время как часть мелких

девиаций и правонарушений оставались на уровне внутриобщинного урегулирования конфликта. Опираясь на метод кейс-стади, автор подробно рассматривает несколько церковных краж, которые отражают специфику совершаемых крестьянами преступлений. Кроме того, в рамках исследования привлекаются методы юридического, историко-динамического и историко-типологического анализа.

3. Результаты

Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО) содержит богатые материалы по преступлениям в отношении церковной собственности, входящие в состав фонда Екатеринбургского уездного суда (1775 – 1874 гг.)¹. Статистический анализ всего массива сохранившихся уголовных дел, рассмотренных уездным судом за период его существования показал, что кражи и грабежи (287 дел – 18,13%) занимали третье место в числе наиболее частых преступлений после побегов крепостных и солдат (389 дел – 24,57%) и убийств (312 дел – 19,71%). При этом преступления в отношении церковной собственности составляют 2,27% – 36 дел (Таблица 1) и не относятся к категории религиозных преступлений (17 дел – 0,93%), среди которых богохульства (обычно это использование бранной лексики в церкви или по отношению к церкви), а также уклонение в раскол и несоблюдение церковных обрядов (Таблица 2).

Таблица № 1. Церковные кражи, рассмотренные Екатеринбургским уездным судом 1778 – 1874 гг.

Источник: ГАСО. Ф. 12. Оп. 1.

Table No. 1. Church thefts heard by the Yekaterinburg District Court 1778–1874

Source: GASO. F. 12. Op. 1.

Таблица 1

№	Объект кражи	Количество дел
1.	Деньги (из церковной кружки, касс, ящика)	14
2.	Колокола (медные)	6
3.	Церковная утварь (сосуды, ризы, ковчеги, митры)	7
4.	Иконы, оклады и драгоценности	5
5.	Иная церковная утварь (книги, свечи)	4
	Всего церковных краж	36

Таблица № 2. Религиозные преступления, рассмотренные Екатеринбургским уездным судом 1778 – 1874 гг.

Источник: ГАСО. Ф. 12. Оп. 1.

Table No. 1. Church thefts heard by the Yekaterinburg District Court 1778–1874

Source: GASO. F. 12. Op. 1.

Таблица 2

№	Категория преступления	Количество дел
1.	Богохульство (сквернословие в отношении церкви)	9
2.	Уклонение в раскол (старообрядчество)	5
3.	Колдовство	1
4.	Несоблюдение церковных обрядов	1
5.	Оскорбление церкви действием	1
	Всего религиозных преступлений	17

¹ Государственный архив Свердловской области. Ф. 12. Оп. 1.

С одной стороны, полученные нами статистические данные подтверждают те представления о Российской империи, которые в настоящее время являются общеизвестными, а именно: нарастающий кризис крепостного права, напряженную социальную обстановку, связанную с крайне тяжелыми условиями труда прикрепленных к уральским заводам посессионных крестьян. С другой стороны, общество XIX века довольно четко разграничивало преступления, совершавшиеся из корыстного умысла, и преступления, влекущие за собой гораздо более серьезные последствия – отклонение от веры.

Среди церковных грабежей самыми распространенными были мелкие кражи из церковных кружек для сбора милостыни, виновники которых чаще всего тратили деньги в питейных заведениях. Вместе с тем нередко встречаются дела, когда преступниками оказывались мальчики не достигшие 14 лет, в том числе, действовавшие по сговору с совершеннолетними знакомыми¹. Наличие такого явления было связано с практикой рассмотрения дел в отношении малолетних Совестными судами, функционировавшими в каждой губернии и созданными в рамках судебной реформы Екатерины II в 1775 году. Главный принцип работы Совестных судов заключался не в применении крайне строгих норм уголовного законодательства, а в разрешении конфликтов «по естественной справедливости».

Одним из самых юных преступников, дело которого сохранилось в материалах Екатеринбургского уездного суда, был 7-летний Артамон Тагильцев совершивший кражу ковчежца со святыми дарами из алтаря Екатеринбургской Сошествиевской церкви². По результатам проведенного судом сбора показаний и улики выяснилось, что на преступление мальчика подговорил сосед, у которого и был обнаружен золотой ковчежец. Сами дары, содержавшиеся в ковчежце – в православной традиции это хлеб и вино, – мальчик съел, потому что бабушка рассказывала ему об их чудодейственных свойствах, иной платы с соседа за кражу он не взял. К сожалению, мы не знаем какое решение было принято в отношении Артамона Тагильцева, потому как дело, вместе с собранными доказательствами, было направлено в Пермский Совестный суд.

Однако следует отметить следующее. С точки зрения формального подхода съеденные дары могут быть рассмотрены как кощунство, однако суд в первую очередь учитывает малолетний возраст преступника, не находя в этом действии целенаправленного надругательства над церковью, и квалифицирует преступление скорее как кражу. Различие в оптике и восприятии одного и того же действия глазами людей XIX века и XXI века крайне характерно. Судя по всему, именно особые свойства церковной утвари становились главной мотивационной силой для малолетних преступников, которые в силу возраста и некритического восприятия рассказов о чудесах, с большой серьезностью относились к их «волшебным» возможностям. Судя по всему, аналогичными представлениями об особых свойствах церковных предметов руководствовался в 1818 году 14-летний Егор Марков, который украл крестильные вещи из церкви³.

В то же самое время подход взрослых к церковным кражам был гораздо более прагматичным и в большей степени фокусировался на медных колоколах⁴. Подобные преступления в сознании людей XIX века не воспринимались как непосредственное оскорбление веры – все понимали, что подобные кражи были продиктованы исключительно стремлением к наживе, а не умалением роли церкви в жизни общества. Аналогичным образом относились к грабежам домов священников и их семей, не усматривая в преступлении некоего желания умалить значение и роль священнослужителей. Как отмечает Грегори Фриз, «церковь являлась своего рода параллельной организационной структурой и интересы ее сильно отличались от интересов государства» [8], что подтверждает мысль о наличии разграничений между преступлениями идео-

¹ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1219.

² ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 884.

³ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 517.

⁴ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 128, 129, 422, 1466, 1523, 1607.

логическими и прагматическими, последние из которых рассматривались в плоскости светских, а не религиозных отношений. Характерным и с точки зрения специфики уральского региона, и с точки зрения квалификации преступлений, является дело по обвинению крестьянина Невьянского завода в краже медных икон и крестов с раскольнического кладбища¹.

Осенью 1857 года крепостной Невьянского завода Петр Афанасьевич Данилов в состоянии алкогольного опьянения собирал иконы и медные кресты на старообрядческом кладбище в мешок и был пойман за этим делом крепостным крестьянином Марком Михайловичем Кошелевым и отставным-рядовым Дмитрием Ивановичем Носовым, первый был на кладбище по собственной надобности, а второй работал «караульником»². По результатам обыска дома Данилова иных краденых вещей не было обнаружено, поэтому Екатеринбургский уездный суд квалифицировал действия Данилова как покушение на преступление, потому в виде меры наказания ограничились битьем розгами – 40 ударов, учитывая то, что 20 ударов розгами считались «детским наказанием», подобное решение можно считать крайне лояльным³. На этом интерес суда к краже на старообрядческом кладбище закончился и был обращен к Д.И. Носову, который в показаниях против П.А. Данилова был заподозрен в уклонении от веры: «А как из показаний сторожа кладбища отставного-солдата Дмитрия Носова видно, что он до сего был православного исповедания, но потом уклонился и в церковь не ходит, то обстоятельство о сем передать на рассмотрение Уральского горного правления»⁴.

Действительно вопрос верности православию был крайне важным на всех уровнях социальной иерархии. Еще в XVIII в. в Российской империи был провозглашен принцип свободы вероисповедания и разделения всех верований на четыре класса: православие, другие христианские религии, ереси и расколы, нехристианские религии. Однако переход из одной веры в другую запрещался, за исключением перехода в православие, и влек за собой меры наказания от ссылки в Сибирь до каторги на 12 – 15 лет [6]. Таким образом вопрос уклонения от веры, в котором заподозрили свидетеля Д.И. Носова является куда более серьезным преступлением, чем пьяные попытки П.А. Данилова собрать ценные вещи с могил. Кроме того, вплоть до начала XX века статус раскольнического кладбища был крайне неопределенным: часть из них были стихийными, часть создавались на частной земле купцов-старообрядцев. Судя по всему, суд оказался в довольно сложной ситуации и принял решение наказать Данилова чисто механически, при этом переместив фокус внимания на действия свидетеля.

Изучение роли церкви как идеологического и культурного института в жизни крестьян XIX века получило активное развитие в исследованиях как российских, так и зарубежных специалистов. Вне всяких сомнений, крестьянский быт, ключевые жизненные обряды (крещение, заключение брака, отпевание) и праздники были связаны с церковным календарем, отражавшим значимые вехи сельскохозяйственного года, в рамках которого жила подавляющая часть населения Российской империи.

Вместе с тем большая часть ученых указывают на отсутствие достаточного количества источников, которые могли бы отразить религиозные представления, ментальные установки и мировоззрение русского крестьянства [10]. В 1997 году Эдвард Кинан отметил «поразительное нежелание русских излагать на бумаге подлинное описание или анализ внутренней жизни верующих», а также «недостаточное количество свидетельств о повседневных верованиях русских мирян. Действительно ли они, как утверждалось, продолжали становиться христианами в этот период? Была ли их христианская система верований чем-то, что мы могли бы признать таковой? Сможем ли мы когда-нибудь это узнать?» [9].

¹ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1588.

² Там же. Л. 1 – 5.

³ Там же. Л. 33.

⁴ Там же.

Серьезные и всеобъемлющие работы отечественных историков были посвящены восприятию религии русскими крестьянами в XVIII в., в рамках которых были рассмотрены материалы судебно-следственных дел о колдовстве, богохульстве и религиозном вольномыслии [4]. Вместе с тем мы смеем предположить, что еще одним перспективным источником для анализа крестьянского сознания могут стать расследования по церковным кражам, содержащие богатые материалы жалоб, допросов и показаний свидетелей. Безусловно, устная речь, перенесенная грамотным писцом на бумагу, приобретала большую стройность, однако даже эта относительная попытка придать мысли стройность не всегда могла скрыть довольно запутанную и бессистемную картину мира, в которой большую роль играли слухи, суеверия, магическое мышление и домыслы.

4. Заключение

Проведенное исследование опирается на сохранившиеся материалы уголовных преступлений, рассмотренных Екатеринбургским уездным судом с 1778 по 1874 годы и совершенных в отношении церковного имущества. Статистика показала, что кражи составляли не большую, но устойчивую долю среди всех правонарушений и не входили в число религиозных преступлений, воспринимаясь как действия направленные не на умаление роли церкви, а получение какой-либо, в том числе «магической» выгоды.

Анализ конкретных уголовных преступлений выявил дифференциацию мотивов преступников: взрослые руководствовались выгодой – воровали медные колокола, деньги и иные ценные вещи, в то время как малолетние действовали под влиянием рассказов о чудодейственных свойствах Святых даров и утвари. Данные прецеденты показывают, с одной стороны, отсутствие представлений в крестьянской среде о безусловной сакральности церковных предметов, а с другой стороны, широкое распространение суеверий об их волшебных свойствах, воспринимаемые на веру самыми юными членами общества.

В рамках исследования нами был осуществлен перенос понятия вандализм, широко используемое в современных речевых практиках и уголовном законодательстве, как феномен разрушения материальных объектов по идеологическим причинам. Подобная терминология была не характерна для нормативно-правовой практики XIX века и слово использовалось исключительно элитой, перенявшей модный французский неологизм. Однако само по себе явление вандализм нельзя рассматривать как исключительно современное, так как практика умаления значимых для общества объектов является характерной для любого общества, зачастую растворяясь в иных законодательных нормах или внесудебных практиках наказания виновников. Перенос понятия XXI века на реалии русской провинции XIX века позволил акцентировать внимание на явлениях, которые не рассматривались современниками как очевидные. Мы можем выделить два вида вандализма: прагматический и идеологический. Для крестьянского мировоззрения был характерен первый тип вандализма, не предполагающий идейной наполненности: в случае со Святыми дарами – это прагматизм магического свойства, в случае с дорогостоящей церковной утварью – денежный. Исходя из этого судебная система не усматривала в церковных кражах религиозного преступления, которое с точки зрения христианской этики могут трактоваться как кощунства. Учитывая полученные нами результаты, мы полагаем, что вызревание идей десакрализации церкви, которые начали волнами проноситься по Российской империи в начале XX века, началось с прагматического вандализма, исподволь подтачивавшего особый статус православной церкви и готовившего почву для слома прежних культурно-социальных структур.

Список источников и литературы

1. Герцен А. И. (1987). *Былое и думы*. М.: Художественная литература. 312 с.
2. Коробицына Л. В. (2024). *Историко-культурный вандализм и слом эпох: Екатеринбург накануне революции* // Вестник Пермского университета. История. № 3(66). С. 28 – 35.
3. Коробицына, Л. В., Кружкова, О. В. (2025). *Вандализм и трансформация исторической памяти. Теория и практика* // Диалог со временем. № 91. С. 237 – 250.
4. Лавров, А. С. (2000). *Колдовство и религия в России. 1700 – 1740 гг.* М.: Древлехранилище. 574 с.
5. Лукомский, Г. (1912). *Материалы по истории вандализма* // Старые годы. № 12. С. 55 – 60.
6. Миронов, Б. Н. (2015). *Российская империя*. Т. 3. СПб.: Дмитрий Буланин. 436 с.
7. Смилянская, Е. Б. (2003). *Вошебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в.* М.: Индик. 464 с.
8. Фриз, Г. (2019). *Губительное благочестие*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 281 с.
9. Edward, L., Keenan (1997). *Afterword: Orthodoxy and Heterodoxy* // Religion and Culture in Early Modern Russia and Ukraine. ed. S.H. Baron, N.Sh. Kollmann. DeKalb: Northern Illinois University Press, P. 200-231.
10. Kaiser, D. H. (2003). *Quotidian Orthodoxy: Domestic Life in Early Modern Russia* // Orthodox Russia: Belief and Practice under the Tsars. Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, pp. 179-192.

References

1. Gercen, A. I. (1987). *Byloe i dumy* [Bygone Days and Thoughts]. Moscow, Hudozh. Lit. (in Russian).
2. Korobicyna, L. V. (2024). *Istoriko-kul'turnyj vandalizm i slom epoh: Ekaterinburg nakanune revolyucii* [Historical and Cultural Vandalism and the Destruction of Eras: Yekaterinburg on the Eve of the Revolution] in *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, 3 (66), 28–35. (in Russian).
3. Korobicyna, L. V., Kruzhkova O. V. (2025). *Vandalizm i transformaciya istoricheskoy pamyati. Teoriya i praktika* [Vandalism and the Transformation of Historical Memory: Theory and Practice] in *Dialog so vremenem*, 91, 237–250. (in Russian).
4. Lavrov, A. S. (2000). *Koldovstvo i religiya v Rossii. 1700–1740 gg.* [Witchcraft and Religion in Russia, 1700–1740]. Moscow, Drevlehranilishche. (in Russian).
5. Lukomskij, G. (1912). *Materialy po istorii vandalizma* [Materials on the History of Vandalism] in *Starye gody*, 12, 55–60. (in Russian).
6. Mironov, B. N. (2015). *Rossiyskaya imperiya*. T. 3 [The Russian Empire. Vol. 3]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin. (in Russian).
7. Smilyanskaya, E. B. (2003). *Volshebnyiki. Bogohul'niki. Eretiki. Narodnaya religioznost' i «duhovnye prestupleniya» v Rossii XVIII v.* [Sorcerers. Blasphemers. Heretics. Popular Religiosity and “Spiritual Crimes” in 18th-Century Russia]. Moscow, Indrik. (in Russian).
8. Friz, G. (2019). *Gubitel'noe blagochestie* [Destructive Piety]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (in Russian).
9. Edward, L., Keenan (1997). *Afterword: Orthodoxy and Heterodoxy in Religion and Culture in Early Modern Russia and Ukraine*. ed. S.H. Baron, N.Sh. Kollmann. DeKalb, Northern Illinois University Press, 200-231. (in English).
10. Kaiser, D. H. (2003). *Quotidian Orthodoxy: Domestic Life in Early Modern Russia* in *Orthodox Russia: Belief and Practice under the Tsars*. Pennsylvania, The Pennsylvania State University Press, 179 – 192. (in English).

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В СОВЕТСКОЙ ФИЗКУЛЬТУРЕ 1920-1930-х ГГ.: КОНСТРУИРОВАНИЕ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА» И ВИТАГЕННАЯ МОРАЛЬ

М.В. Салимгареев

Казанский национальный исследовательский
технологический университет
ул. Карла Маркса, 68, Казань, 420008

Аннотация

Введение. Исследование посвящено комплексному анализу процесса трансформации советской идентичности через призму телесных практик и массового спорта в 1920-1930-е годы. В рамках «антропологического поворота» физическая культура рассматривается как фундаментальный механизм дисциплинирования, субъективации и конструирования идеала «нового человека» (*homo sovieticus*). Актуальность темы обусловлена необходимостью переосмысления биополитических стратегий раннего советского государства и механизмов государственного контроля над телесностью. **Материалы и методы.** В работе использован системный метод, позволяющий раскрыть внутренние механизмы функционирования физической культуры как элемента социальной системы. Проведен концептуальный анализ трудов Н. Лебиной, Ш. Фицпатрик, Г. Орловой и других исследователей. Рассматриваются механизмы перехода от «гигиенической» стадии развития телесности к «спортивной». **Результаты.** Выявлено, что в предвоенный период спорт стал автономным пространством инструментализации тела, где физическое совершенство служило формой «социальной амнистии» и заменяло классовую идентичность соматической. Обосновано понятие «витагенной морали» как этического фундамента деприватизации здоровья. **Выводы.** Автор приходит к выводу, что система ГТО и массовые спортивные праздники функционировали как механизм легитимации «нового строя», превращая тело гражданина в визуальное доказательство превосходства социализма. Физкультура стала «светской религией», сформировавшей физическую и психологическую основу советской идентичности, выдержавшую испытания Второй мировой войны.

Ключевые слова: советское общество, физическая культура, идентичность, ГТО, витагенная мораль, соматическое гражданство, СССР, *homo sovieticus*, антропологический поворот, биополитика

Для цитирования: Салимгареев М.В. (2026). Антропологический поворот в советской физкультуре 1920-1930-х гг.: конструирование «Нового человека» и витагенная мораль // История: факты и символы. 2026. № 3 (48). С. 60-71 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-60-71

Статья поступила: 11.01.2026

Статья принята в печать: 12.05.2026

Статья опубликована: 10.09.2026

© Салимгареев М., 2026

ANTHROPOLOGICAL TURN IN SOVIET PHYSICAL CULTURE OF THE 1920s-1930s: CONSTRUCTING THE "NEW MAN" AND VITAGENIC MORALITY

M.V. Salimgareev

*Kazan National Research Technological University
68 Karl Marx Street, Kazan, 420008*

Abstract

Introduction. The study is devoted to a comprehensive analysis of the transformation of Soviet identity through the prism of bodily practices and mass sports in the 1920s–1930s. Within the "anthropological turn", physical culture is considered as a fundamental mechanism of disciplining, subjectivization and construction of the ideal "new man" (*homo sovieticus*). **Materials and methods.** The work uses a systematic method to reveal the internal mechanisms of physical culture as an element of the social system. A conceptual analysis of the works of N. Leбина, S. Fitzpatrick, G. Orlova and other researchers was carried out. **Results.** It was revealed that in the pre-war period, sports became an autonomous space for the instrumentalization of the body, where physical perfection served as a form of "social amnesty" and replaced class identity with somatic identity. **Conclusions.** The author concludes that the GTO system and mass sports festivals functioned as a mechanism for legitimizing the "new system", turning the citizen's body into a visual proof of the superiority of socialism

Keywords: Soviet society, physical culture, identity, GTO, vitagenic morality, somatic citizenship, USSR, *homo sovieticus*, anthropological turn, biopolitics

For citation: Salimgareev M. (2026) Anthropological turn in Soviet physical culture of the 1920s-1930s: constructing the "New man" and vitagenic morality In *History: facts and symbols*, 3 (48), 60-71 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-60-71

Received: 11.03.2026

Revised: 12.05.2026

Published: 10.09.2026

© Salimgareev M., 2026.

1. Введение

В современной исторической науке, в рамках концепта глобального «антропологического поворота» телесные практики и досуговые формы активности всё чаще рассматриваются не как периферийные элементы общественной жизни, а как фундаментальные механизмы дисциплинирования и субъективации. В контексте ранней истории СССР 1920-1930-х годов физическая культура и спорт перестали быть лишь средством рекреации, приобретая статус глобальной «социальной лаборатории» по конструированию идеала «нового человека» (*homo sovieticus*) [9, с. 170].

Актуальность данного исследования в современных условиях продиктована не только научным интересом, но и востребованностью спорта в сегодняшней российской действительности. В 2024-2025 годах спорт в России вновь рассматривается как один из ключевых инструментов обеспечения «гуманитарного суверенитета» и консолидации общества в условиях геополитической нестабильности. Государственная политика направлена на достижение массового охвата, при этом акцент делается на возвращение к традициям ГТО и развитие инновационных форматов, таких как «фиджитал-спорт», объединяющий физическую активность и цифровые технологии. Примером новой «социальной лаборатории» стали «Игры будущего» 2024 года в Казани, демонстрирующие, как технологии меняют подход к формированию телесности. Переосмысление советского опыта 1920-1930-х годов позволяет понять генезис этой связи между спортом, государственной идеологией и повседневностью.

Кроме того, важным аспектом актуальности является необходимость переосмысления процесса формирования советской идентичности через призму «идеологической повседневности» [20, с. 4]. Как отмечает Н. Лебина, советская власть выстраивала жёсткую систему координат «норма - аномалия», где физическая пассивность и пренебрежение здоровьем маркировались как социальная девиация [12, с. 15]. В довоенный период государство столкнулось с беспрецедентной задачей: трансформировать аморфную, преимущественно крестьянскую массу населения в дисциплинированный социальный организм. Эта модернизация носила форсированный характер и была, по выражению Ю. В. Чернявской, «лютой», поскольку требовала мгновенного усвоения городских стандартов телесности в условиях «догоняющего» развития [25, с. 1].

В этой оптике спорт выступает как пространство инструментализации тела. Согласно версии Шейлы Фицпатрик, советская телесность прошла путь от «гигиенической» стадии 1920-х годов, сфокусированной на элементарном санитарном надзоре, к «спортивной» стадии 1930-х, ориентированной на мощь и атлетизм [23, с. 1]. Физическая культура стала полем трансляции соматических норм, где «правильное» тело провозглашалось залогом политической лояльности.

2. Материалы и методы

Методологическую основу работы составляет системный подход, позволяющий рассматривать физическую культуру как элемент широкой биополитической стратегии. Теоретическим каркасом послужили концепции «идеологической повседневности» Е. С. Сагалаевой [20], триада стадий советской телесности Ш. Фицпатрик [23], и методология Н. Лебиной по анализу социальных норм [12]. Кроме того, в основу нашего исследования положены разработки Т. С. Красильникова [10], Е. А. Николаева [15] и Е. В. Кауновой [7].

Традиционно советская физкультура рассматривалась как часть истории спорта или оборонной работы. Однако «антропологический поворот» сместил фокус на биополитику. Фундаментальное значение имеют работы А. Б. Колесникова, трактующего физкультуру как «светскую религию» 1930-х [9, с. 172]. Концепт «идеологической повседневности» Сагалаевой позволяет анализировать спорт не как надстройку, а как структуру, формирующую мировоззрение через привычки [20, с. 32].

Проблема «витагенной морали» детально проработана Е. В. Кауновой, которая акцентирует внимание на переходе от индивидуальной ответственности за здоровье к коллективной обязанности [7, с. 1]. Эволюция комплекса ГТО получила освещение в работах Е. А. Николаева [15] и А. А. Стряпихиной [22]. Тем не менее, вопрос о том, как именно физическое состояние индивида становилось инструментом его социальной легитимации («соматическим гражданством»), требует дополнительного осмысления. Возникает закономерное сомнение: был ли этот процесс формой освобождения тела от «старых» оков или же он стал лишь более изощрённым способом закрепощения личности государством?

В работе использован системный метод, позволяющий рассматривать советскую физическую культуру не изолированно, а как элемент широкой биополитической стратегии государства по конструированию «нового человека». Данный подход обеспечивает раскрытие внутренних механизмов функционирования и взаимосвязи спорта, идеологии и повседневных телесных практик в системе советского общества 1920-1930-х годов.

Применён историко-генетический метод, позволивший проследить эволюцию государственной физкультурной политики от гигиенического дискурса 1920-х годов к «витагенной морали» и мобилизационной модели 1930-х. Это дало возможность выявить последовательную смену доминирующих представлений о роли тела в социалистическом строительстве.

Для обоснования выводов привлечены научные работы по советологии (Ш. Фицпатрик), истории повседневности (Н. Лебина, Е. С. Сагалаева), антропологии тела (Г. Орлова, Е. В. Каунова), а также специальные исследования по истории советского спорта (А. Б. Колесников,

Е. А. Николаев, Т. С. Красильников), затрагивающие механизмы формирования советской идентичности через телесные практики на индивидуальном и коллективном уровнях.

3. Результаты и их обсуждение

Анализ советской физкультурной политики 1920-1930-х годов позволяет выявить последовательную смену доминирующих дискурсов, каждый из которых отражал изменение государственных приоритетов и понимания роли тела в социалистическом строительстве. Гигиенический дискурс 1920-х годов возник как непосредственный ответ на катастрофическое состояние населения после войн и голода. Как отмечает Г. Орлова, тело в этот период рассматривалось прежде всего как биологический ресурс, который необходимо восстановить для нужд производства [17, с. 88]. Физическая культура понималась преимущественно как система рационального труда и отдыха, а не как самоцель или средство достижения спортивных результатов. Инструментарий этого периода был весьма специфичен: «санпоходы», «санмитинги» и даже театрализованные «сансуды» над персонажами вроде «Неряшкина» [17, с. 1]. Эти формы работы свидетельствуют о стремлении государства превратить гигиену из частного дела в публичное обязательство. Тело перестало быть приватным пространством – оно стало объектом государственного просвещения и контроля. Стадион 1920-х превратился в площадку физкультурной солидарности, где «пролетарская гимнастика» функционировала как обряд социальной синхронизации.

Здесь, однако, возникает принципиальный исследовательский вопрос: насколько эта «рационализация» тела соответствовала реальным потребностям измождённого производственным трудом городского населения? Представляется обоснованным предположение, что за насаждением гигиенических практик скрывалось более глубокое стремление власти к тотальному контролю над интимными сторонами жизни от мытья рук в столовых, где размещались соответствующие плакаты, до режима сна. Иными словами, гигиенический дискурс был не столько заботой о здоровье, сколько первым опытом биополитического управления телесностью масс. С началом индустриализации требования к человеку радикально трансформируются. Физкультура постепенно входит в жизнь городских жителей, становится инструментом создания новой советской обрядности [20, с. 315]. На смену гигиеническому дискурсу приходит «витагенная мораль» – особая, внеклассовая этическая система, в которой здоровье становится гражданской обязанностью. Как подчёркивает Е. В. Каунова, индивид фактически лишается права на «нездоровье», поскольку больное тело могло стать бременем для коллектива и отягощением ресурсов государства [7, с. 132].

В этот период физкультура сознательно противопоставляется «кабацкому угару» и мещанскому быту. Спорт становится формой светской аскезы – своеобразным суррогатом религиозного подвижничества в атеистическом государстве. Ежедневные тренировки воспринимались как работа над собой во имя светлого будущего, как форма самодисциплины и служения высшей цели. Вместе с тем представляется возможным выдвинуть гипотезу о том, что культ физической силы выполнял и латентную функцию сублимации социальной агрессии. В условиях форсированной модернизации, сопровождавшейся колоссальным напряжением и лишениями, энергия масс направлялась не на критическое осмысление политических процессов, а на «штурм» спортивных высот. Стадион в этом смысле становился своеобразным «клапаном», позволявшим канализировать социальное недовольство в безопасное для режима русло.

В 1920-30-е годы управление спортом в Советском Союзе прошло сложный эволюционный путь – от жёстко утилитарной военной подготовки к разветвлённой системе централизованного государственного контроля. Этот процесс отражал более широкую логику становления советской государственности с её стремлением охватить все сферы общественной жизни единым организационным каркасом, подчинив даже досуг и телесные практики задачам социалистического строительства. Всевобуч (1918-1923) стал отправной точкой этой трансформации – первой структурой, поставившей физкультуру на службу государству через систему обязательной военной подготовки трудящихся. В условиях Гражданской войны и интервенции спорт по-

нимался исключительно утилитарно: тело гражданина рассматривалось как ресурс обороны, а физические упражнения – как подготовка к неизбежным боям. Примечательно, что уже на этом этапе закладывалась парадигма, в которой тело индивида не принадлежит ему самому, а является достоянием государства.

Создание в 1920 году Высшего совета физической культуры (ВСФК), который с 1923 года функционировал при ВЦИК, ознаменовало переход к более систематическому подходу. Эта структура превратилась в центр координации всех ведомств, причастных к физическому воспитанию населения. ВСФК внедрял научный подход к физкультуре, опираясь на достижения физиологии и гигиены, и видел в ней прежде всего средство восстановления биологического ресурса нации. Важно отметить, что именно в этот период спорт начинает осмысляться не только как инструмент подготовки к войне, но и как механизм повышения производительности труда в мирное время – происходит своеобразная «конверсия» военной модели в производственную. С конца 1920-х годов, в эпоху форсированной индустриализации, акцент закономерно смещается на производственную сферу. Спортивные ячейки и кружки создаются непосредственно на заводах и фабриках. На легендарном предприятии «Красный Путиловец» физкультурные ячейки внедряли занятия спортом непосредственно в трудовой ритм, размывая границу между работой и отдыхом. Стадион в этой логике становился «продолжением цеха», а производственная гимнастика – способом поддержания работоспособности у станка [10, с. 113]. Здесь мы наблюдаем характерную черту советской модернизации: стремление рационализировать все аспекты человеческой жизни, включая само тело рабочего, превращая его в элемент производственного механизма.

Параллельно формировалась система добровольных спортивных обществ (ДСО), которые, несмотря на своё название, были тесно интегрированы в государственные структуры. В 1923 году под эгидой ГПУ/НКВД было создано общество «Динамо», объединившее сотрудников силовых ведомств. В 1935 году возник «Спартак», опиравшийся на промысловую кооперацию [10, с. 82]. Эти организации позволили фактически огосударствить досуг через ведомственную принадлежность: занимаясь спортом в рамках ДСО, гражданин одновременно укреплял свою связь с определённой отраслью народного хозяйства или государственного аппарата. Таким образом, даже свободное время оказывалось встроенным в общую систему социальных связей и обязательств, что представляет собой уникальный исторический пример тотальной интеграции досуга в государственную структуру.

Особую роль в институциональном оформлении советского спорта сыграл ОСО-АВИАХИМ – массовая оборонная организация, ставшая подлинным «локомотивом» внедрения комплекса ГТО в 1931 году. Именно через эту структуру была установлена неразрывная связь между спортом и оборонными задачами общества. Физкультура окончательно утрачивала характер частного увлечения, превращаясь в гражданский долг перед лицом грядущих испытаний.

Во внедрении конкретных спортивных дисциплин в советской системе не было случайности – каждый вид спорта нес определённую идеологическую нагрузку и отбирался с учетом комплекса прагматических соображений. Анализ этого отбора позволяет глубже понять механизмы конструирования «нового человека». Командные виды спорта – футбол, волейбол, баскетбол – занимали в советской физкультуре привилегированное положение. Футбол стал подлинным «спортом номер один» благодаря своей массовости и способности формировать чувство коллективизма и дисциплины. Футбольное поле воспринималось как пространство синхронизации действий масс, своеобразная модель идеального общества, где успех зависел не от индивидуального таланта, а от слаженности «командного механизма». В этом смысле спортивная площадка становилась миниатюрой социалистического предприятия, где каждый выполняет свою функцию ради общей победы. Можно предположить, что популяризация командных видов спорта была направлена на формирование психологической матрицы, в которой личное достижение не имеет ценности вне коллективного контекста.

Гимнастика рассматривалась как фундамент дисциплинированного тела. В 1920-е годы активно продвигалась концепция «пролетарской гимнастики», сознательно противопоставленной «буржуазному» индивидуализму спорта рекордов. Эта система была направлена на рационализацию движений рабочего, на создание тела, приспособленного к ритмичному, эффективному труду. Массовые гимнастические упражнения, выполняемые синхронно тысячами людей на парадах и праздниках, наглядно демонстрировали идеал социальной гармонии – множество тел, слитых в единый организм. Здесь уместна параллель с тейлоризмом: подобно тому, как научная организация труда стремилась оптимизировать каждое движение рабочего у станка, пролетарская гимнастика создавала «оптимизированное» тело.

Хоккей с мячом (русский хоккей) активно развивался в 1920–30-е годы как доступная зимняя альтернатива футболу [10]. Этот вид спорта идеально соответствовал задаче закалки и воспитания выносливости в суровых климатических условиях, характерных для большей части территории страны. Способность противостоять холоду, не терять бодрости и работоспособности в морозы рассматривалась как важнейшее качество советского человека – здесь спорт напрямую связывался с освоением северных территорий и индустриализацией Сибири.

Военно-прикладные виды спорта – стрельба, метание гранат, лыжные кроссы, плавание в одежде и парашютизм – занимали особое место. Эти дисциплины стали по-настоящему массовыми благодаря комплексу ГТО. К 1936 году только с парашютных вышек, установленных в парках культуры по всей стране, совершили прыжки тысячи молодых людей. За внешней праздничностью этих мероприятий скрывалась серьёзная задача: подготовка населения к неизбежной, как тогда казалось, большой войне с империализмом. Анализируя логику отбора спортивных дисциплин, можно выделить три ключевых критерия. Во-первых, экономичность: футбол и лыжи не требовали дорогостоящего инвентаря и специальных сооружений, что делало их доступными для массового внедрения в условиях ограниченных ресурсов. Во-вторых, мобилизационный потенциал: стрельба, метание, плавание в одежде имели очевидное военное применение и могли быть непосредственно использованы в боевых условиях. В-третьих, идеологическая совместимость: командные игры по своей природе подавляли индивидуализм, растворяя личность в коллективном усилии, в «социалистическом соревновании», где важна была не личная слава, а общий результат. Таким образом, советская физкультурная система представляла собой тщательно продуманный механизм, в котором выбор дисциплин определялся не столько их спортивной ценностью, сколько способностью формировать определённый тип личности и готовить население к решению государственных задач.

Центральным элементом всесоюзного проекта стало внедрение в 1931 году комплекса «Готов к труду и обороне». Е. А. Николаев отмечает, что ГТО стало мощным инструментом поведенческой стандартизации населения [15, с. 45]. Если в 1920-е годы «новый человек» был преимущественно абстракцией, идеологическим конструктом, то в 1930-е его физическое измерение обрело чёткие, измеримые параметры: секунды, метры, количество подтягиваний. Тело советского гражданина стало объектом системного планирования, сопоставимого с производственным. Подобно показателям выплавки стали или чугуна, физические нормативы подлежали учёту, контролю и наращиванию. А. А. Стряпихина указывает, что ГТО позволило мобилизовать массы через механизмы престижа: значок ГТО становился визуальным маркером полноценности [22, с. 132]. Человек превращался в своеобразный «социальный инструментарий», оцениваемый через нормативы и подлежащий тотальному мониторингу «качества». Здесь мы сталкиваемся с феноменом, который можно обозначить как «квантификация телесности» – переводом качественных характеристик человеческого тела в количественные показатели. Этот процесс имел далеко идущие последствия: он создавал иллюзию объективности в оценке человека, одновременно редуцируя его до набора цифр. В определённом смысле это было продолжением индустриальной логики, распространённой на само человеческое тело.

Одним из наиболее глубоких и теоретически значимых аспектов антропологического поворота является формирование феномена, который можно обозначить как «соматическое

гражданство». В условиях жёсткой социальной стратификации тело стало своеобразным «первичным документом», удостоверяющим лояльность и полезность индивида. Развитая мускулатура и спортивная выправка воспринимались как маркеры политической благонадёжности, готовности к лишениям и трудовым подвигам. При этом важно отметить, что для детей «лишенцев» – потомков «классово чуждых» элементов – выдающиеся спортивные достижения часто служили формой «соматической амнистии» и социальным лифтом [9, с. 175]. Быть «советским» означало физически соответствовать образу бодрого строителя социализма. В этой системе физическая немощ могла быть интерпретирована как классовая чужеродность, как знак «буржуазного вырождения». Данное наблюдение позволяет выдвинуть провокационную, но обоснованную гипотезу: не был ли советский спорт скрытой формой евгеники, где «непригодные» физически индивиды выдавливались на периферию общественной жизни? Разумеется, речь не идёт о буквальном заимствовании западных евгенических практик. Однако сама логика, в которой физическое совершенство становилось критерием социальной ценности, а физическая слабость – стигмой, содержала в себе евгенический потенциал. Это направление требует дальнейшего исследования с привлечением материалов о положении инвалидов и людей с ограниченными возможностями в советском обществе 1930-х годов.

Высшей точкой легитимации режима через телесные практики стали физкультурные парады на Красной площади. В этих грандиозных действиях, по мнению Е. С. Сагалаевой, достигалась абсолютная синхронизация тысяч тел в единый организм [20, с. 315]. Индивидуальность растворялась в коллективном ритме, личность – в массе. Парады демонстрировали не атлетов как таковых, а мощь системы, способной превратить каждое тело в деталь гигантской машины. В этом контексте термин И. П. Павлова «мышечная радость» приобретал отчётливо политический окрас: физический экстаз соединялся с преданностью вождю и государству. Можно предположить, что парады функционировали как своеобразные «светские литургии», в которых коллективное телесное действо замещало религиозный ритуал. Синхронность движений тысяч людей создавала ощущение причастности к чему-то большему, чем индивидуальное существование, – к «телу» советского народа. Эта ритуальная функция спорта заслуживает особого внимания. В обществе, декларировавшем разрыв с религиозной традицией, физкультурные парады восполняли потребность в коллективных обрядах, создававших чувство общности и трансцендентности. Однако если религиозный ритуал обращён к сверхъестественному, то советский физкультурный ритуал был направлен на сакрализацию самого государства и его вождя.

В гендерном отношении советский физкультурный проект декларировал универсализм: советская женщина должна была отринуть «естественные» физические и физиологические ограничения, приписывавшиеся ей буржуазной культурой. Спортивные парады 1930-х демонстрировали женщину-атлета, визуально – по крайней мере, внешне – равную мужчине. Однако Е. В. Каунова справедливо указывает на скрытый биополитический подтекст этой эмансипации. Физкультура стала восприниматься как залог рождения здорового потомства [7, с. 135]. Таким образом, государство осуществляло мягкий, но настойчивый контроль над репродуктивной функцией через эстетизацию крепкого женского тела. Предполагалось, что такое тело могло наравне с мужчиной выполнять производственные работы как в городе, так и на селе, а в случае войны – заменить мужчин на рабочих местах. Здесь обнаруживается характерное противоречие советского гендерного проекта: декларируя равенство полов, он одновременно инструментализировал женское тело для государственных нужд – как производственных, так и репродуктивных. Эмансипация оказывалась формой новой, более изощрённой эксплуатации. Женщина освобождалась от «буржуазных» ограничений лишь для того, чтобы быть включённой в тотальную мобилизацию на службу государству.

В условиях подготовки к неизбежной, как тогда представлялось, грядущей схватке с империализмом физкультура 1930-х была пропитана оборонным дискурсом. Е. А. Николаев отмечает, что военно-прикладное предназначение, -метание гранат, бег в противогазах, прыж-

ки с парашютом, - было заложено в саму структуру комплекса ГТО [15, с. 112]. Стадион де-факто превращался в военный полигон, а массовые физкультурные мероприятия воплощались в форму допризывной подготовки. Миллионы молодых людей приобрели навыки подчинения командам, что стало особенно востребованным с началом войны. ГТО подготовило ту «психологическую выносливость», которая позволила выжить в экстремальных условиях фронта. В этом смысле советский физкультурный проект оказался исторически оправданным: он действительно создал поколение, способное вынести нечеловеческие нагрузки Великой Отечественной войны. Вместе с тем можно предположить, что постоянная милитаризация повседневности, в том числе через спорт, формировала специфическую «осадную» ментальность, в которой мирная жизнь воспринималась лишь как передышка между войнами. Это имело долгосрочные последствия для советской политической культуры, создавая почву для перманентной мобилизации и подозрительности к внешнему миру.

В национальных республиках внедрение физкультуры часто наталкивалось на сопротивление приверженцев традиционного уклада жизни. Как показывают исследования А. А. Стряпихиной, строительство стадионов в аулах и сёлах служило инструментом борьбы с «религиозными пережитками» [22, с. 134]. Через приобщение к физкультуре и современным видам спорта представители национальных меньшинств интегрировались в «советский народ». Этот аспект заслуживает особого внимания в контексте советской национальной политики. Физкультура выступала как универсальный «язык» модернизации, не требовавший знания русского языка или грамотности. Участие в массовых спортивных мероприятиях создавало общее культурное пространство, в котором этнические различия нивелировались единообразием телесных практик. Можно предположить, что физкультура была одним из наиболее эффективных инструментов создания «советского народа» как новой исторической общности, поскольку она воздействовала не на сознание, а непосредственно на тело, формируя общие телесные привычки и практики.

4. Заключение

Подводя итог исследованию антропологического поворота в советской физической культуре 1920-1930-х годов, необходимо подчеркнуть, что этот процесс представлял собой не просто развитие системы спортивных достижений, а масштабный биополитический эксперимент по перепроектированию человеческой природы. Физическая культура в этот период выступила основным инструментом форсированной трансформации «традиционного», преимущественно крестьянского человека в дисциплинированного «нового» советского субъекта. Через последовательную деприватизацию здоровья и внедрение витагенной морали государство добилось беспрецедентного уровня контроля над повседневностью масс: тело индивида перестало быть его частным делом, превратившись в государственный ресурс, требующий постоянного совершенствования и надзора.

В этой системе координат возник уникальный феномен «соматического гражданства», где внешняя физическая форма, бодрость и спортивная выправка стали первичными опознавательными знаками политической лояльности и идентичности. Внедрение комплекса ГТО функционировало как изощённый механизм социальной легитимации и «антропологической переплавки». Для многих граждан, обременённых «сомнительным» социальным происхождением, стадион стал пространством возможности: через достижение чётких цифровых параметров силы и выносливости они могли получить своего рода «телесную амнистию», доказывая свою полезность системе не через анкетные данные, а через физическую готовность к служению. Это позволяет взглянуть на спорт 1930-х не только как на инструмент подавления, но и как на специфический канал социальной мобильности, ограниченный, однако, рамками жёсткой государственной дисциплины.

Особую аналитическую значимость имеет мобилизационный успех данного проекта. Сконструированное на стадионах и тренировочных площадках 1930-х годов «мобилизационное тело» стало залогом жизнеспособности государства в условиях экстремальных нагрузок. Про-

питка физкультуры оборонным началом – от метания гранат до прыжков с парашютом – подготовила поколение, для которого физическая дисциплина и подчинение командам стали естественной частью биологического ритма. Именно этот запас прочности и психологической устойчивости, заложенный через систему ГТО и добровольные спортивные общества, стал одной из решающих предпосылок победы в Великой Отечественной войне. Параллельно с прагматическими задачами проект решал вопрос визуальной легитимации режима. Эстетизация спорта в визуальной культуре, выраженная монументальной скульптурой и масштабными физкультурными парадами, создавала мощный идеологический каркас советского социализма как сообщества «сильных, здоровых и счастливых людей». Эта визуальная трансляция превосходства советской системы служила не только инструментом внутренней сплочённости, но и важнейшим элементом внешней пропаганды.

В конечном счёте советский проект 1930-х годов оставил глубочайший след в отечественной спортивной и визуальной культуре, сформировав этические установки, которые определяли облик общества на протяжении последующих десятилетий. Культ коллективного здоровья, государственное управление досугом и внедрение концепции физического совершенства как гражданского долга стали фундаментом советской идентичности. И хотя сегодня методы этой трансформации вызывают обоснованные сомнения в их гуманности, нельзя отрицать, что созданная тогда система превратила тело гражданина в одно из главных визуальных и функциональных доказательств жизнеспособности идеологического проекта СССР. Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд перспективных направлений дальнейших исследований: сравнительный анализ советского и западного (прежде всего, итальянского и германского) опыта политизации спорта в межвоенный период; исследование механизмов трансляции и трансформации советской физкультурной модели в послевоенные десятилетия и её влияния на современные практики.

Список источников и литературы

1. Гества, К. (2018). *Советский человек. История одного собирательного понятия* // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. № 1-2 (126). С. 58-75.
2. Григорьян, Я. Г. (2023). «Новая жизнь должна быть непременно здоровой жизнью»: социальная гигиена как инструмент воспитания «нового человека» в концепции наркома здравоохранения Н. А. Семашко // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. № 1. С. 126-131.
3. Деметр, Г. С. (2005). *Очерки по истории отечественной физической культуры*. М.: Советский спорт. 322 с.
4. Жук, Г. Д. (2021). *Особенности формирования здорового образа жизни у советского населения в 1920-1940 годы* // Физическая культура в подготовке к профессиональной деятельности: материалы междунар. студенческой конференции, посвященной 100-летию БГУ, Минск, 22 апреля 2021 г. / БГУ, Каф. физического воспитания и спорта. Минск: БГУ. С. 257-260.
5. Ивонин, В. А. (1975). *ГТО на марше*. М.: Физкультура и спорт. 302 с.
6. Каунова, Е. В. (2020). *Становление и развитие политики здорового образа жизни в первые годы советской власти* // Евразийский Союз Ученых. № 10-5. С. 21-25.
7. Каунова, Е. В. (2020). *Сущность и популяризация здоровьесодержащей идеологии в СССР* // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. С. 131-136.
8. Козлова, Н. Н. (2005). *Советские люди. Сцены из истории*. М.: Европа. 526 с.
9. Колесников, А. Б. (2021). *Физкультура и спорт в СССР как социальная «лаборатория» конструирования идеала советского человека* // Исторический курьер. № 6 (20). С. 170-178.

10. Красильников, Т. С. (2020). *Становление хоккея с мячом, как культурного явления, в первой половине XX века* // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. № 10-2. С. 24-28.
11. Кулинкович, К. А. (1972). *Развитие физической культуры и спорта в БССР*. Минск: БГУ, 160 с.
12. Лебина, Н. Б. (2015). *Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю*. М.: Новое литературное обозрение. 483 с.
13. Мелихов, И. Д. (2025). *Формирование здорового образа жизни в СССР* // Вестник науки. № 2 (83). Т. 2. С. 859-866.
14. Мутьев, А. В., Мутьева, И. М., Грабовская, Е. Ю. (2024). *Становление физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» в Крыму в первой половине 1930-х годов* // История, современность и перспективы развития физической культуры и спорта: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 75-летию Академии физической культуры и спорта Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, 14 декабря 2024 г.); Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета. С. 25-29.
15. Николаев, Е. А. (2025). *Всесоюзный физкультурный комплекс «Готов к труду и обороне СССР» в Красноярском крае (1931–1991 гг.)*. Красноярск: Сибирский федеральный университет. 272 с.
16. Орлов, И. Б., Юрчикова, Е. В. (2010). *Массовый туризм в сталинской повседневности*. М.: РОССПЭН. 222 с.
17. Орлова, Г. (2007). *Организм под надзором: тело в советском дискурсе о социальной гигиене (1920-е годы)* // Теория моды – Fashion theory. М. Вып. 3. С. 251-270.
18. Павлов, И. П. (1951). *О мышечной радости* // Полное собрание сочинений. Т. 3. М. 439 с.
19. Пономарев, Н. И. (1974). *Социальные функции физической культуры и спорта*. М.: ФиС. 310 с.
20. Сагалаева, Е. С. (2014). *Концептуально-теоретические ресурсы в социально-философском изучении идеологической повседневности* // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 12-1. С. 97-99.
21. Столбов, В. В. (2001). *История физической культуры и спорта*. М.: ФиС. 359 с.
22. Стряпихина, А. А. (2015). *Становление физкультурного движения и реализация комплекса ГТО в СССР* // Вестник Тюменского государственного университета. Т. 1. № 1(1). С. 131-136.
23. Фицпатрик, Ш. (2008). *Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина. 336 с.
24. Хачкованян, Г. (1972). *ГТО. Высокие ступени*. М.: Молодая гвардия. 104 с.
25. Чернявская, Ю. В. (2011). *Динамика советской телесности* // Человек. № 6. С. 95-118.

References

1. Gestva, K. (2018). *Sovetskiy chelovek. Istoriya odnogo sobiratel'nogo ponyatiya* [Soviet person. The history of a collective concept] in *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*, 1-2(126), 58-75. (in Russian).
2. Grigoryan, Ya. G. (2023). “*Novaya zhizn' dolzhna byt' nepremenno zdorovoy zhiznyu*”: *sotsialnaya gigiena kak instrument vospitaniya “novogo cheloveka” v kontseptsii narkoma zdra-vookhraneniya N. A. Semashko* [“A new life must be a healthy life”: social hygiene as a tool for educating the “new man” in N.A. Semashko’s conception] in *Byulleten Natsionalnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorovya im. N.A. Semashko*, 1, 126-131. (in Russian).

3. Demetr, G. S. (2005). *Ochierki po istorii otechestvennoj fizicheskoy kultury* [Essays on the history of domestic physical culture]. Moscow, Sovetskij sport. (in Russian).
4. Zhuk, G. D. (2021). *Osobennosti formirovaniya zdorovogo obraza zhizni u sovetskogo naseleniya v 1920-1940 gg.* [Features of the formation of a healthy lifestyle among the Soviet population in the 1920–1940s] In: *Fizicheskaya kultura v podgotovke k professionalnoy deyatel'nosti: materialy mezhdunar. studencheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu BGU, Minsk, 22 aprelya 2021 g. / BGU, Kafedra fizicheskogo vospitaniya i sporta*. Minsk: BGU, 257-260. (in Russian).
5. Ivonin, V. A. (1975). *GTO na marshe* [GTO on the march]. Moscow, Fizkultura i sport. (in Russian).
6. Kaunova, E. V. (2020). *Stanovlenie i razvitie politiki zdorovogo obraza zhizni v pervye gody sovetskoy vlasti* [Formation and development of healthy lifestyle policy in the early years of Soviet power] in *Evraziyskiy Soyuz Uchyonykh*, 10-5, 21-25. (in Russian).
7. Kaunova, E. V. (2020). *Sushchnost i popularizatsiya zdorovesoderzhashchey ideologii v SSSR* [The essence and popularization of health ideology in the USSR] in *Novye impulsy razvitiya: voprosy nauchnykh issledovaniy*, 131-136. (in Russian).
8. Kozlova, N. N. (2005). *Sovetskie lyudi. Stseny iz istorii* [Soviet people. Scenes from history]. Moscow, Evropa. (in Russian).
9. Kolesnikov, A. B. (2021). *Fizkul'tura i sport v SSSR kak sotsial'naya "laboratoriya" konstruirovaniya ideala sovetskogo cheloveka* [Physical culture and sport in the USSR as a social "laboratory" for constructing the ideal Soviet man] in *Istoricheskii kurer*, 6(20), 170-178. (in Russian).
10. Krasilnikov, T. S. (2020). *Stanovlenie khokkeya s myachom, kak kulturnogo yavleniya, v pervoy polovine XX veka* [The formation of bandy as a cultural phenomenon in the first half of the 20th century] in *Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 10-2, 24-28. (in Russian).
11. Kulinkovich, K. A. (1972). *Razvitie fizicheskoy kultury i sporta v BSSR* [Development of physical culture and sports in the BSSR]. Minsk. (in Russian).
12. Lebina, N. B. (2015). *Sovetskaya povsednevnost: normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stil'yu* [Soviet Everyday Life: Norms and Anomalies. From War Communism to the Grand Style]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russian).
13. Melikhov, I. D. (2025). *Formirovanie zdorovogo obraza zhizni v SSSR* [The formation of a healthy lifestyle in the USSR] in *Vestnik nauki*, 2(83), 2, 859-866. (in Russian).
14. Mutyev, A. V., Mutyeva, I. M., & Grabovskaya, E. Yu. (2024). *Stanovlenie fizkulturno-sportivnogo kompleksa «Gotov k trudu i oborone» v Krymu v pervoy polovine 1930-kh godov* [Formation of the GTO sports and physical culture complex in Crimea in the first half of the 1930s]. in *Istoriya, sovremennost i perspektivy razvitiya fizicheskoy kultury i sporta: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 75-letiyu Akademii fizicheskoy kultury i sporta Yuzhnogo federalnogo universiteta (Rostov-na-Donu, 14 dekabrya 2024 g.)*, Rostov-na-Donu; Taganrog: Izdatelstvo Yuzhnogo federalnogo universiteta, 25-29. (in Russian).
15. Nikolaev, E. A. (2025). *Vsesoyuznyy fizkulturnyy kompleks «Gotov k trudu i oborone SSSR» v Krasnoyarskom krae (1931–1991 gg.)* [All-Union physical culture complex "Ready for Labour and Defense of the USSR" in Krasnoyarsk Krai (1931-1991)]. Krasnoyarsk: Sibirskiy federalnyy universitet. (in Russian).
16. Orlov, I. B., Yurchikova, E. V. (2010). *Massovyy turizm v stalinskoй povsednevnosti* [Mass tourism in Stalinist everyday life]. Moscow: ROSSPEN. (in Russian).
17. Orlova, G. (2007). *Organizm pod nadzorom: telo v sovetskom diskurse o sotsialnoy gigiene (1920-e gody)* [The body under supervision: the body in the Soviet discourse on social hygiene (1920s)] in *Teoriya mody – Fashion theory*, 3, 251-270. (in Russian).
18. Pavlov, I. P. (1951). *O myshechnoy radosti* [On muscular joy]. In: *Polnoe sobranie sochineniy* [Collected works], 3, 439. Moscow. (in Russian).

19. Ponomarev, N. I. (1974). *Sotsialnye funktsii fizicheskoy kultury i sporta* [Social functions of physical culture and sports] Moscow: FiS. (in Russian).
20. Sagalaeva, E. S. (2014). *Kontseptualno-teoreticheskie resursy v sotsialno-filosofskom izuchenii ideologicheskoy povsednevnosti* [Conceptual and theoretical resources in the socio-philosophical study of ideological everyday life] in *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 12-1, 97-99. (in Russian).
21. Stolbov, V. V. (2001). *Istoriya fizicheskoy kultury i sporta* [History of physical culture and sport]. Moscow: FiS. (in Russian).
22. Stryapikhina, A. A. (2015). *Stanovlenie fizkulturnogo dvizheniya i realizatsiya kompleksa GTO v SSSR* [Formation of the physical culture movement and implementation of the GTO complex in the USSR] in *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1(1), 131-136. (in Russian).
23. Fitzpatrick, Sh. (2008). *Povsednevnyj stalinizm. Social'naja istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 1930s: City]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN); Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. Eltsina. (in Russian).
24. Khachkovanyan, G. (1972). *GTO. Vysokie stupeni* [GTO. High degrees]. Moscow: Molodaya gvardiya. (in Russian).
25. Chernyavskaya, Yu. V. (2011). *Dinamika sovetskoy telesnosti* [The dynamics of Soviet corporeality] in *Chelovek*, 6, 95-118. (in Russian).

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ /
INTELLECTUAL CULTURE OF THE HISTORICAL ERA

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-72-79>
УДК 930.85

ПАЙЦЫ КАК ПРЕДМЕТ ПОЖАЛОВАНИЯ И МАРКЕР СТАТУСА
ПО ДАННЫМ «ЮАНЬ ШИ»

А.Ю. Завитаева

*Воронежский государственный университет,
394018, Московский просп., 88, Воронеж*

Аннотация

Введение. В статье представлено комплексное исследование института пайцзы (牌, pái) – металлических и деревянных пластин-идентификаторов, функционировавших в Монгольской империи как инструменты политической коммуникации и управления. Цель работы – реконструировать статусную иерархию, функциональную типологию и эволюцию пайцз на основе системного анализа 76 упоминаний иероглифа «пай» в официальной истории династии Юань («Юань ши»), а также установить институциональные параллели с практиками Орды и средневековой Руси. **Материалы и методы.** Исследование основано на историко-сравнительном и семиотическом методах. Проведена сплошная выборка фрагментов из «Юань ши» (цзюани 1–210), содержащих иероглиф 牌, с последующей классификацией по семантическим группам. Привлечены труды западноевропейских путешественников (Плано Карпини, Рубрук, Марко Поло) и китайских дипломатов (Сюй Тин). **Результаты.** Выявлена строгая корреляция между материалом, формой и декором пайцз и государственным рангом их обладателей: золотые пайцзы предназначались для высшей военной элиты, серебряные – для среднего звена управления, а специализированные типы (круглые, соколиные, по личному указу) выполняли узкоспециализированные функции. Определены пять ключевых функций пайцз: легитимация власти, военное поощрение, дипломатический инструмент, доступ к ямской системе и символ кризисной легитимности. Прослежена эволюция института от этапа централизации (XIII в.) через систематизацию и бюрократизацию (XIV в.) к кризису и девальвации (вторая половина XIV в.). **Заключение.** Установлены прямые институциональные параллели между китайской пайцзой, золотоордынской «байсой» и русской «басмой», что позволяет рассматривать данные явления как единый имперский стандарт, а не локальные особенности. Это создаёт методологическую основу для переосмысления археологических находок на территории России и реконструкции механизмов интеграции русских элит в систему монгольской имперской власти.

Ключевые слова: пайцза, Монгольская империя, «Юань ши», Золотая Орда, статусные маркеры, административная система, политическая коммуникация.

Для цитирования: Завитаева А.Ю. (2026). Пайцзы как предмет пожалования и маркер статуса по данным «Юань ши» // История: факты и символы. 2026. № 3 (48). С. 72-79 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-72-79

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-20036 «Воронежский край в системе военно-политических отношений Средневековой Руси», <https://rscf.ru/project/26-18-20036/>

Статья поступила: 12.11.2025

Статья принята в печать: 12.02.2026

Статья опубликована: 10.09.2026

© Завитаева А., 2026

PAIZI AS A GIFT AND STATUS MARKER ACCORDING TO THE «YUANSHI»

A.Yu. Zavitaeva

*Voronezh State University,
Moskovsky Ave., 88, Voronezh, 394018*

Abstract

Introduction. This article presents a comprehensive study of the paizi (牌, pái) institution – metal and wooden identification tablets that functioned in the Mongol Empire as tools of political communication and governance. The research aims to reconstruct the status hierarchy, functional typology, and evolution of paizi based on a systematic analysis of 76 mentions of the character “pai” in the official Yuan dynasty history (“Yuanshi”), and to establish institutional parallels with the practices of the Horde and medieval Rus’. **Materials and Methods.** The study employs historical-comparative and semiotic methods. A complete selection of fragments containing the character 牌 from the “Yuanshi” (was carried out, followed by classification into semantic groups. The works of Western European travelers (Plano Carpini, Rubruck, Marco Polo) and Chinese diplomats (Xu Ting) are also examined. **Results.** The analysis reveals a strict correlation between the material, form, and decoration of paizi and the government rank of their holders: golden paizi were intended for the highest military elite, silver ones for the middle management level, while specialized types (round, falcon, imperial decree) performed narrow functions. Five key functions of paizi are identified: legitimization of power, military reward, diplomatic instrument, access to the Yam postal system, and symbol of crisis legitimacy. The evolution of the institution is traced from the centralization stage (13th century) through systematization and bureaucratization (14th century) to crisis and devaluation (second half of the 14th century). **Conclusion.** Direct institutional parallels are established between the Chinese paizi, the Golden Horde’s “baisa,” and the Russian “basma,” allowing these phenomena to be viewed as a single imperial standard rather than local features. This creates a methodological basis for reinterpreting archaeological finds in Russia and reconstructing the mechanisms of integration of Russian elites into the Mongol imperial power system.

Keywords: paizi, Mongol Empire, Yuanshi, Golden Horde, status markers, administrative system, political communication.

For citation: Zavitaeva A.Yu. (2026). Paizi as a gift and status marker according to the «Yuan Shi» *In* History: facts and symbols, 2 (47), 72-79. doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-72-79

Acknowledgments: The study was supported by grant No. 26-18-20036 from the Russian Science Foundation, “The Voronezh Region in the System of Military-Political Relations of Medieval Rus’,” <https://rscf.ru/project/26-18-20036/>

Received: 12.11.2025

Revised: 12.02.2026

Published: 10.06.2026

© Zavitaeva A., 2026

1. Введение

Официальная история династии Юань – «Юань ши» (元史) – представляет собой уникальный и систематизированный источник для изучения административной, военной и символической культуры Монгольской империи в её китайском воплощении. Историографический контекст исследования института пайцз в отечественной науке долгое время оставался фрагментарным, опиравшимся преимущественно на данные русских летописей и редкие археологические находки на территории Золотой Орды. Систематическое привлечение китайских источников, прежде всего «Юань ши», знаменует новый этап. Фундамент для сравнительного анализа был заложен трудами Р. П. Храпачевского, который не только перевёл и прокомментировал ключевые фрагменты китайских хроник, касающиеся военного дела и управления Монгольской империи, но и ввёл в научный оборот многие ранее неизвестные отечественным исследователям сведения о структуре чингизидской власти, в том числе о системе пайцз и ярлыков [1]. В свою очередь, исследования Т. Д. Скрынниковой, посвящённые комплексному изучению золотоордынских административных практик и их влияния на русские земли, позволили по-новому взглянуть на механизмы легитимации власти в Улусе Джучи, включая использование статусных знаков, выдававшихся от имени хана [2]. Современное состояние золотоордынской археологии и сфрагистики регулярно обсуждается на профильных конференциях, что свидетельствует о неослабевающем интересе к данным институтам [3]. Настоящее исследование развивает этот подход, предлагая целостную реконструкцию системы пайцз на основе системного анализа данных «Юань ши» и их проекции на ордынско-русские реалии.

Важным историографическим фундаментом для изучения пайцз в российской науке стал классический труд Доржи Банзарова «Черная вера или шаманство у монголов» (1891), где автор, опираясь на данные восточных и западных источников, подробно рассматривает происхождение, типы и функции пайцз. Банзаров не только систематизировал сведения о пайцзах как знаках отличия и дорожных документах, но и впервые в отечественной историографии провёл лингвистический анализ термина, возводя его к китайскому «пай-цзы» (牌字) – «дощечка, табличка» [4, с. 62–63].

В первой четверти XXI в. в научный дискурс прочно вошла вербальная модель Монгольской империи как «глобализационной державы» [5]. Как отмечает Ю.В. Селезнёв, «надежного обоснования признаков, форм и закономерностей развития “монгольской глобализации” на данный момент не представлено», и перенос современных понятий на средневековую эпоху требует осторожности [5, с. 222–223]. Тем не менее изучение пайцз позволяет конкретизировать те институциональные стандарты, которые действительно имели общеимперское распространение, и тем самым внести вклад в дискуссию о характере и пределах «монгольской глобализации».

Среди многочисленных инструментов легитимации власти в Монгольской империи особое место занимает институт пайцзы (牌, pái) – металлической или деревянной пластины, выдаваемой чиновникам, военачальникам, послам и вассалам. Однако пайцза – это не просто «жетон» или «пропуск», а сложный социокультурный феномен, сочетающий в себе черты удостоверения личности, служебного знака, награды, ритуального талисмана и материализованного выражения доверия императора. Золотоордынские пайцзы являются феноменом официальной культуры, а их изучение позволяет проследить трансформацию символов власти от ранних монгольских практик к развитым формам имперской сфрагистики [6, с. 212].

2. Материалы и методы

Настоящее исследование на основе анализа 76 фрагментов «Юань ши» (включая анналы, трактаты о ритуалах, военных делах, чиновниках и наказаниях)¹ ставит следующие задачи:

¹ Юань ши [Электронный ресурс] // Chinese Text Project. Выборка фрагментов. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&res=862257&searchu=牌&remap=gb> (дата обращения: 24.09.2025).

провести типологический и функциональный анализ пайцз, выявить их иерархию, формы и контексты употребления; проанализировать эволюцию института пайцзы от раннего периода централизации до позднего периода кризиса легитимности; на основе сравнительного метода установить конкретные параллели с практиками Орды и средневековой Руси; сформулировать практические выводы для российской исторической науки, включая интерпретацию археологических находок, переосмысление летописных данных и понимание механизмов имперского управления. Цель исследования – показать, что пайцза была одним из ключевых символических и семиотических инструментов «технологии управления» Монгольской империи. Будучи сложным знаком, она материализовывала и визуализировала полномочия, позволяя координировать действия элит на огромном евразийском пространстве.

3. Результаты

Из 76 проанализированных упоминаний иероглифа 牌 (pái) в тексте «Юань ши» выявлена следующая семантическая структура. Пайцза как знак власти, полномочий или награды встречается 58 раз (76,3%). Административно-военная система 牌甲 (pái jiǎ) – 10 упоминаний (13,2%). Прочие значения (церемониальные бирки из слоновой кости, нагрудные украшения, указатели времени, маркировочные таблички на полях) – 8 упоминаний (10,5%). Данное исследование фокусируется на первой категории – пайцзе как инструменте политики и статуса.

На основе анализа фокусных 58 упоминаний можно реконструировать сложную и строго иерархизированную систему пайцз, которые функционировали не как простые удостоверения, а как материальные воплощения власти, ранга и доверия императора. Чёткая корреляция между материалом, формой, декором и статусом обладателя позволяет выделить несколько ключевых категорий.

Доминирующим критерием был материал изготовления. Золотые пайцзы (金牌, jīn pái), упоминаемые порядка 16 раз, служили атрибутом высшей военной и гражданской элиты империи. Как гласит источник: «Заместитель темника, один, ранг 4а, золотая пайцза», что указывает на их связь с высшими командными чинами. Наиболее могущественной разновидностью были круглые золотые пайцзы (金字圓牌, jīn zì yuán pái), изначально предназначавшиеся исключительно для чрезвычайных ситуаций: «Всем посланникам, [если дело] не касается срочных военных вопросов, не выдавать золотые круглые пайцзы». Серебряные пайцзы (銀牌, yín pái), фиксируемые примерно в 12 упоминаниях, маркировали среднее звено управления, выдаваясь тысячникам, сотникам и чиновникам соответствующего ранга.

Параллельно статусной существовала система функциональной специализации. Круглые пайцзы (圓牌, yuán pái) были институционализированы для экстренных полномочий, в первую очередь для ямской службы: «Посылка гонцов с круглыми пайцзами первоначально была создана для военных дел». Специализированные «соколиные» пайцзы (海青牌, hǎi qīng pái) предоставляли право доступа к ресурсам для охоты, а пайцзы по указу (宣牌, xuān pái) подтверждали высшую легитимность назначения, как в случае с управителем бюро: «Уже получивший [пайцзу] по указу, назначенный управителем бюро».

Наиболее показательной для понимания системы как тонкого инструмента власти является её внутренняя градация внутри высшей элиты. Ярчайший пример — создание личной гвардии наследника престола, где статус ранжировался с помощью жемчужных инкрустаций: командующий гвардией получал пайцзу с двумя жемчужинами (二珠金牌, èr zhū jīn pái), а его заместитель – с одной (一珠金牌, yī zhū jīn pái). Это создавало систему, аналогичную орденским степеням, где деталь оформления была обозначением ранга внутри одной статусной группы. Также здесь следует отметить, что у этой системы пайцз отыскивается свое легитимное продолжение в более поздних институтах властных отношений, согласно исследованию А.В. Белякова, в постордынских государствах золотые и серебряные вислые печати, являвшие-

ся прямыми наследниками пайцз, стали «логичным этапом постепенной трансформации ханских ярлыков и пайцз», когда «в какой-то момент эти два предмета объединились в один» [7, с. 49]. Важно подчеркнуть, что пайцза была и ценным объектом материальной культуры. Упоминание о наличии в казнохранилищах тысяч специальных шнуров для ношения (牌绦, *pái tāo*) свидетельствует о массовом и стандартизированном производстве этих знаков отличия.

Ещё в XIX веке Доржи Банзаров, анализируя труды восточных историков и путешественников, выделил две основные функции пайцз, что полностью согласуется с нашей типологией: «одни были знаки отличия, и давались за важные заслуги; другие же – простые дорожные документы, открытые грамоты для чиновников, посланных куда-нибудь от хана» [4, с. 62–63]. Также «Юань ши» верифицируется в свидетельствах современников. Китайский дипломат Сюй Тин, посетивший монгольскую ставку в 1235–1236 гг., в своих «Подробных записках о монголо-татарах» сообщает: «Темники, тысячники и сотники подразделялись на высших, средних и низших. Темник носил золотую пайцзу с изображением тигра. Верх пайцзы был в виде припавшего к земле тигра, голова которого была украшена жемчужинами, при этом было или 3 жемчужины, или 2 жемчужины и 1 жемчужина – соответственно степени ранжирования темников. Тысячник носил простую золотую пайцзу, а сотник – серебряную пайцзу» [1, с. 211]. Гийом де Рубрук, посетивший ставку хана Мункэ в 1253–1255 гг., описывает высшую форму пайцзы как «золотую дощечку шириной в ладонь и длиной в пол-локтя, на которой выгравирован повелительный указ хана» [8, с. 145]. Марко Поло детализирует статусную градацию: сотник носил серебряную пайцзу, тысячник – золотую, темник – золотую с изображением львиной головы, а командующий ста тысячами – золотую с солнцем и луной [9, с. 66].

Данные отобранных фрагментов позволяют выделить пять ключевых функций пайцз, каждая из которых подкреплена конкретными историческими свидетельствами.

Первая функция – легитимация и наделение административной властью. Пайцза была обязательным атрибутом, инкорпорирующим чиновника или военачальника в имперскую иерархию. Её получение формализовало назначение, что прямо отражено в законодательных сводах: «Заместитель темника, один, ранг 4а, золотая пайцза». Монополия центральной власти на их производство и выдачу постоянно подчёркивалась, начиная с первых указов кагана Мункэ о изъятии пайцз, самовольно розданных князьями: «все печати и пайцзы, указы и предписания, самовольно выданные двором и всеми князьями, подлежали повсеместному изъятию».

Вторая функция – военная награда и стимул. Пайцзы выступали высшей формой поощрения за заслуги, что наиболее ярко иллюстрирует эпизод из цзюаня 151. Осаждённый командир Чжан Юаньчжэнь, исчерпав иные ресурсы, «временно изготовил золотые и серебряные пайцзы и роздал их для награждения отличившихся». Последующее признание им вины в «самовольном изготовлении пайцз» и помилование императором подчёркивает монополию трона.

Третья функция – дипломатическая и вассальная. Крупные партии пайцз выступали инструментом внешней политики. В цзюане 67 вождь Елюй Люгэ подносит хану «девятьсот повозок золота и монет и пятьсот золотых и серебряных пайцз».

Четвёртая функция – доступ к ресурсам имперской инфраструктуры. Жесткие санкции регламентировали использование пайцз для ямской службы: «Если у посланца нет документа с пайцзой, то чиновника станционной службы, который выдал лошадей, и первоначально пошавшего чиновника – всех наказывали». Исследования чингизидских канцелярий обращают внимание, что для обеспечения безопасности торговых путей назначались специальные должностные лица – «предводители караванов» (карвансалары), которые «фактически являлись представителями исполнительной власти» и действовали на основании ярлыков, скреплённых печатью, что напрямую перекликается с функциями держателей пайцз [10, с. 302–305].

Пятая функция – символ власти в условиях кризиса. В смутное время пайцза становилась оружием в борьбе за легитимность. Правительство выдало ополченцам «165 золотых и се-

ребряных пайцз офицерам ополчения», а мятежники изготавливали «поддельные печати, золотые пайцзы и прочие вещи».

Анализ эволюции института пайцз в империи Юань позволяет четко выделить три этапа его развития. На этапе централизации (середина XIII века) при каганах Мункэ и Хубилае пайцза служила инструментом укрепления верховной власти. Жесткая политика централизации выразилась в массовом изъятии знаков, самовольно розданных князьями. Этап систематизации и бюрократизации (XIV век) характеризуется учреждением специализированных государственных органов: Бюро верительных бирок и пайцз (符牌局) и Палаты императорских регалий (典瑞院). Пайцза окончательно интегрируется в бюрократический аппарат, становясь стандартизированным атрибутом должности. Этап кризиса и упадка (вторая половина XIV века) в правление Шунь-ди (Тогон-Тэмур) ознаменовался инфляцией статуса пайцзы: массовая раздача, дипломатическая девальвация, подделка и узурпация символа. Кульминацией становится описанный выше инцидент с Чжан Юаньчжэнь, самовольно изготовившим пайцзы.

4. Заключение

Анализ системы пайцз предоставляет российской исторической науке уникальные исследовательские возможности. Выявлены прямые институциональные параллели между китайской пайцзой и золотоордынской басмой (тамгой). А.Н. Самойлович прямо отождествляет термины «пайза» (кит.), «байса» (тюрк.) и «басма» (рус. летописное), доказывая, что это один и тот же институт [11, с. 1117–1120]. Русские летописи и ханские ярлыки свидетельствуют, что выдача басм как знаков полномочий была стандартной практикой. Организация ямской службы демонстрирует ещё одну институциональную параллель: право на получение подвод и провизии по пайцзе/басме было стержнем ордынской системы управления на Руси.

Археологические находки на территории России подтверждают эти параллели. В частности, в фондах Государственного исторического музея хранятся две пайцзы периода расцвета Золотой Орды, которые экспонируются как важнейшие свидетельства государственной символики [12, с. 660]. Эти артефакты – прямое материальное подтверждение того, что практика выдачи пайцз была распространена и в Улусе Джучи. Описание церемониальных япай в «Юань ши» даёт методологический ключ для интерпретации подобных находок. Не случайно на прошедшей в ноябре 2025 г. в Государственном Эрмитаже конференции, посвящённой 85-летию М.Г. Крамаровского, теме пайцз и статусных маркеров было уделено особое внимание [3, с. 961].

Проведённое исследование позволяет утверждать, что пайцза в Монгольской империи была не просто удостоверением личности, а многофункциональным семиотическим инструментом, кодировавшим статус, полномочия и легитимность. Выявленная строгая корреляция между материалом, формой и декором пайцз и рангом обладателя демонстрирует высокую степень бюрократизации империи Юань. Эволюция института от централизации к кризису отражает общие тенденции развития имперской системы. Установленные прямые параллели с золотоордынской басмой и русской басмой позволяют рассматривать эти явления как единый имперский стандарт, что создаёт методологическую основу для переосмысления археологических находок и письменных источников на территории России. Вместе с тем, как подчёркивает Ю.В. Селезнёв, несмотря на активное использование понятия «монгольская глобализация», унификация статусных маркеров (таких как пайцзы) не сопровождалась созданием единого правового или информационного пространства, и поэтому перенос современных глобализационных моделей на средневековые реалии требует значительной корректировки [5, с. 222–223]. Дальнейшее изучение пайцз в сравнительной перспективе может внести вклад в реконструкцию механизмов интеграции различных элит в монгольскую имперскую систему.

Список источников и литературы

1. Абзалов, Л. Ф., Гатин, М. С., Мустакимов, И. А., Почекаев, Р. Ю. (2022). *К истории обеспечения безопасности торговых путей в чингизидских государствах XIII–XIV вв.* // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. № 14. С. 299–313.
2. Банзаров, Д. (1891). *Черная вера или шаманство у монголов и другие статьи Дорджи Банзарова*. СПб.: изд. на средства частных жертвователей в пользу Восточно-сибирского отд. Русского географического общества.
3. Беляков, А. В. (2024). *О традиции использования вислых металлических печатей в канцеляриях Золотой Орды и постордынских государств* // Золотоордынское обозрение. Т. 12, № 1. С. 48–62.
4. Болдырева, Е. М. (2021). *История формирования фондов Золотой Орды в хранении Государственного исторического музея* // Золотоордынское обозрение. Т. 9, № 3. С. 654–663.
5. Крамаровский, М. Г. (2002). *Символы власти у ранних монголов. Золотоордынские пайцзы как феномен официальной культуры* // Тюркологический сборник 2001. Золотая Орда и её наследие. М. С. 212–224.
6. Поло, М. (2015). *Путешествие*. Улан-Удэ: Издательство БГУ.
7. *Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука* (1957) / редакция, вступительная статья и примечания Н. П. Шастиной. М.: Государственное издательство географической литературы.
8. Самойлович, А. Н. (1926). *О «пайза» – «байса» в Джучиевом улусе. К вопросу о басме хана Ахмата* // Известия Академии наук СССР. VI серия. Т. 20, № 12. С. 1117–1120.
9. Селезнёв, Ю. В. (2022). *Дискурс «глобализации» в отношении истории Монгольской империи и Золотой Орды* // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. Т. 14. Вып. 2. С. 211–229.
10. Скрынникова, Т. Д. (2013). *Харизма и власть в эпоху Чингис-хана*. СПб.: Евразия.
11. Смирнова, Л. О., Теплякова, А. Н. (2025). *Обзор научной конференции в честь 85-летия М.Г. Крамаровского «Золотая Орда и Причерноморье. Между Востоком и Западом»* // Золотоордынское обозрение. Т. 13, № 4. С. 959–962.
12. Храпачевский, Р. П. (2009). *Золотая Орда в источниках. Т. 3. Китайские и монгольские источники*. М.: Центр по изучению военной и общей истории.

References

1. Abzalov, L. F., Gatin, M. S., Mustakimov, I. A., Pochekaev, R. Yu. (2022). *K istorii obespecheniya bezopasnosti torgovykh putei v chingizidskikh gosudarstvakh XIII–XIV vv.* [New Historical Insights on Protection of the Trade Routes in Genghisids States, 13th to 14th Century] in *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya*, 14, 299–313. (In Russian).
2. Banzarov, D. (1891). *Chernaya vera ili shamanstvo u mongolov i drugie stat'i Dordzhi Banzarova* [Black Faith or Shamanism among the Mongols and Other Articles by Dorji Banzarov]. St. Petersburg. (In Russian).
3. Belyakov, A.V. (2024). *O traditsii ispol'zovaniya vislykh metallicheskh pechatei v kantselyariyakh Zolotoi Ordyy i postordynskikh gosudarstv* [On the Tradition of Using Hanging Metal Seals in the Offices of the Golden Horde and Post-Horde States] in *Zolotoordynskoe obozrenie*, 12 (1), 48–62. (In Russian).
4. Boldyreva, E. M. (2021). *Istoriya formirovaniya fondov Zolotoi Ordyy v khranении Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [The History of the Formation of the Golden Horde Funds in the State Historical Museum] in *Zolotoordynskoe obozrenie*, 9 (3), 654–663. (In Russian).

5. Kramarovskii, M. G. (2002). *Simvol'y vlasti u rannikh mongolov. Zolotoordynskie paitszy kak fenomen ofitsial'noi kul'tury* [Symbols of Power among the Early Mongols. Golden Horde Paizi as a Phenomenon of Official Culture] in *Tyurkologicheskii sbornik 2001. Zolotaya Orda i ee nasledie*. Moscow, 212–224. (In Russian).
6. Polo, M. (2015). *Puteshestvie* [The Travels]. Ulan-Ude: Buryat State University Publ. (In Russian)
7. *Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Journeys to the Eastern Countries of Plano Carpin and Rubruck] (1957) / ed. by N.P. Shastina. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury. (In Russian).
8. Samoilovich, A. N. (1926). *O «paiza» – «baisa» v Dzhuchievom uluse. K voprosu o basme khana Akhmata* [On "Paiza" – "Baisa" in the Jochid Ulus. On the Question of Khan Akhmat's Basma] in *Izvestiya Akademii nauk SSSR*. VI, 20 (12), 1117–1120. (In Russian).
9. Seleznev, Yu. V. (2022). *Diskurs «globalizatsii» v otnoshenii istorii Mongol'skoi imperii i Zolotoi Ordy* [The Discourse of "Globalization" in Relation to the History of the Mongol Empire and the Golden Horde] in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika*, 14 (2), 211–229. (In Russian).
10. Skrynnikova, T. D. (2013). *Kharizma i vlast' v epokhu Chingis-khana* [Charisma and Power in the Era of Genghis Khan]. St. Petersburg: Evraziya. (In Russian).
11. Smirnova, L. O., Teplyakova, A. N. (2025). *Obzor nauchnoi konferentsii v chest' 85-letiya M.G. Kramarovskogo «Zolotaya Orda i Prichernomor'e. Mezhd Vostokom i Zapadom»* [Review of the Scientific Conference in Honor of the 85th Anniversary of M.G. Kramarovsky "The Golden Horde and the Black Sea Region. Between East and West"] in *Zolotoordynskoe obozrenie*, 13 (4), 959–962. (In Russian).
12. Hrapachevskii, R. P. (2009). *Zolotaya Orda v istochnikakh. T. 3. Kitaiskie i mongol'skie istochniki* [The Golden Horde in Sources. Vol. 3. Chinese and Mongolian Sources]. Moscow: Tsentr po izucheniyu voennoi i obshchei istorii. (In Russian).

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ПРОШЛОГО/
AN INTEGRATED APPROACH TO THE STUDY OF THE PAST

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-80-92>
УДК 272.5(47+57)''1937-1938''

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ И МОНАШЕСТВУЮЩИХ
В 1937 ГОДУ В ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ
(НА ПРИМЕРЕ АРХИВНО-СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА П-25580)

В.В. Бахтин*

*Воронежский государственный медицинский
университет им. Н. Н. Бурденко (ВГМУ),
39436, ул. Студенческая, д. 10, Воронеж,*

А.И. Морозов

*Белгородская Православная Духовная
семинария (с миссионерской направленностью),
308034, ул. Буденного, д. 15, Белгород,*

Аннотация

Введение. В статье рассматривается репрессивная политика советского государства в отношении православного духовенства в Воронежской области. Анализируются причины ареста, следственные действия, модели поведения арестованных и свидетелей, и обвинительный приговор. **Материалы и методы.** Основным источником является дело № 2957, открытое 27 июля 1937 и закрытое 7 августа 1937 года Нижнедевицким районным отделением НКВД по Воронежской области. Дело находится в Государственном архиве общественно-политической истории в фонде 9353 (Архивно-следственные и фильтрационно-проверочные дела) под номером П-25580. В работе применяется ретроспективный, сравнительный, историко-генетический методы. **Результаты.** Приходские священники А.Н. Астахов и В.С. Станков с. Новая Ольшанка Нижнедевицкого района, монашествующая Т.М. Чехахина, юродивый М.П. Бессарабов. Их арестовали в один день 27 июля 1937 года. Всех их обвинили в проведение антисоветской агитации на религиозной почве. Постановлением тройки Управления НКВД по Воронежской области от 23 августа 1937 им был вынесен смертный приговор, который приведён в исполнение 28 августа 1937 года. **Заключение.** Проведённое исследование показывает, что православное духовенство и монашествующие сохранили православную веру и традиции в условиях атеистического советского государства. В 1937 год в период Большого террора заштатный священник А.Н. Астахов храма Рождества Пресвятой Богородицы организовал сбор средств для ремонта церкви, окормлял прихожан и оказывал помощь многочисленным монашествующим приезжавшим для совместных молитв. Под следствием А.Н. Астахов, В.С. Станков, М.П. Бессарабов, Т.М. Чухахина, не потеряв мужества, сохраняли силу духа, никого не оклеветали и не отказались от христианской веры.

Ключевые слова: советское общество, Воронежская область, атеизм, Русская Православная церковь, православное духовенство, политические репрессии, духовное сопротивление.

* Ответственный автор

Для цитирования: Бахтин В.В., Морозов А.И. (2026). Репрессии против священнослужителей и монашествующих в 1937 году в Воронежской области (на примере архивно-следственного дела П-25580) // История: факты и символы. 2026. № 3 (48). С. 80-92 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-80-92

Статья поступила: 10.04.2026

Статья принята в печать: 12.05.2026

Статья опубликована: 10.09.2026

© Бахтин В., Морозов А., 2026.

REPRESSIONS AGAINST PRIESTS AND MONKS IN THE VORONEZH REGION IN 1937 (BASED ON THE EXAMPLE OF ARCHIVAL AND INVESTIGATIVE CASE P-25580)

V.V. Bakhtin*

*Burdenko Voronezh State Medical University
(VSMU),*

10 Studencheskaya Street, Voronezh, 39436,

A.I. Morozov

Belgorod Orthodox Theological

Seminary (with a missionary focus),

15 Budennogo Street, Belgorod, 308034

Abstract

Introduction. The article examines the repressive policy of the Soviet state towards the Orthodox clergy in the Voronezh region. The reasons for arrest, investigative actions, the behavior patterns of the arrested and witnesses, and the verdict are analyzed. **Materials and methods.** The main source is the archival investigation file No. 12957, opened on July 27, 1937 and closed on August 7, 1937 by the Nizhnedevitsky district branch of the NKVD in the Voronezh region. The case is in the State Archive of Socio-Political History in the fund 9353 (Archival, investigative, and filtration-verification cases) under the number P-25580. The work uses retrospective, comparative, and historical-genetic methods. Results. Parish priests A.N. Astakhov and V.S. Stankov from Novaya Olshanka, Nizhny Devitsky District, nun T.M. Chupakhina, and holy fool M.P. Bessarabov. They were arrested on the same day, July 27, 1937. All of them were accused of conducting anti-Soviet agitation on religious grounds. On August 23, 1937, they were sentenced to death by a troika of the Voronezh Region NKVD Department, and the sentence was carried out on August 28, 1937. **Conclusion.** The conducted research shows that the Orthodox clergy and monastics preserved the Orthodox faith and traditions in the conditions of the atheistic Soviet state. In 1937, during the Great Terror, Priest A.N. Astakhov performed church services in the active Church of the Nativity of the Most Holy Theotokos, organized fundraising for the church's repair, provided spiritual guidance to parishioners, and assisted numerous monastics who came for joint prayers. Under investigation, A.N. Astakhov, V.S. Stankov, M.P. Bessarabov, and T.M. Chupakhina maintained their courage and fortitude, did not slander anyone, and did not renounce their Christian faith.

Keywords: Soviet society, Voronezh region, atheism, Russian Orthodox Church, Orthodox clergy, political repressions, and spiritual resistance.

* Responsible author

For citation: Bakhtin V.V., Morozov A.I. (2026) Repressions against priests and monks in the Voronezh region in 1937 (Based on the example of archival and investigative case P-25580) In *History: facts and symbols*, 3 (48), 80-92 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-80-92

Received: 10.03.2026

Revised: 12.05.2026

Published: 10.06.2026

© Bakhtin V., Morozov A., 2026.

1. Введение

Политические репрессии в отношении православного духовенства в советских период нашли отражение в целом ряде научных публикаций, которые позволяют раскрыть как общие вопросы государственно-церковных отношений, так и региональные (Н.Е. Емельянов, О.И. Хайлова [11], Г. М. Лохонова, К.В. Агаджанян [16], А.И. Перелыгин [20], И.В. Петров [21], А.Л. Худобородов, М.А. Яшина [24], М.В. Шкаровский [28] и др. [6, 8, 26, 27]. Репрессии против православного духовенства в Воронежской области нашли отражение в работах А.Н. Акиньшина [1], В.А. Алленовой [3], Ф.Н. Козлова [15], В.Н. Ряполова [22], С.В. Шуваева [29]. Исследователи И.И. Осипова [9, 19], Е.Ю. Нуйкина [18], Г.А. Тюрин [23], А.А. Шадрина [25] накопили большой опыт анализа специфического источника – архивно-следственных дел ОГПУ-НКВД-МГБ.

2. Материалы и методы

Источниковую базу данной работы послужило архивно-следственное дело П-25580 фонда 9353 (Архивно-следственные и фильтрационно-проверочные дела) Государственного архива общественно-политической истории по обвинению священников А.Н. Астахова, В.С. Станкова, монашествующей Т.М. Чупахиной, юродивого М.П. Бессарабова¹.

Методологическая основа исследования базируется на принципах историзма и научной объективности. При написании настоящей статьи мы использовали историко-генетический, сравнительно-исторический и хронологический методы, при помощи которых можно выделить общее и особенное в изучении архивно-следственных дел 1937 г.

3. Результаты

1937 год в истории нашего государства стал годом «Большого террора». Под данным термином современной историографии, характеризуется период наиболее массовых политических (сталинских) репрессий в СССР 1937-1938 годов. Его началом принято считать подписание 30 июля 1937 года наркомом внутренних дел Николаем Ежовым приказа № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов», который устанавливал начало операции 5 августа 1937 г. и ее окончание в четырех месячный срок, то есть к 5 декабря. Священнослужители были отнесены к категории указанных в п. 6 приказа «Наиболее активные антисоветские элементы из бывших кулаков, карателей, бандитов, белых, сектантских активистов, церковников и прочих» [17, с. 274]. На каждого арестованного или группу арестованных заводилось следственное дело. Следствие проводилось ускоренно, в упрощенном порядке и рассматривалось внесудебными тройками [17, с. 278].

Оперативный приказ НКВД № 00447 устанавливал для Воронежской области следующие планы: репрессировать 4500 чел., в том числе по 1 категории (высшая мера наказания) – 1000 чел. [17, с. 275] В конце июля 1937 г. Воронежский обком партии просил ЦК ВКП(б) изменить цифры и утвердить к репрессированию по области 11 тыс. чел. кулацкого контрреволюционного элемента, в том числе по первой категории кулацкого контрреволюционного элемента 3 тыс., уголовников 700 [7, с.10].

Уголовное дело в отношении приходских священников А.Н. Астахова и В.С. Станкова с. Новая Ольшанка Нижнедевицкого района, монашествующей Т.М. Чупахиной, юродивого М.П. Бессарабова было открыто 27 июля 1937 года, то есть еще до начала массовой акции по репрессированию кулацкого элемента. Однако оно может нами рассматриваться и в контексте оперативного приказа, так как в нем содержался пункт, который гласил, что репрессированию

¹ Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИВО). Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-25580. 121 л.

подлежали элементы категорий, указанных в распоряжение НКВД, содержащиеся в данное время под стражей, следствие по делам которых закончено, но дела еще судебными органами не рассмотрены [17, с. 274].

Священство и монашествующие были арестованы все в один день и обвинялись по ст. 58-10 (антисоветская агитация). Они были объединены в одно архивное дело, но следствие им не предъявило обвинение по статье 58-11 (организационная контрреволюционная деятельность).

Рассмотрим подробнее обвинения, предъявленные духовным лицам. Первым по делу проходил священник Антон Никитович Астахов. На момент ареста ему было 70 лет. Родился в 1867 году в с. Коньшино Курской губернии (современный Губкинский городской округ Белгородской области). Образование получил в монастыре. В 1929 году народным судом Нижнедевицкого района осуждён по ст. 61 ч. 3 УК на 5 лет высылки в г. Маринск и раскулачен. В 1930 году осуждён тройкой ПП ОГПУ по Западно-сибирскому краю по ст. 58 – 10 УК к 5 годам лишения свободы. Наказание отбыл и прибыл в село Новую Ольшанку Нижнедевицкого района Воронежской области. В анкете арестованного указано, что семьи не имел и являлся монахом, но в материалах дела отсутствует информация, уточняющая в каком монастыре он принял постриг и нес послушание.

Священник был допрошен в день своего ареста 27 июля 1937. Следователь начал допрос со следующего вопроса: «Вы арестованы за активную контрреволюционную деятельность, которую вы проводили среди населения, признаете вы себя в этом виновным». И получил следующий ответ: «Нет, я себя виновным в этом не признаю»¹. Это был первый и последний допрос следствия. После первого вопроса следователь спросил о священнике города Нижнедевицка отце Иоанне (Путинцеве), который был арестован в один день [14, с. 310]. Интерес следствия, возможно, был вызван стремлением создать контрреволюционную группу из числа местного духовенства. На данный вопрос Астахов ответил, что он лично с ним знаком и несколько был у него по личным вопросам. Затем следователь стал выяснять так называемое содействие Путинцева в открытии православных церквей, которые были закрыты и использовались местными властями под различные нужды. Священник показал: «Путинцев мне писал ходатайства и давал установки, каким путём нужно ходатайствовать перед советскими органами об открытии и об освобождении, занятых хлебом церквей»².

Получив ответ, следователь задал новый вопрос о церковно-монархических листовках, которые распространялись в селе Новая Ольшанка, на что отец Антон категорически заявил, что никаких листовок среди населения не писал и не распространял. Сотрудник НКВД снова пытался выявить у священника его связи с прихожанами, формулируя это как «совместную контрреволюционную работу». Осознавая опасность ответа на данный вопрос, отец Антон заявил, что «меня никто не посещал». Следствие настаивало на контактах, и были названы несколько человек «из его связей»: ктитор церкви Феклу Баркалову, председателя церковной двадцатки Трофима Елфимова. Попытка следвателя сделать акцент на якобы данных антисоветских установок на проведение агитаций за открытие церквей и выход из колхозов услышал снова ответ, что таких установок им не давал и общение было исключительно по церковным делам³. На этом допрос был закончен. Это был первый и последний допрос следствия священника Антона Никитовича Астахова.

По делу отца Антона дали показания 4 свидетеля: единоличница Мария Ивановна С., у которой квартировал Астахов⁴, колхозник Захар Васильевич С.⁵, колхозник Марк Васильевич

1 ГАОПИВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-25580. Л. 11.

2 Там же.

3 Там же. Л. 11об.

4 Там же. Л. 13-13об.

5 Там же. Л. 15-15об.

К.¹, сторож церкви Степан Акимович Е.² Они сообщали факты, который следователь использовал в обвинительной заключении.

27 июля 1937 года был арестован шестидесятишестилетний священник Василий Стефанович Станков. Родился он 20 января 1871 в г. Нижнедевицке Воронежской губернии. С 1898 года проживал в селе Новая Ольшанка, в котором служил священником Рождество Богородичной церкви. В анкете было указано, что он в 1930 г. арестовывался органами ОГПУ и содержался под стражей, но был освобождён³. В числе стандартных обвинений того периода в антисоветской агитации, ему ставилась вина, что «в 1919 году во время нашествия белых банд ... принимал участие в расстреле коммунистов»⁴. Следователь на допросе 27 июля 1937 г. задал вопрос: «Следствием установлено, что во время нашествия белых банд в 1919 году, будучи в с. Н[овая] Ольшанка вы принимали участие в выдаче и расстреле коммуниста Капраникова, и призывали население уходить с белыми, правильно это. Ответ: Нет, это не правильно, потому что никакого участия с белыми я не принимал... я не принимал участие в расстреле коммунистов, но с белыми бандами уходил, отступая от красных в 1919 году»⁵.

В деле отложилась характеристика сельсовета, в которой сообщалось, что Станков на площади встречал белые войска «с хлебом, солью и иконами, на площади Станков говорил и призывал убивать коммунистов»⁶. По его делу были опрошены 3 свидетеля, которые подтвердили факт молебна, совершенного священником при белых, упоминали убийства коммунистов, но конкретных фактов, подтверждающих, что именно Станков выдал их не приводили. Колхозник Марк Павлович К. повторил фактологию прежнего свидетеля, дополнив, что Станков «заклинал Красную армию как супостатов и молил о победе белым бандам». Свидетель утверждал, что священник выдал коммунистов, но назвал только одну фамилию – Капраникова, которого убили⁷. Другой свидетель колхозник Степан Акимович Е. подтвердил, что священник в 1919 г. проводил молебен и привёл дополнительные сведения информацией, что в тот момент, когда белая армия отступила «бил в колокол, собрал граждан и велел отступать с белыми»⁸. Третий свидетель Захар Васильевич С. показал, что когда белые арестовали Капраникова, то священник говорил, что его «надо уничтожить. Это антихрист - враг человечества»⁹. Обвинение священника в противоправной деятельности периода Гражданской противоречие даже прежним нормативно-правовым актам советской власти, амнистировавших участников белого движения [4].

Затем в архивно-следственном деле идут материалы пятидесятипятилетнего Максима Павловича Бессарабова. В анкете содержится следующая информация. Родился в 1882 в г. Калаче Воронежской губернии. Адрес жительства указан г. Воронеж, ул. Средняя Смоленская, д. 34. Специальность и профессия: «без определённых занятий». Социальное происхождение: «из крестьян»¹⁰.

27 июля 1937 года сотрудник НКВД допросил М.П. Бессарабова и задал всего 5 вопросов: «Вы арестованы за активную контрреволюционную деятельность, которую вы проводили среди населения ряда сел разных районов, признаете себя в этом виновным», «В с. Ольшанке Нижнедевицкого района вы с Чупахиной часто бывали», «Кого вы посещаете в с. Н[овая] Ольшанка Нижнедевицкого района», «Ольшанские священники Астахов и Станков да-

1 ГАОПИВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-25580. Л. 17-17об

2 Там же. Л.19-19об.

3 Там же. Л. 35.

4 Там же. Л.107.

5 Там же. Л. 40об.

6 Там же. Л. 36

7 Там же. Л. 42.

8 Там же. Л.44об

9 Там же.

10 Там же. Л. 56.

вали вам указания о проведение контрреволюционной деятельности среди населения», «Что практически они предлагали вам делать»¹.

Следует отметить, что Максим Павлович Бессарабов был неграмотным и протокол допроса за него подписала арестованная с ним Татьяна Матвеевна Чупахина.

На момент арест ей было 50 лет, в анкете арестованной был указан адрес такой же, как и у Бессарабова. Она родилась в крестьянской семье села Троицкое Землянского уезда Воронежской губернии. Она выехала из села в конце 1920-х и проживала в Воронеже возле Покровского Девичьего монастыря, по всей видимости, она была насельницей данной монашеской обители. В 1930 году ее брат Константин Матвеевич Чупахин был раскулачен и выслан за пределы области как жандарм. На допросе она показала, что они проживали в квартире Петра Алексеевича Фомина². Данный факт представляет особый интерес в выявление духовных связей духовенства, монашествующих и мирян в период воинствующего государственного атеизма. Фомин был активным членом православного братства, существовавшего в Воронеже в конце 1920-начале 1930-х гг. и информация о нем есть в докладе полномочного представительства Объединённого государственного политического управления при Совете Народных Комиссаров СССР по Центрально-Черноземной области от 15 октября 1930 г. [10]. В нем сообщалось, что на квартире Фомина собирались верующие, которых окроплял протоиерей Ильинской церкви Митрофан Федорович Бучнев (1876-1930): читал Священное Писание, жития святых, давал наставления и советы. Сотрудники спецслужб так описали их молитвенные собрания: «предсказывал скорую гибель советской власти и возрождение новой жизни. Измышляя провокационные слухи, он говорил, что «советская власть осквернила землю, поэтому в Девичьем монастыре из ног Спасителя (икона) появилась кровь; все это есть предсказание скорой войны» [10, с. 1479]. Появление крови или мира связано с православным чудом – мироточение икон, которое традиционно связывают с грядущими великими испытаниями, и всегда привлекает повышенный интерес верующих.

Новомученик протоиерей Митрофан Бучнев возглавлял с апреля 1914 года монашескую общину, состоявшую из «черничек» - так называли сельских девушек, не вступивших в брак по обету родителей или своему собственному. В период массового закрытия монастырей оптинские старцы благословили о. Митрофана взять под покровительство послушниц, оставшихся без попечения [3, с. 34]. В 1922 году он переехал на жительство в Воронеж и принял самое живое участие в судьбе членов монашеской общины – часть из них удалось распределить по хуторам и городским семьям, устроив в качестве прислуги, оставшиеся исполняли роль певчих при молениях. Вскоре общество расширилось в него вошли представители старой дореволюционной интеллигенции, административно-высланные, в том числе и активисты московских молодёжных православных братств. В спецдонесении сообщалось: «Не ограничиваясь использованием членов кружка, она [группа], приблизив слабоумного Бессарабова Максима Павловича и дав ему название «юродивого», повела агитацию среди населения о скором падении советской власти, зная, что на юродивого фанатика смотрят как на святого человека» [10, с. 1479]. Председатель Воронежского Союза Безбожников П. Зарин также упоминал о блаженном Максиме в окружение священника Бучнева [12].

С данной монашеской общиной была связана и блаженная Феоктиста Воронежская. В материалах по ее канонизации приводятся сведения об её духовной связи с Максимом Бессарабовым. Монахиня Екатерина (Чичерина) вспоминала, что: «Духовная жизнь не замирает – благодаря двум светильникам: воронежским блаженными Феоктисте Михайловне и Максиму Павловичу... Максим Павлович помоложе Феоктисты Михайловны, ему примерно шестьдесят лет. В руках у него всегда неизменная палка и множество сумочек меняющихся, и, говорили, не случайно – то ключи носит, то замки. Ничего не выпускает из рук, а если кто пытался облег-

1 ГАОПИВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-25580. Л. 62-62об.

2 Там же. Л. 75.

чить его, протестовал и даже как-то особо рычал. Он ежедневно посещает вокзал, все железнодорожники его знают, все они его приятели и к его словам всегда прислушиваются. Вот эти два человека, несшие подвиг юродства, беспрерывно обходили город и поддерживали в нем дух благочестия. «Фроська, жизнь надо держать! Держать надо жизнь!» – грозно говорил Максим Павлович, постукивая палочкой» [13, с. 333].

Члены монашеской общины заботились о юродивом Максиме Бессарабове. По свидетельству А. В. Анисифоровой, когда протоиерей Митрофан Бучнев «собирался в ссылку, мы его спросили, на кого же он нас оставляет. Он сказал: «На Феоктисту Михайловну и Максима Павловича»» [5, с. 260]. Возможно, именно четвертый фигурант дела монахиня Татьяна Матвеевна Чупахина несла послушание и заботилась о нем, проживая вместе с ним.

По обвинению Чупахиной дали показания свидетели два свидетеля – Степан Акимович Е., Захар Васильевич С. Они свидетельствовали, что Чупахина говорила о скором конце советской власти, объясняя колхозникам международную ситуацию: «Дальний восток японцы уже взяли, идут сюда вглубь России»¹. Женщинам она якобы говорила, что «скорей придёт то светлое старое времячко, каковую мы ждём с нетерпением, и встретим нашу старую управления царя батюшку со крестом и святой церковью»².

13 августа 1937 г. помощник оперативного уполномоченного Управления государственной безопасности Нижнедевицкого райотдела НКВД рассмотрев следственное дело №12957 по обвинению А.Н. Астахова, В.С. Станкова, М.П. Бессарабова, Т.М. Чупахину установил, что «имея между собой связь, занимались активной контрреволюционной деятельностью, направленную против политики ВКП/б/ и Советской власти».

Обвинение было разбито на два блока. В первом обвинялись монашествующие Бессарабов и Чупахиной, а во втором – иеромонахи Астахов и Станков.

Во-первых, контакты юродивого Бессарабова и монашествующей Чупахиной с православным духовенством в лице иеромонахов Астахова и Станкова классифицировались как «получение контрреволюционных указаний о проведении контрреволюционной работы среди населения разных районов», заключавшейся в призывах к выходу из колхозов³. Данное обвинение основывалось на показаниях неграмотного Бессарабова, которые были подписано малограмотной Чупахиной⁴. Хотя на допросе Чупахина категорически отрицала своё знакомство со священниками: «Нет, не правильно. Священников Астахова и Станкова я даже не знаю»⁵. Следствие не задавало вопрос священнику Астахова о Чупахиной и Бессарабове⁶ Станков на вопрос следователя о них категорически заявил, что он их даже не знает⁷.

Бессарабова и Чупахину обвиняли в публичных призывах к расправам с коммунистами, террористических намерениях против Сталина, подкрепляя указанием страниц свидетельских показаний, на основании которых они сформулированы⁸. Однако анализ указанных страниц дела показал, что свидетели даже не упоминали террористические высказывания против Сталина⁹. С другой стороны, логически рассуждая, что негативные высказывания Чупахиной и Бессарабова в адрес правящей партии и ее руководителей в присутствующие посторонних и незнакомых людей вызывают сомнения.

Священники обвинялись в контрреволюционной агитации среди населения. Конкретно оно заключалось, по мнению обвинения, в следующем. Астахов призывал к разбору государ-

1 ГАОПИВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-25580. Л. 78.

2 Там же. Л. 79.

3 Там же. Л. 106.

4 Там же. Л. 62.

5 Там же. Л. 75 об.

6 Там же. Л. 11-11об

7 Там же. Л. 40.

8 Там же. Л. 107

9 Там же.

ственного хлеба, хранящегося в закрытой церкви по домам, а также собирать средства на ремонт храма. Говорил, что «есть газета написана золотыми буквами, а там что колхозы разгонят»¹. Также ему инкриминировались высказывания об уничтожении коммунистов и раздача листовок монархических листовок. Станкову предъявляли обвинения в выдаче коммунистов в период Гражданской войны, активное обсуждение Конституции 1936 года с призывами к избранию представителей духовенства на предстоящих выборах и критика колхозов: «построены для того, чтобы закабалить крестьян и в скором времени они должны развалиться»².

Обвиняемые содержались в Воронежской тюрьме, и их обвинение было направлено на рассмотрение тройки УНКВД по Воронежской области.

Через 10 дней состоялось заседание тройки, которое постановило А.Н. Астахова³, М.П. Бессарабова⁴, В.С. Станкова⁵, Т.М. Чупахину⁶ расстрелять. Приговор в исполнение был приведён 28 августа 1937 г.⁷ Реабилитированы они были 17 июля 1989 г.

Точное место захоронения не известно. Возможно, их останки находятся в пригороде Воронежа — Дубовке, где в настоящее время находится мемориальная зона — место захоронения жертв политических репрессий.

4. Заключение

Архивно-следственное дело №12957 является типичным для периода большого террора. Арестованные до начала массовой операции по приказу 000447, священство и монашествующие попали под категории подлежащих репрессированию. Все проходящие по делу обвиняемые были расстреляны. Следствие было грубо сфальсифицировано, следователи работали по шаблону по упроченной системе, ведь арестованные были классово чуждые и глубоковерующие. При допросах Астахов, Станков, Чупахина отрицали предъявленные им обвинения, показания Бессарабова с признанием вины, можно не рассматривать, так как они были подписаны третьим лицом. Обвинения строилось только на свидетельских показаниях четырёх местных жителей, правдивость которых вызывает сомнения.

В настоящее время отдел по канонизации Воронежской епархии проводит большую работу по рассмотрению духовного подвига новомучеников и исповедников российских для дальнейшего освящения репрессированного духовенства.

Список источников и литературы

1. Акиншин, А. Н. (1993). *Церковь и власть в Воронеже в 1920-1930-е годы (процессы Петра Зверева и Алексея Бую)* // Церковь и ее деятели в истории России: межвузовский сборник научных трудов. Воронеж: Воронежский государственный университет. С. 127-145.
2. Алленова, В. А. (2018). *Воронежская община протоиерея митрофана Бучнева* // Вестник Свято-Филаретовского института. 2018. № 27. С. 80-104.
3. Алленова, В. А. (2012). *Материалы Государственного архива Воронежской области как источник по истории гонений на духовенство в 1920-е гг.* // Воронежский вестник архивиста. Вып. 10. С. 31-43.
4. *Амнистия лицам, участвовавшим в качестве рядовых солдат в белогвардейских военных организациях. Декрет ВЦИК 3 ноября 1921 г.* // Хронологическое собрание законов, указов

1 ГАОПИВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-25580. Л. 15об.

2 Там же. Л. 108.

3 Там же. Л. 110.

4 Там же. Л. 111.

5 Там же. Л. 112.

6 Там же. Л. 113

7 Там же. Л. 114-117.

Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т. 1. 1917—1928 гг. М.: Госюриздат, 1959. С. 49-50.

5. Анисифорова, А. В. (2005). *Записки Анны Васильевны Анисифоровой, которая ходила с матушкой Феоктистой по «дорогам» // Жены-мироносицы XX века / Сост. А. Ильинская. М.: Паломник. С. 253–266.*

6. Бардилева, Ю. П. (2023). *Репрессии в отношении духовенства Русской Православной церкви на Европейском Севере России в 1920-1921 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. Т. 5, № 4 (20). С. 45-52. DOI: 10.37313/2658-4816-2023-5-4-45-52*

7. Бахтин, В. В. (2018). *Массовые политические репрессии на территории Воронежской области в 1930-е годы // Реалии и иллюзии советского общества накануне Великой отечественной войны: материалы международного научно-практического форума, Брянск, 18–19 декабря 2017 года. Брянск: Брянская региональная общественная организация «Центр изучения общественных и гуманитарных наук "Историческое сознание"». С. 6-15.*

8. Белкин, А. И., Грыжанкова, М. Ю. (2018). *К вопросу о причинах гонений на русскую православную церковь в советской России // Гуманитарные науки и образование. Т. 9, № 1 (33). С. 136-142.*

9. *«Во странничестве подвиг совершивши...». Обзор материалов следствий по делам истинно-православных христиан странствующих. 1928–1949 / Сост. И.И. Осипова. [Ред. И. В. Ильичев]. М.: Братонез, 2021. 360 с.*

10. *Доклад ПП ОГПУ по ЦЧО о контрреволюционных церковных и сектантских организациях и группах, ликвидированных ПП ОГПУ по ЦЧО в 1930 г. 15 октября 1930 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.): сб. док. в 10 т. Т. 8 в 2 ч. 1930 г. Ч. 2. М.: ИРИ РАН, 2008. С. 1458-1503.*

11. Емельянов, Н. Е., Хайлова, О. И. (2018). *Гонения на Русскую Православную церковь (1917-1950-е годы) // Россия и современный мир. № 4(61). С. 111-128.*

12. Зарин, П. (1930). *Как они работали // Безбожник. № 6. С. 13.*

13. Изакар А., протоиерей, Макеев Н. В., Козак, Е. Н. (2012). *Жизнеописание блаженной Феоктисты Воронежской (Анфисы Михайловны Шульгиной, 1855–1940), Христа ради юродивой, память 21 февраля/6 марта. Материалы к канонизации // Труды преподавателей и выпускников Воронежской православной духовной семинарии. Выпуск 6. Воронеж. С. 313–366.*

14. *Книга Памяти жертв политических репрессий Воронежской области. Том 4. – Тамбов: ооо «Тамбовский полиграфический союз», 2019. 368 с.*

15. Козлов, Ф. Н. (2025). *«Краснодраконовцы»: к вопросу об идентификации религиозного движения // Вестник Чувашского университета. № 3. С. 37-46. DOI: 10.47026/1810-1909-2025-3-37-46.*

16. Лохонова, Г. М., Агаджанян, К. В. (2015). *Трагические страницы Русского Православия в первые десятилетия советской власти в Среднем Поволжье // Вестник Российского университета кооперации. № 1 (19). С. 131-137.*

17. *Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Под ред. акад. А.Н. Яковлева. М.: МФД, 2004. 736 с.*

18. Нуйкина, Е. Ю. (2024). *Архивно-следственные дела по обвинению духовенства Русской православной церкви (1917 — 1930-е гг.): источниковедческое исследование / отв. ред. Л.А. Лыкова. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-история, 232 с.*

19. *«О, Премилосердый... Буди с нами неотступно...». Воспоминания верующих Истинно-Православной (Катакомбной) Церкви. Конец 1920-х – начало 1970-х годов / Сост., подг. текстов, комм., предисл., вступ. ст. И. И. Осиповой. [Ред. В. Б. Панин]. СПб.: Кифа, 2011. 464 с.*

20. Перельгин, А. И. (2017). *Русская православная церковь в годы большевистских гонений* // Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. Серия: Социология. № 18 (1). С. 15-44.
21. Петров, И. В. (2023). *Кампания по изъятию церковных ценностей и судебные процессы против православного духовенства в 1922 г. как часть завершающего этапа Гражданской войны в России* // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. № 1(13). С. 80-96. DOI: 10.47132/2587-8425_2023_1_80
22. Ряполов, В. Н. (2015). *Секта «Федоровцев» - сто лет в одиночестве* // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 5-1. С. 128-131.
23. Тюрин, Г. А. (2021). *Назвать поименно... «верхососенское дело» 1937 года (по материалам Архива УФСБ по Орловской области)* // Восемнадцатые Дамиановские чтения: Русская Православная Церковь и общество в истории России и Курского края : Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, проводимой в рамках XVII Международных научно-образовательных Знаменских чтений, Курск, 31 марта 2021 года / Под редакцией Е.В. Харченко, О.В. Пигоровой. Курск: Курская государственная сельскохозяйственная академия имени И.И. Иванова, 2021. С. 153-161.
24. Худобородов, А. Л., Яшина, М. А. (2011). *Репрессивная политика советского государства в отношении Русской православной церкви (1920-1930-е гг.)* // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. № 30 (247). С. 61-65.
25. Шадрина, А. В. (2018). *Репрессии и фальсификация репрессивных дел против православного духовенства в 1937-1938 годах в Ростовской области* // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». Т. 28, № 1. С. 40-48.
26. Шадрина, А. В. (2020). *Репрессии против православного духовенства в период коллективизации на территории современной Ростовской области* // Научная мысль Кавказа. № 1(101). С. 64-71. DOI: 10.18522/2072-0181-2020-101-1-64-71.
27. Шишов, А. И. (2021). *Русская Православная церковь в годы Большого террора 1937-1938 гг.* // История. Общество. Политика. № 4 (20). С. 56-65.
28. Шкаровский, М. В. (2013). *Репрессии 1930-х гг. против священнослужителей Северо-Запада России* // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. № 23. С. 16-22.
29. Шуваев, С. В. (2011). *Священнослужители, монашествующие и миряне Воронежской и Тамбовской губерний (областей) в годы репрессий 1918-1940 гг. XX в.* // БЕРЕГИ-НЯ.777.СОВА. № 3 (14). С. 33-39.

References

1. Akin'shin, A. N. (1993). *Tserkov' i vlast' v Voronezhe v 1920-1930-e gody (protsessy Petra Zvereva i Aleksey Buy)* [The Church and the Government in Voronezh in the 1920s and 1930s (the trials of Pyotr Zverev and Alexey Buy)] in *Tserkov' i yeye deyateli v istorii Rossii : Mezhdunarodnyy sbornik nauchnykh trudov*. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet, 127-145. (in Russian).
2. Allenova, V. A. (2018). *Voronezhskaya obshchina protoiyereya mitrofana Buchneva* [The Voronezh Community of Archpriest Mitrofan Buchnev] in *Vestnik Svyato-Filaretovskogo instituta*, 27, 80-104. (in Russian).
3. Allenova, V. A. (2012). *Materialy Gosudarstvennogo arkhiva Voronezhskoy oblasti kak istochnik po istorii gonimyy na dukhovenstvo v 1920-e gg.* [Materials from the State Archives of the Voronezh Region as a source on the history of persecution of the clergy in the 1920s] in *Voronezhskiy vestnik arkhivista*, 10, 31-43. (in Russian).
4. *Amnistiya litsam, uchastvovavshim v kachestve ryadovykh soldat v belogvardeyskikh voyennyykh organizatsiyakh. Dekret VTSIK 3 noyabrya 1921 g.* [Amnesty for individuals who served as

private soldiers in White Guard military organizations. Decree of the All-Russian Central Executive Committee, November 3, 1921.] (1959) in *Khronologicheskoye sobraniye zakonov, ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta i postanovleniy Pravitel'stva RSFSR*. 1. 1917—1928 gg. Moscow: Gosyurizdat, 49-50. (in Russian).

5. Anisiforova, A. V. (2005). *Zapiski Anny Vasil'yevny Anisiforovoy, kotoraya khodila s matushkoy Feoktistoy po «dorogam»* [Notes of Anna Vasilyevna Anisiforova, who walked with Mother Feoktista along the "roads"] in *Zheny-mironositsy KHKH veka* / Sost. A. Il'inskaya. Moscow: Palomnik, 253-266. (in Russian).

6. Bardileva, Yu. P. (2023). *Repressii v otnoshenii dukhovenstva Russkoy Pravoslavnoy tserkvi na Yevropeyskom Severe Rossii v 1920-1921 gg.* [Repressions against the clergy of the Russian Orthodox Church in the European North of Russia in 1920-1921] in *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Istoricheskiye nauki*, 5 (20), 45-52. (in Russian).

7. Bakhtin, V. V. (2018). *Massovyye politicheskiye repressii na territorii Voronezhskoy oblasti v 1930-e gody* [Mass political repressions in the Voronezh region in the 1930s] in *Realii i illyuzii sovetskogo obshchestva nakanune Velikoy otechestvennoy voyny : Materialy mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma*, Bryansk, 18–19 dekabrya 2017 goda. Bryansk: Bryanskaya regional'naya obshchestvennaya organizatsiya «Tsentr izucheniya obshchestvennykh i humanitarnykh nauk "Istoricheskoye soznaniye"», 6-15. (in Russian).

8. Belkin, A. I., Gryzhankova, M. Yu. (2018). *K voprosu o prichinakh gonimiy na russkuyu pravoslavnyuyu tserkov' v sovetskoy Rossii* [On the causes of the persecution of the Russian Orthodox Church in Soviet Russia] in *Gumanitarnyye nauki i obrazovaniye*, 9 (33), 136-142. (in Russian).

9. «*Vo strannichestve podvig sovershivshi...*». *Obzor materialov sledstviy po delam istinno-pravoslavnykh khristian stranstvuyushchikh. 1928–1949* ["Having accomplished a feat in wandering..." A review of the investigation materials into the cases of True Orthodox Christian wanderers. 1928–1949]. (2021). Sost. I. I. Osipova. [Red. I. V. Il'ichev]. Moscow: Bratonezh. (in Russian).

10. *Doklad PP OGPU po TSCHO o kontrrevolyutsionnykh tserkovnykh i sektantskikh organizatsiyakh i gruppakh, likvidirovannykh PP OGPU po TSCHO v 1930 g. 15 oktyabrya 1930 g.* [Report of the PP OGPU for the Central Black Earth Region on counterrevolutionary church and sectarian organizations and groups liquidated by the PP OGPU for the Central Black Earth Region in 1930. October 15, 1930.] (2008) in «*Sovershenno sekretno*»: *Lubyanka — Stalinu o polozhenii v strane (1922-1934 gg.)*: Sb. dok. v 10 t. T. 8 v 2 ch. 1930 g. Ch. 2. Moscow: IRI RAN, 1458-1503. (in Russian).

11. Yemel'yanov, N. E., Khaylova O. I. (2018). *Gonimiy na Russkuyu Pravoslavnyuyu tserkov' (1917-1950-e gody)* [Persecution of the Russian Orthodox Church (1917–1950s)] in *Rossiya i sovremennyy mir*, 4 (61), 111-128. (in Russian).

12. Zarin, P. (1930). *Kak oni rabotali* [How they worked] in *Bezbozhnik*, 6, 13. (in Russian).

13. Izakar A., protoiyerey, Makeyev N.V., Kozak, E.N. (2012). *Zhizneopisaniye blazhennoy Feoktisty Voronezhskoy (Anfisy Mikhaylovny Shul'ginoy, 1855–1940), Khrista radi yurodivoy, pamyat' 21 fevralya/6 marta. Materialy k kanonizatsii* [Life of Blessed Theoktista of Voronezh (Anfisa Mikhailovna Shulgina, 1855–1940), Fool-for-Christ, commemorated February 21/March 6. Materials for canonization] in *Trudy prepodavateley i vypusnikov Voronezhskoy pravoslavnoy dukhovnoy seminarii*, 6. Voronezh, 313–366. (in Russian).

14. *Kniga Pamyati zhertv politicheskikh repressiy Voronezhskoy oblasti* [Book of Remembrance of Victims of Political Repression in the Voronezh Region]. (2019), 4. Tambov: ooo «Tambovskiy poligraficheskiy soyuz». (in Russian).

15. Kozlov, F. N. (2025). «*Krasnodrakonovtsy*»: *k voprosu ob identifikatsii religioznogo dvizheniya* [The Red Dragons: On the Identification of a Religious Movement] in *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 3, 37-46. (in Russian).

16. Lokhonova, G. M., Agadzhanyan K. V. (2015). *Tragicheskiye stranitsy Russkogo Pravoslaviya v pervyye desyatiletiya sovetsoy vlasti v Srednem Povolzh'ye* [Tragic pages of Russian Orthodoxy in the first decades of Soviet power in the Middle Volga region] in *Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii*, 1 (19), 131-137. (in Russian).

17. Lubyanka. *Stalin i Glavnoye upravleniye gosbezopasnosti NKVD. Arkhiv Stalina. Dokumenty vysshikh organov partiynoy i gosudarstvennoy vlasti* [Lubyanka. Stalin and the Main Directorate of State Security of the NKVD. Stalin's Archive. Documents of the highest organs of party and state power]. (2004). Pod red. akad. A. N. Yakovleva. Moscow: MFD. (in Russian).

18. Nuykina, E. Yu. (2024). *Arkhivno-sledstvennyye dela po obvineniyu dukhovenstva Russkoy pravoslavnoy tserkvi (1917 — 1930-e gg.): istochnikovedcheskoye issledovaniye* [Archival and investigative cases against the clergy of the Russian Orthodox Church (1917–1930s): source study]. Otv. red. L.A. Lykova. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN; SPb.: Nestor-istoriya. (in Russian).

19. «O, Premiloserdy... Budi s nami neotstupno...». *Vospominaniya veruyushchikh Istinnno-Pravoslavnoy (Katakombnoy) Tserkvi. Konets 1920-kh — nachalo 1970-kh godov* ["O Most Merciful One... Be with us always..." Memories of the Believers of the True Orthodox (Catacomb) Church. Late 1920s – early 1970s]. (2011). Sost., podg. tekstov, komm., predisl., vstup. st. I. I. Osipovoy. [Red. V. B. Panin]. St. Petersburg.: Kifa. (in Russian).

20. Perelygin, A. I. (2017). *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v gody bol'shevistskikh gonenyi* [The Russian Orthodox Church during the Bolshevik persecutions] in *Gosudarstvo i obshchestvo: vchera, segodnya, zavtra. Seriya: Sotsiologiya*, 18 (1), 15-44. (in Russian).

21. Petrov, I. V. (2023). *Kampaniya po iz'yatiyu tserkovnykh tsennostey i sudebnyye protsessy protiv pravoslavnogo dukhovenstva v 1922 g. kak chast' zavershayushchego etapa Grazhdanskoy voyny v Rossii* [The campaign to confiscate church valuables and trials against the Orthodox clergy in 1922 as part of the final stage of the Civil War in Russia] in *Vestnik Istoricheskogo obshchestva Sankt-Peterburgskoy Dukhovnoy Akademii*, 1 (13), 80-96. (in Russian).

22. Ryaplov, V. N. (2015). *Sekta «Fedorovtsev» - sto let v odinochestve* [The Fedorovites Sect: A Hundred Years of Solitude] in *Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i yestestvennykh nauk*, 5-1, 128-131. (in Russian).

23. Tyurin, G. A. (2021). *Nazvat' poimyonno... «verkhososenskoye delo» 1937 goda (po materialam Arkhiva UFSB po Orlovskoy oblasti)* [To name by name... the "Verkhososenskoye case" of 1937 (based on materials from the Archive of the UFSB for the Oryol Region)] in *Vosemnadtsatyye Damianovskiye chteniya: Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i obshchestvo v istorii Rossii i Kurskogo kraia : Materialy Vserossiyskoy (natsional'noy) nauchno-prakticheskoy konferentsii, provodimoy v ramkakh XVII Mezhdunarodnykh nauchno-obrazovatel'nykh Znamenskikh chteniy, Kursk, 31 marta 2021 goda / Pod redaktsiyey E.V. Kharchenko, O.V. Pigorevoy. Kursk: Kurskaya gosudarstvennaya sel'skokhozyaystvennaya akademiya imeni I. I. Ivanova*, 153-161. (in Russian).

24. Khudoborodov, A. L., Yashina M. A. (2011). *Repressivnaya politika sovetsoy gosudarstva v otnoshenii Russkoy pravoslavnoy tserkvi (1920-1930-e gg.)* [Repressive policy of the Soviet state towards the Russian Orthodox Church (1920-1930s)] in *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki*, 30 (247), 61-65. (in Russian).

25. Shadrina A. V. (2018). *Repressii i fal'sifikatsiya repressivnykh del protiv pravoslavnogo dukhovenstva v 1937-1938 godakh v Rostovskoy oblasti* [Repression and falsification of repressive cases against the Orthodox clergy in 1937-1938 in the Rostov region] in *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya»*, 28 (1), 40-48. (in Russian).

26. Shadrina, A. V. (2020). *Repressii protiv pravoslavnogo dukhovenstva v period kollektivizatsii na territorii sovremennoy Rostovskoy oblasti* [Repressions against the Orthodox clergy during the period of collectivization in the territory of today's Rostov Oblast] in *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 1 (101), 64-71. (in Russian).

27. Shishov, A. I. (2021). *Russkaya Pravoslavnaya tserkov' v gody Bol'shogo terrora 1937-1938 gg.* [The Russian Orthodox Church during the Great Terror of 1937-1938] in *Istoriya. Obshchestvo. Politika*, 4 (20), 56-65. (in Russian).

28. Shkarovskiy, M. V. (2013). *Repressii 1930-kh gg. protiv svyashchennosluzhiteley Severo-Zapada Rossii* [Repressions of the 1930s against clergy in Northwest Russia] in *Yezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*, 23, 16-22. (in Russian).

29. Shuvayev, S. V. (2011). *Svyashchennosluzhiteli, monashestvuyushchiye i miryane Voronezhskoy i Tambovskoy guberniy (oblastey) v gody repressiy 1918-1940 gg. XX v.* [Clergy, monastics and laity of the Voronezh and Tambov provinces (regions) during the years of repression from 1918 to 1940] in *BEREGINYA.777.SOVA*, 3 (14), 33-39. (in Russian).

Вклад авторов:

В. В. Бахтин: обзор публикаций по теме статьи, написание текста рукописи, анализ полученных данных;

А. И. Морозов: получение данных для анализа, написание текста рукописи, анализ полученных данных.

Authors' contributions:

V. V. Bakhtin: review of publications on the topic of the article, writing the manuscript, analyzing the obtained data;

A.I. Morozov: data acquisition for analysis, writing the manuscript, analyzing the obtained data.

ДЕТИ БОЯРСКИЕ РЯЗАНСКОГО АРХИЕПИСКОПА В СЕЛЕ КНЯЗЕВО ЗАЙМИЩЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

И.А. Бусарев

*Институт российской истории Российской академии наук
117036, ул. Дмитрия Ульянова, д.19, Москва*

Аннотация

Введение. Функционирование архиерейских домов в России в период XVI-XVII вв. во многом было связано со светскими архиерейскими слугами правящих владык. В число таких слуг входили архиерейские дети боярские, которые занимались исполнением различных служб, в том числе, исполняли обязанности по несению государевой военной службы. В рязанском архиерейском доме в обязанности детей боярских входила еще и государева сторожевая служба «на поле», которая не была характерна для светских слуг других русских архиереев в XVI-XVII вв. Статья посвящена изучению князевских детей боярских - особой группы в детей боярских находившейся в составе рязанского архиерейского дома в первой половине XVII века и занимавшихся несением государевой сторожевой службы в городах «на поле», охраняя южные рубежи Русского государства от татарских набегов. **Материалы и методы.** При работе над статьей были использован системный, микроисторический и историко-сравнительные методы, которые позволили лучше изучить историю возникновения, функционирования и динамику развития группы. В ходе исследования были использованы столбцы Приказного и Владимирского столов Разрядного приказа и массовые источники, по истории служилого землевладения Рязанского и Ряжского уездов – писцовые и дозорные книги. **Результаты.** В ходе проведенной работы была исследована роль рязанского архиерейского дома в организации государевой сторожевой службы в городах «на поле». Изучены обстоятельства возникновения и функционирования детей боярских в ряжской вотчине рязанского владыки в селе Князево Займище, определено их социальное происхождение и статус внутри рязанского архиерейского дома и предпринята попытка объяснения изменения динамики их численности на протяжении первой половины XVII века. В ходе работы автор попытался объяснить обстоятельства, которые побудили князевских детей боярских перейти с архиерейской на государеву службу. **Заключение.** Автор приходит к выводу, что возникновение детей боярских в селе Князево Займище было обусловлено необходимостью несения государевой сторожевой службы детьми боярскими рязанского архиерейского дома по охране границы от татарских набегов, которую они несли до 1604 года. Верстание в дети боярские произошло из крестьян домово́й архиерейской вотчины и вместо тягла на них был возложен оброк. Князевские дети боярские имели двойственный статус и находились в судебной юрисдикции рязанского владыки, находясь при этом на государевой службе. Государство было заинтересовано в скорейшем освоении южных рубежей, поэтому с развитием Белгородской черты и сведением сторож дети боярские без ведома архиепископа перешли на государеву службу в Козлов.

Ключевые слова: рязанский архиерейский дом, дети боярские, государева служба, сторожевая служба, Белгородская черта, Переславль-Рязанский, Козлов, Князево Займище.

Для цитирования: Бусарев И.А. (2026). Дети боярские рязанского архиепископа в селе Князево Займище в первой половине XVII века // История: факты и символы. 2026. № 3 (48). С. 93-109 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-93-109

Статья поступила: 21.03.2026

Статья принята в печать: 12.05.2026

Статья опубликована: 10.09.2026

© Бусарев И., 2026

THE BOYAR CHILDREN OF THE RYAZAN ARCHBISHOP IN THE VILLAGE OF KNYAZEVO ZAIMISHCHE IN THE FIRST HALF OF THE 17TH CENTURY

I.A. Busarev

*Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
Dmitry Ulyanov st., 19, Moscow, 117036*

Abstract

Introduction. The functioning of episcopal households in Russia during the 16th–17th centuries was largely tied to the secular servants of ruling prelates. Among these servants were the episcopal boyar children, who performed various duties, including state military service. In the Ryazan episcopal household, the duties of the boyar children also included state sentry service «in the field», a responsibility not typical for the secular servants of other Russian bishops during the 16th–17th centuries. This article examines the Knyazev boyar children – a distinct subgroup within the boyar children attached to the Ryazan episcopal household in the first half of the 17th century. This group was responsible for state sentry service in the «field» towns, guarding the southern frontiers of the Russian state against Tatar raids. **Materials and methods.** When working on the article, the author used systemic, micro-historical, and historical-comparative methods, which allowed him to better study the history of the group's emergence, functioning, and development dynamics. The study relied on the columns of the Order and Vladimir tables of the Razryadny Prikaz and mass sources on the history of the service land ownership in the Ryazan and Ryazhsky districts, such as scribal and survey books. **Results.** In the course of the work carried out, the role of the Ryazan bishop's house in the organization of the tsar's guard service in the cities "on the field" was studied. The circumstances of the emergence and functioning of the boyar children in the Ryazan bishop's estate in the village of Knyazev Zaimishche were examined, their social origin and status within the Ryazan bishop's house were determined, and an attempt was made to explain the changes in their numbers throughout the first half of the 17th century. In the course of his work, the author attempted to explain the circumstances that prompted the boyar children of the princes to switch from the bishop's service to the tsar's service. **Conclusion.** The author comes to the conclusion that the emergence of boyar children in the village of Knyazev Zaimishche was due to the need for the boyar children of the Ryazan bishop's house to perform the sovereign's guard service in protecting the border from Tatar raids, which they carried out until 1604. The boyar children were recruited from the peasants of the bishop's household estate, and instead of paying taxes, they were required to pay a quitrent. The boyar children of the princes had a dual status and were under the judicial jurisdiction of the Ryazan bishop, while also serving in the tsar's army. The state was interested in quickly expanding its southern borders, and as a result, the boyar children, without the archbishop's knowledge, transferred to the tsar's service in Kozlov.

Keywords: Ryazan episcopal household, boyars children, state service, sentry service, Belgorod Line, Pereslavl- Ryazansky, Kozlov, Knyazev Zaimishche.

For citation: Busarev I.A. (2026) The boyar children of the Ryazan archbishop in the village of Knyazev Zaimishche in the first half of the 17th century In *History: facts and symbols*, 3 (48), 93-109 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-93-109

Received: 21.03.2026

Revised: 12.05.2026

Published: 10.06.2026

© Busarev I., 2026

1. Введение

Светские архиерейские служители были важным звеном в обеспечении функционирования архиерейских домов в России на протяжении XVI-XVII вв. Одними из важнейших светских слуг правящих архиереев были дети боярские. Статья посвящена изучению князевских детей боярских – особой группы детей боярских в составе рязанского архиерейского дома, которые занимались государственной сторожевой службой в городах «на поле». Дети боярские архиерейских домов редко становились предметом самостоятельного изучения. В дореволюционной историографии их деятельность рассматривалась вместе с другими архиерейскими чиновниками [14; 16] или в контексте изучения функционирования архиерейских домов [4; 5; 8; 27; 30; 32]. Современная историография продолжает дореволюционную традицию изучения и рассматривает архиерейских детей боярских в XVI-XVII вв. через призму их деятельности во владychных домах. Такие работы существуют для Великоустюжского [47; 49], Вологодского [2; 7], Воронежского [15], Ростовского [6; 23], Тверского [19; 20] и Тобольского архиерейского дома [25; 48].

В дореволюционной историографии первой работой, которая упоминала рязанских архиерейских детей боярских стал очерк о земельных владениях рязанского владыки Переславле-Рязанском в XVI-XVII вв. написанный членом рязанской ученой архивной комиссии И.И. Проходцовым [33]. Для XVII века автор ограничился использованием писцовой книги 1628-29 гг. в которой лишь упоминал о дворовых владениях детей боярских и приказных слуг в архиерейской слободе. Изучение детей боярских рязанского владыки в XVI-XVII вв. современной историографии представлены работой А.Ю. Савосичена и О.Ю. Кузьминой [44, с. 123-129], изучивших двор рязанского архиерея в середине XVI века. А.О. Никитиным предпринял попытку реконструкции списка архиерейских детей боярских в списке сотого года опубликованного А.А. Зиминым [24, с. 81-90]. Две другие работы А.И. Григорова [9, с. 86-107] и Е.Ю. Люткиной [17, с. 157-158] посвящены изучению списка детей боярских в новичной верстальной десятне рязанского архиерея 1604 года. В 2024 году вышла работа, автора настоящего исследования, посвященная составу детей боярских и приказных служителей рязанского архиерейского дома в 1620-1630-е гг. [3, с. 7-16]

2. Материалы и методы

В ходе работы над статьей был использован системный метод, благодаря которому удалось раскрыть обстоятельства появления, деятельности и окончания службы князевских детей боярских в контексте процессов, происходивших на всей территории России в XVI-XVII вв. Микроисторический метод позволивший раскрыть особенности функционирования и самовосприятия князевских архиерейских детей боярских. Сравнительно-исторический подход позволил сравнить количество детей боярских на разных этапах их развития. В основу исследования легли источники столбцы Приказного и Владимирского столов Разрядного приказа и массовые источники, связанные с историей служилого землевладения Рязанского и Рязского уездов – писцовая книга Рязанского уезда 1594-97 гг., дозорная книга 1614-15 гг. и писцовая книга Рязского уезда 1628-29 гг.

3. Результаты

Верстание архиерейский детей боярских в селе Князево Займище было связано с необходимостью несения ими государственной сторожевой службы в городах «на поле». Шестнадцатого февраля 1571 года был утвержден боярский приговор о станичной и сторожевой службе, предполагавший создание сторожевых пунктов на южных рубежах Русского государства для предупреждения о «крымском и ногайском» приходе [1, с. 2-5]. Обязанности по несению госу-

даревой сторожевой службы были возложены, в том числе, и на людей рязанского архиерейского дома, которые, по учиненным росписям должны были нести свою службу в составе третьей, четвертой и пятой сторожи [1, с. 9], расположенных в районе современного города Ельца. Сторожевая служба являлась обязанностью только рязанского архиерейского дома, что подтверждает архиепископ Моисей, пославший в 1638 году челобитную царю Михаилу Федоровичу - «с ыных де властей з белых и с черных с их домовых вотчины такой службы ежегодной нет»¹. Такая служба стала возможным благодаря географическому положению Рязанской епархии, южные границы которой проходили по рекам Сосне и Дону. Эта территория, по замечанию И.М. Покровского, являлась коренными землями Рязанского княжества, которые до и после потери им самостоятельности оставались за рязанской кафедрой [31, с. 198-200].

Вероятность верстания детей боярских в селе Князево Займище до 1604 года представляется маловероятным. Архиепископ Моисей писал о том, что дети боярские в селе Князеве Займище были «изстари» на домово́й вотчинной земле при прежних рязанских епископах и архиепископах и объясняет это необходимостью защиты «от татарского прихода»². Однако, впервые Князево Займище упоминается среди вотчинных земель рязанского архиепископа в Писцовой книге 1594-1597 гг. [29, с. 155]. В верстании до 1604 года не было необходимости, так как обязанности по несению сторожевой службы выполняли архиерейские дети боярские. В 1604 году в рязанском владычном доме произошел самый массовый уход архиерейских детей боярских [35]. На государеву службу, вместе со своими поместьями, было поверстано 83 сына боярских. С эти верстанием, а также Смутным временем, привычный порядок несения сторожевой службы архиерейскими детьми боярскими был нарушен. Первоначально, архиепископ Феодорит пытался вернуть поверстанных обратно в архиерейский дом. Осенью 1605 года новый царь Лжедмитрий I издал указ о возвращении взятых ранее детей боярских обратно рязанскому архиепископу, вместе с поместьями, с которых они служили [46, с. 262]. Распоряжение не было выполнено и в 1609 году архиепископ Феодорит бил челом о возвращении детей боярских уже царю Василию Шуйскому. В столбце Поместного приказа, которые еще не введен в научный оборот содержится документ, представляющий собой запись о выданной Василием Шуйским в 1609-1610 году памяти архиепископу Феодориту. В памяти содержался указ о возвращении детей боярских, которые «взяты были у прежнего архиепископа в нашу службу» с поместьями обратно архиепископу Феодориту³ [46, с. 262]. Документ содержал список грамоты о возвращении детей боярских, выданной Лжедмитрием I, однако самой грамоты в тексте нет. Этот указ также не был выполнен, так как в 1638 году архиепископ Моисей также упоминал о том, что дети боярские «с тех мест и по се время... государеву службу служат»⁴.

Верстание детей боярских в селе Князево Займище произошло не ранее 1610 года, но позднее 1615 года. Об этом говорят данные дозорной книги Рязского уезда 1614-15 гг., которая сообщает, что селе Князево Займище уже «живут месечные дети боярские»⁵, не сообщая при этом их количество. Архиепископ Моисей писал, о том, что верстание произошло по указу царя Михаила Федоровича, что позволяет сузить время появления детей боярских в Князево периодом 1613-1614 гг. А.А. Новосельский сообщал, что в период татарских набегов в 1615 году помимо трех основных полков в Туле, Мценске и Новосиле был поставлен особый полк в Рязани [26, с. 77]. Верстание в Князево подтверждает предположение, высказанное Н.Н. Петрухинцевым о том, что сторожевая и пограничная служба была восстановлена уже к 1616 году [28, с. 84]. Князево Займище было выбрано местом, в котором происходило верстание не случайно, так как оно ближе других архиерейских вотчин находилось к местам, где ранее располагались зона ответственности архиерейских сторожей. Таким образом, верстание детей боярских

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 10. Д.30. Л. 456-457.

² РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Ч. 1. Д. 170. Л. 301.

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 74. №2668/19537.

⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Д. 30. Л. 456, 463-467 об.

⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 13328. Л. 587.

в Князеве Займище стало частью восстановления оборонительной системы, разрушенной во времена Смуты, которое происходило в условиях непрекращающихся нападений крымских татар.

В июне 1618 года, в Князево были присланы выборщики от данковского воеводы Алексея Чубарова с целью «взятия» детей боярских в Данков «в осаду» [43, с. 49]. По всей видимости, таким образом воевода решил усилить гарнизон города перед ожидавшимся нападением казаков гетмана Сагайдачного во время московского похода королевича Владислава. Вполне возможно, что архиерейские дети боярские приняли участие в переводе местных жителей в город Михайлов и в отходе части служилых людей из Данкова к Пронску, в результате которого они были разгромлены казаками [34, с. 91].

Социальное происхождение детей боярских в Князево сообщает в своей челобитной 1638 года архиепископ Моисей, по словам которого, «дети боярские устроены из тех домовых вотчинных тяглых крестьян» для оберегания от татарского прихода. Теперь вместо тягла новоиспеченные дети боярские должны были платить оброк, составлявший четь пшеницы и ведро вина с каждого человека¹. Оброчные дети боярские существовали и в других архиерейских домах. Так, А.В. Матисон отмечает, что в тверском архиерейском доме оброчные дети боярские платили оброк в домовую казну за пользование землей [20, с. 32]. В случае князевских архиерейских детей боярских оброк вводился в качестве замены тягла, которое они несли, будучи еще крестьянами. Помимо этих детей боярских в источниках более не встречается информация об использовании оброка в отношении других детей боярских рязанского архиерея.

Архиерейские оброчные дети боярские имели двойственный статус. С одной стороны, они официально находились на государственной сторожевой службе. С другой, они не переставали именоваться в официальных документах архиерейскими детьми боярскими. Одной из их обязанностей было подчинение во всем архиереям, а также они были им подсудны – «во всяких делах мои приказные люди их судили»². По всей видимости статус оброчных детей боярских был несколько ниже статуса других архиерейских детей боярских. В частности, об этом может говорить тот факт, что несмотря на сообщение архиепископа Моисея об «испомещении» детей боярских в Князевом Займище, он же пишет о том, что с них были взяты поручные записи о том, чтобы им в твою государеву службу не переписываться», а также не переписывать у писцов в Поместном приказе старинную домовую землю себе в поместье³. Вполне возможно, что земля, данная оброчным детям боярским в Князевом Займище не рассматривалась архиепископом в качестве поместной для них земли. Впрочем, писцовая книга не оговаривает размер выделенной князевским детям боярским земли и перечисляет лишь дворы в Князеве Займище, в которых они проживали. С верстанием детей боярских, архиерейский дом лишался не только крестьян, плативших ему тягло, но и земли, поэтому, взамен, качестве компенсации на детей боярских был наложен натуральных оброк, который они были обязаны платить в домовую казну. Оброк мог восприниматься также в качестве платы за пользование выделенной для детей боярских земель, как это было, например, в тверском архиерейском доме.

На момент верстания крестьян в дети боярские их численный состав не превышал 24 человек, о чем сообщает архиепископ Моисей⁴. Это количество не было постоянным и в течение всего периода существования архиерейских оброчных детей боярских претерпевало изменения. Писцовая книга Рязского уезда 1628-29 гг. содержит описание архиерейской вотчины села Князево «Владычня тож», в которой перечисляет дворовые владения «домовых Пречистые Богородицы и борисоглебских архиепископских сторожевых месячных детей боярских»⁵. Писцовая книга сообщает имена 44 детей боярских, принадлежавших в 24 фамилиям, которые в кон-

¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Ч. 1. Д. 170. Л. 301.

² Там же. Л. 301.

³ Там же. Л. 301-302.

⁴ Там же. Л. 301.

⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 13329. Л. 741 об.

це 1620-х гг. встречаются только в этой вотчине рязанского владыки: Мелентий Власов с. Жихарев, Абрам Гаврилов с. Кириллов, Богдан Антонов и три его брата Агей, Родион и Яков Антоновы, Сава Кириянов, Курдук Федоров с. Коростелев, Филипп Иванов с. Больходин, Ромашко Филиппов с. Больходин, Федоско Филиппов с. Больходин, бобыль Ивашко Горбун, Улан Иванов с. Шанин, Григорий Семенов с. Бахолдин, Тихонко Григорьев с. Бахолдин, Кондратий Андреев с. Игумнов, Василий Микифоров с. Кокоря, Дмитрий Петров с. Яншин, Самохо Терентьев с. Косякин, Нестер Леонтьев с. Старынин, Андрюшка Трофимов с. Смагин и его брат Гришка Трофимов с. Смагин, Игнашко Максимов, Стенка Максимов, Ивашка Максимов, Василий Степанов с. Попов и его брат Устинка Степанов с. Попов, Томилко Дементьев с. Жабин и его брат Сидорко Дементьев с. Жабин, Первый Васильев с. Попов, Тимофей Андреев, Ждан Емельянов с. Грудцын, Клементий Ларионов с. Ссадчик, Орех Ларионов с. Ссадчиков, Гаврилка Орехов с. Ссадчиков, Потап Максимов с. Жабин, Стенка Потапов с. Жабин, Парамон Артемьев с. Мясоедов и его брат Карпик Артемьев с. Мясоедов, Федор Федоров с. Рыжков, Терентий Романов с. Коростелев, Иван Михайлов с. Савин и его брат Савка Михайлов с. Савин¹.

Некоторые из этих фамилий встречаются среди крестьян во всей рязанской вотчине рязанского архиерейского дома. Так в Князевом Займище в конце 1620-х гг. проживал Осип Коростелев², и бобыль Митька Рыжков³, в деревне Топилы, которая относилась к архиерейской вотчине и располагалась рядом с селом Князевом Займищем записан крестьянин Василий Афанасьев с. Жихарев и два его сына Федька и Ефремка⁴, в деревне Петрушиной, проживали крестьяне Гришка Васильев с. Мясоедов и Корнилко Васильев с. Мясоедов⁵, в деревне Кручи проживал крестьянин Митька Савин⁶. Вероятно, верстание детей боярских при архиепископе Феодорите происходило со всей владычной вотчинной земли, а не только из одного села Князево Займище.

Среди прочих, можно выделить детей боярских Ссадчиковых, происходивших от Лариона Ссадчика. Из трех детей боярских только Клементий Ларионов был записан с фамилией Ссадчик. Его брат Орех Ларионов и племянник Гаврилка Орехов записаны с фамилией Ссадчиков⁷. Слово «ссадчик» обозначает человека, занимавшегося созданием поселения на новом месте и подбирает для него крестьян из различных мест [45, с. 162]. Скорее всего, отец Клементия и Ореха – Ларион был одним из таких ссадчиков, которые занимались устройством нового села Князево Займище. Учитывая тот факт, что это село появилось после составления Писцовой книги 1594-97 гг., вполне вероятно, что после выполнения работ по устройству нового села, Ларион также стал крестьянином в Князевом Займище и был либо сам поверстан в дети боярские архиепископом Феодоритом, либо поверстаны были уже его дети. При этом род детей боярских получил свою фамилию по той деятельности, которую мог ранее осуществлять Ларион. Однако, в Писцовой книге 1628-29 гг. сам Ларион Ссадчик не отмечен, что может говорить о том, что к моменту составления писцовой записи он уже выбыл со с архиерейской службы, на которой оставались его дети Клементий и Орех.

На протяжении всех 1620-1640 – х гг. князевские архиерейские дети боярские, как их предшественники в XVI веке, продолжали нести службу в Данкове, Дедилове и на Ельце, которые являлись центрами съезжих сторож⁸ и располагались примерно на одной линии. Отмечая особенности сторожевой службы «на поле» В.П. Загоровский писал, что уже в XVI веке стал чувствоваться принципиальный недостаток сторожевой службы, которая предназначалась не

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 13329.. Л. 741-743.

² Там же. Л. 743 об.

³ Там же. Л. 744.

⁴ Там же. Л. 744 об.

⁵ Там же. Л. 748.

⁶ Там же. Л. 750.

⁷ Там же. Л. 743.

⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Ч. 1. Д. 170. Л. 297.

для отражения ударов, а для предупреждения о движении врага. В 20-е гг. XVII века повышается роль городов в организации сторожевой службы. Сторожи теперь окружают города и уезды, не выстраиваясь сплошной линией поперек степи и татарских дорог [10, с. 60-64]. В 1632-1633 гг. во время Смоленской войны крымские татары совершили очередной набег, подвергнув разорению южные рубежи Русского царства. Этот набег вызвал массовое дезертирство из войск М.Б. Шеина, стоявших в тот момент под Смоленском, повлияло на поражение русских войск. После окончания Смоленской войны правительство вновь сочло необходимым на восстановление и расширение системы обороны южного рубежа [50, р. 36]. В.П. Загоровский считает, что строительство Козлова можно считать началом строительства всей Белгородской черты и первым этапом в ее развитии, охватившим период с 1635 по 1636 гг. [10, с. 70-73]. Еще в 1638 году архиерейские дети боярские несли сторожевую службу¹. По мере развития Белгородской черты и движения границы Русского царства на юг, к 1640-м гг. сторожи в Данкове, Дедилове и «иных Елецких местах» были сведены, потому что «те сторожи стали за городами»². Лишившись службы дети боярские должны были вернуться в состав архиерейского двора. Впрочем, возвращаться они не хотели.

Двадцатого июня 1648 года архиерейские дети боярские били челом царю Алексею Михайловичу, чтобы он велел их отставить от сторожевой службы и разрешил служить вместе с рязжскими детьми боярскими полковую службу³, обосновывая свой отказ сведением сторож. Указ царя Алексея Михайловича был дан спустя всего четыре дня после челобитной и отправлен Рязжскому воеводе князю П.И. Волконскому⁴. Отныне уже бывшие архиерейские дети боярские должны были служить службу в недавно построенном городе Козлове вместе с рязжскими детьми боярскими.

Архиепископ Моисей узнал об этой челобитной уже после вынесенного царем решения. 12 августа 1648 года он подал свою челобитную, обвиняя детей боярских в том, что они приписали к себе в службу шесть человек, не «похотели быть в дому Пречистые Богородицы», и «умыслили» завладеть домовою вотчинной землей и не поставили в известность самого архиепископа о намерении уйти с его службы. В завершении челобитной архиепископ Моисей просил, чтобы государь велел тем детям боярским продолжать платить оброк в домовую казну и быть ему «во всем послушным»⁵. Эта просьба, осталась без ответа и тогда архиепископ Моисей, решил действовать не только посредством челобитных. В августе 1648 года, он отправил в село своих детей боярских во главе с Леонтием Бириним, которые насильно взяли с князевских детей боярских поручные записи в том, чтобы им оставаться в селе Владычня снова в крестьянском статусе «и в налогах бы им на них детям боярским не бить челом». Сбор поручных записей проходил с применением насилия – «а иных товарищей села Владычня помещиков перебили», а сына боярского Ваську Михайлова отвели в Переславль Рязанский, где посадили в железа «неведомо в каких делах»⁶.

Проведенная владыкой акция не осталась без ответа. Князевские дети боярские, подали не дошедшую до нас челобитную царю. В сохранившемся ответе рязжскому воеводе П.И. Волконскому, было поручено оберегать князевских детей боярских, если впредь архиерейские дети боярские «учнут какие обиды и насильства чинить». П.И. Волконскому необходимо было написать архиепископу Моисею, чтобы впредь подобная ситуация не повторялась, а также потребовать освобождения Васьки Михайлова. В случае, если он был в чем-то виновен, то на нем необходимо было «искать судом»⁷. Царский ответ носит очень показательный характер. В то

¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Ч. 1. Д. 170. Л. 301; РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Д. 30. Л. 463.

² РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Ч. 1. Д. 170. Л. 297.

³ Там же. Л. 304.

⁴ Там же. Л. 297.

⁵ Там же. Л. 302.

⁶ Там же. Л. 299.

⁷ Там же. Л. 300.

время как архиепископ Моисей продолжал считать князевских детей боярских своими, а значит, имел право проводить в их отношении любые меры, в Москве уже воспринимали их как государевых слуг, в отношении которых распространялась государева воля. Важным здесь является вопрос судебной юрисдикции над Васькой Михайловым. При верстании детей боярских на сторожевую службу, судебные функции в отношении князевских детей боярских были у рязанского архиерейского дома¹. После указа о разрешении им служить с ряжскими детьми боярскими в Козлове, рязанский архиерей потерял свою власть над ними, в том числе и судебную. В случае с Васькой Михайловым имелся ввиду не архиерейский, а светский суд. Возможно, посылка архиепископом Моисеем своих детей боярских в село Князево Займище для «насильства» произошло после того, как он отправил челобитную на имя царя 12 августа 1648 года. При этом события развивались стремительно и до конца августа князевские дети боярские успели пожаловаться на действия архиепископа, а царь вынести решение в их пользу.

Нежелание князевских детей боярских возвращаться на службу к рязанскому архиерею было вызвано их опасениями, что после ликвидации сторожевой службы, благодаря которой состоялось их верстание, они могут быть лишены своего статуса и возвращены обратно в крестьянское состояние. К тому же после государственной сторожевой службы возвращение на архиерейскую службу могло рассматриваться ими и как понижение в социальном статусе, даже при учете того, что они не будут возвращены обратно в крестьяне. После сведения сторож рязанский владыка был тем человеком, который имел право принимать решения в отношении князевских детей боярских. Именно поэтому они предпочли напрямую обратиться к царю с просьбой продолжения государственной службы в Козлове.

Ю.А. Мизис отмечает, что строительство новых городов на южной границе государства создавало определенные трудности с комплектованием гарнизонов [21, с. 48]. Д.А. Ляпин выделяет три требования, которые предъявлялись правительством к тем людям, которые хотели поступить на службу в новопостроенные города. Во-первых, прежде всего нужно было набирать «от отцов дети и братья и племянники и которые наперед сего в городах в службе были». Во-вторых, запрещалось брать тех, кто уже служит, и, возможно, получает жалованье в другом городе. В-третьих, не набирать на службу боярских холопов и крестьян. Автор отмечает, что ни одно из этих требований так и не было выполнено [18, с. 79-80]. Как показывает случай с князевскими детьми боярскими, эти требования могли работать по отдельности, и дети боярские как раз подходили к первому правительственному требованию, как люди, имевшие военный опыт сторожевой службы. Правительство намеревалось быстрыми темпами увеличить число служилого населения Козловского уезда и помешать этому не могло проникновение в число помещиков бывших «вольных людей», служилых людей по прибору, крестьян и холопов [18, с. 80-81]. Ю.А. Мизис отмечает, что правительству приходилось сдерживать аппетиты дворянства в отношении беглых людей, так как они были необходимы для освоения и защиты новых территорий [22, с. 44-45]. В условиях, когда перед государством стояла военная необходимость скорейшего освоения новых территорий и защиты южных рубежей Русского царства от татарских набегов могли игнорироваться интересы не только отелных помещиков, но, судя по всему, и архиерейских домов.

После перехода на государственную службу остро встал вопрос о вотчинной земле, с которой служили дети боярские и которой, спустя три года после верстания, они продолжали пользоваться. Процесс возвращения земли был инициирован архиепископом Моисеем. Царский указ о разбирательстве по челобитной архиепископа, был отдан 17 октября 1650 года. В Козлов к писцу князю Даниле Несвицкому, вместе с приказным человеком рязанского архиепископа Львом Тереховым от царя была послана грамота. Даниле Несвицкому было велено дать очную ставку и досмотреть крепости и выписи из писцовых книг о владении той вотчинной земли, а также провести межевание и испоместил детей боярских на порозжих землях за архиерейской

¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Ч. 1. Д. 170. Л. 301.

землей¹. В ходе проведения очной ставки принадлежность архиерейской земли была подтверждена. Впрочем, Данила Несвицкий не смог выполнить главного поручения – испоместить князевских детей боярских на пустых землях, которых он не смог найти нигде, кроме «твоих государь ближних сел». Дальнейший процесс был прерван смертью архиепископа Моисея, которая последовала 15 февраля 1651 года.

Новый архиепископ Мисаил снова подал челобитную, в которой сообщал, что бывшие архиерейские дети боярские продолжают владеть вотчинной землей «и по ся места», не слушая прежнего царского решения². В ходе проведенного расследования было установлено, что вотчинная земля отдана прежним архиепископам по указам царя Федора Ивановича и Михаила Федоровича, а поэтому и детям боярским «Филимонку Жабину с товарищи» на архиерейской земле жить «не доведетца». Козловским писцам князю Д.М. Несвицкому и Осипу Трофимову предписывал свести детей боярских из села Князево и испоместить в Козловском уезде на пустых землях «где доведется» и выдать денежный оклад «на дворовое строенье». На новых дачах строиться нужно было «в два или в три года», потому что в Козлове мало земли и испоместить детей боярских вскоре «не умет». После выделения поместий для князевских детей боярских им было необходимо «дворовое их стороенье и всякие хоромы» сводить с архиерейской земли на новые дачи. Для тех, кто не захочет сводить свое имущество с архиерейской земли, было разрешено продавать его крестьянам, архиерейским или сторонним людям. До момента получения поместья в Козловском уезде дети боярские имели право жить на архиерейской земле на своих старых жеребьях и пахать пашни³. Воеводе И. Алферьеву 25 октября 1651 года было приказано сообщить детям боярским о царском решении, а также отписать к царю о том, где будут учинены земельные дачи⁴.

Таким образом, после проведения розыска и оформления царского указа, переход князевских детей на государеву службу был официально закреплён, а их поместная земля передавалась обратно в распоряжение архиерейского дома, однако, дети боярские могли пользоваться ей до момента получения поместья в Козловском уезде. Примечательно, что осуществив свой переход с архиерейской на государеву службу еще в 1648 году, во время проведения розыска в 1651 году, прямо перед изданием царского указа об их верстании в Козловском уезде, в челобитной от козловского воеводы И.А. Алферьева, дети боярские продолжали именоваться «детьми боярскими рязанского архиепископа села Владычни»⁵.

В процессе развития группы князевских детей боярских, их количество увеличивалось. На архиерейскую службу по данным архиепископа Моисея из крестьян было поверстано 24 человека. В конце 1620-х гг. согласно Писцовой книге 1628-29 гг. их число составляло 44 человека. Вероятно, увеличение численности, связано с разрушительным приходом гетмана Сагайдачного. Система обороны южных рубежей, частично восстановленная в 1614-1617 гг. после событий 1618 г. подверглась новой дестабилизации [28, с. 88] и, возможно, число детей боярских, которые исполняли бы сторожевые функции, пришлось увеличить в ходе повторного восстановления. Вероятно, что в 1648 году, о принятии на государеву службу били челом Филимонка Жабин и Уланка Шанин «с товарищи», после чего последовал указ о переписи «тридцати человек»⁶. Тридцать же человек били челом о наезде на князевских детей боярских архиерейского приказного человека Леонтия Бирина⁷. Однако, спустя три года в указе об испомещении бывших архиерейских детей боярских от 23 октября 1651 года их число возрастает до

¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Ч. 1. Д. 190. Л. 131-132.

² Там же. Л. 131.

³ Там же. Л. 149-151.

⁴ Там же. Л. 153-154.

⁵ Там же. Л. 155.

⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Ч. 1. Д. 170. Л. 302.

⁷ Там же. Л. 299.

52 человек¹. Вместе с детьми боярскими на службу в Козлов записывались и их родственники, продолжавшие оставаться архиерейскими крестьянами. Так, Филимонка Жабин и Уланка Шанин приписали к себе в службу шесть человек своих братьев². Кроме них в дети боярские записались крестьяне Марчко Ссадчиков, Иван Агеев, Лунка Старынин и Васька Силин³. В ситуации, когда владычные дети боярские записывались на государеву службу, домовые крестьяне из числа их родственников и сами не захотели оставаться в этом статусе опасаясь последствий со стороны архиерея за уход их родственников. Также вероятно, что «приписывание» на государеву службу вместе с собой своих родственников из крестьян было обусловлено семейными чувствами князевских детей боярских. Вполне возможно, что имело место желание повысить не только свой служебный статус, но и статус представителей своей фамилии, пусть даже они не находились официально в статусе архиерейских детей боярских. Подобная запись не была первой для архиерейских крестьян. В апреле 1628 года из деревни Петрушиной, сбежали владычные крестьяне Куприян и Провотор Яковлевы дети Фефиловы вместе «с матерью, з женами и детьми и со всеми животы» и записались в сторожевые казаки города Данкова. Проведенный по делу сыск закончился не так удачно, и они были возвращены в архиерейскую вотчину⁴ [34, с. 94].

Из 52 князевских детей боярских принятых на государеву службу по Козлову известны имена всего 9 человек – Филимона Жабина⁵, Улана Шанина⁶, Абрама Попова⁷, Василия Михайлова⁸, Марчки Ссадчикова, Ивашки Агеева, Лунки Старынина, Василия Силина⁹, Федосея Бахолдина¹⁰, Уланка Жабина¹¹ и Петра Иванова¹². Вероятно, Улан Жабин не существовал на самом деле, а его имя является ошибкой составителя документа, который совместил имена двух детей боярских - Филимона Жабина и Улана Шанина. Существование Петра Иванова не вызывает сомнения, однако, его принадлежность к князевским детям боярским в документах не прослеживается. Оба раза он упоминается в статусе козловского сына боярского в то время как князевские дети боярские во время следствия по делу продолжали именоваться владычными.

Одним из лидеров князевских детей боярских во время судебных разбирательств выступал Филимон Жабин, упомянутый в текстах документов 32 раза, Улан Шанин и Абрам Попов, упомянутые 6 и 3 раза соответственно. Из девяти известных фамилий князевских детей боярских в конце 1640-начале 1650-х гг. шесть встречаются в Писцовой книге 1628-29 гг. Улан Шанин единственный из известных в конце 1640- начале 1650 гг. князевский сын боярский, который упоминается еще в Писцовой книге 1628-29 гг., что вполне может объяснить почему он наряду с Филимоном Жабиным и Абрамом Поповым выступает в качестве представителя всех князевских детей боярских.

В Писцовой книге 1628-29 гг. упомянуты пять представителей детей боярских Бахолдиных – Филипп Иванов и два его сына Ромашка и Федоско, Григорий Семеной и его сын Тихонко Григорьев. Федосей Бахолдин, таким образом, был сыном Филиппа Бахолдина. В 1651 году Федосей Бахолдин вместе с другими князевскими детьми боярскими оказался на государственной службе в Козлове и упоминается уже в качестве козловского сына боярского, а не владычного.

¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Ч. 1. Д. 190. Л. 130.

² Там же. Л. 130.

³ Там же. Л. 130.

⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Ч. 1. Д. 16. Л. 29-34, 169, 179, 220-238.

⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Ч. 1. Д. 170. Л. 297, 299, 302, 304; РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Ч. 1. Д. 190. Л. 132-134, 146-154.

⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Ч. 1. Д. 170. Л. 297, 302, 304.

⁷ Там же. Л. 297, 299, 304.

⁸ Там же. Л. 299-300.

⁹ Там же. Л. 302, 307.

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Ч. 1. Д. 190. Л. 133.

¹¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Ч. 1. Д. 170. Л. 307.

¹² РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Ч. 1. Д. 190. Л. 148, 153.

В 1651 году он вместе «с товарищи» представил перед писцом Данилой Несвицким и Осипом Трофимовым свозную грамоту о наделении земель в Козловском уезде перешедших на государеву службу князевских детей боярских¹. Однако, спустя 14 лет, в октябре 1665 года, он был упомянут снова в статусе архиерейского сына боярского, который вместе с приставом Ипатом Федоровым был послан с наказной памятью для привода людей в Судный приказ рязанского архиерейского дома [11, с. 134-135]. Этот факт может свидетельствовать о том, что не все князевские дети боярские окончательно перешли на государеву службу в Козлов, и некоторые из них могли вернуться обратно на службу к рязанскому архиерею. Надо полагать, что из-за того, что процесс наделения князевских детей боярских земель в Козловском уезде был растянут на три года, рязанский архиепископ успел предпринять шаги по их возвращению. Возможен и вариант, когда оставшиеся без архиерейской земли и не наделенные землей в Козловском уезде некоторые из детей боярских сами могли попроситься обратно на службу к рязанскому владыке на условиях сохранения своего служебного статуса. Так в 1660-1670-х гг. на службе у рязанского архиерея находился Анкидин Бахолдин [12, с. 375-376; 13, с. 514-515], происходивший из рода князевских детей боярских Бахолдиных.

4. Заключение

Таким образом, верстание архиерейских детей боярских в селе Князево Займище было вызвано необходимостью участия рязанского архиерейского дома в охране границы и исполнении сторожевой службы на случай прихода крымских татар на реках Тальце и иных «Елецких местах», а также в Дедилове, Епифани и Данкове. Эту службу рязанские архиерейские дети боярские исполняли на протяжении второй половины XVI в. до момента, когда верстание на государеву службу архиерейских детей боярских в 1604 году и Смутное время не нарушили этот механизм. Архиепископ Феодорит предпринимал безрезультатные попытки вернуть детей боярских обратно в состав архиерейского дома. Верстание детей боярских в архиерейской вотчине произошло по указу царя Михаила Федоровича в 1613-1614 гг. из крестьян рязанской димовой вотчины рязанских владык, которые были наделены димовой архиерейской землей и взамен тягла, которое они платили, на них был возложен натуральный оброк. Князевские дети боярские имели двойственный статус – с одной стороны, они находились на государственной службе, а с другой стороны, источники говорят о том, что их судебная юрисдикция принадлежала рязанскому архиепископу, и документы называли их архиерейскими детьми боярскими. С развитием Белгородской черты и движения границы Русского государства на юг, к 1640-м гг. сторожи, на которых служили князевские дети боярские были сведены. В сложившейся ситуации детьми боярскими было принято решение перейти на государеву службу, при этом записав с собой в службу своих родственников, которые не являлись детьми боярскими и продолжали находиться в статусе архиерейских крестьян. Правительство было заинтересовано в скорейшем освоении новых территории, поэтому в возникшем споре между рязанским архиерейским домом и князевскими детьми боярскими заняло сторону последних. По указу детям боярским предписывалось забрать свое или продавать свое имущество и уходить в Козловский уезд, чтобы служить там вместе с козловскими детьми боярскими. После перехода, из-за малого количества земли, был назначен трехлетний срок, в которых предполагалось поверстать князевских детей боярских поместной землей в Козловском уезде. Растянувшийся на три года процесс наделения землей вполне возможно, устроил не всех, и некоторые дети боярские, могли возвратиться обратно на службу к рязанскому архиепископу на условиях сохранения своего служебного статуса. Так, например, мог поступить Федосей Бахолдин, служивший рязанскому архиепископу как минимум до середины 1660-х гг. Существование особой группы князевских детей боярских внутри рязанского архиерейского дома, а также их переход на государеву службу показывает, что Русское государство во второй половине XVI-начале XVII вв. использовало все доступные ресурсы для организации обороны на южных рубежах.

¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Ч. 1. Д. 190. Л. 133.

Список источников и литературы

1. *Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук.* (1890). Т. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук. 767 с.
2. Башнин, Н. В. (2020). *Вологодский архиерейский дом Святой Софии накануне церковной реформы Петра I* // *Historia Provinciae. Журнал региональной истории.* Т. 4. № 1. С. 69–115.
3. Бусарев, И. А. (2025). *Состав детей боярских и приказных служителей Рязанского архиерейского дома 1620–1630-х годов (по материалам Расходной книги архиепископа Антония 1634 года)* // *Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.* № 3 (88). С. 7–16.
4. Верюжский, В. М. (1900). *Архиерейский дом при первом Холмогорском архиепископе Афанасии.* Архангельск: Типолитография наследников Д. Горайнова. 48 с.
5. Верюжский, В. М. (1908). *Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще Русской церкви в конце XVII века.* СПб.: Типография И.В. Леонтьева. 683 с.
6. Виденеева, А. Е. (2004). *Ростовский архиерейский дом и система епархиального управления в России XVIII века.* М.: Наука. 432 с.
7. Гневашев, Д. Е. (2001). *Двор Вологодского архиепископа в XVII в.* // Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований: материалы межрегиональной научной конференции. Вып. 7. Вологда: Историческое краеведение и архивы. С. 139–149.
8. Греков, Б. Д. (1914). *Новгородский Дом святой Софии (Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины).* Ч. 1. СПб.: Типография М. А. Александрова. 544 с.
9. Григоров, А. И. (2010). *Десятью Рязанского Архиерея детей боярских верстаня новичнаго окладу 7112 году* // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению.* Т. 24. Рязань: Издательство Рязанского областного института развития образования. С. 86–107.
10. Загоровский, В. П. (1969). *Белгородская черта.* Воронеж: Издательство Воронежского университета. 304 с.
11. *Запись о допросе по делу о молитвовании елецкого сына боярского Григория Никитина с. Голевского (Гулевского) с ельчанкой Натальей Акимовской женой Нестерова «от жива мужа», и о взыскании пенных денег и запрете в священстве дмитриевского попа Никифора с. Рогатого Елецкого уезда* // *Частная жизнь в России XVII века. Записные книги Духовного приказа Рязанского митрополичьего дома 1660-1680-х годов / под общей редакцией В.Н. Козлякова.* СПб.: Наука. 2023. С. 134-135.
12. *Запись об удовлетворении иска по челобитной покровского попа с. Жерновска Каширского у. Захария на дьячка той же церкви Петра Иванова об увечье* // *Частная жизнь в России XVII века. Записные книги Духовного приказа Рязанского митрополичьего дома 1660-1680-х годов / под общей редакцией В.Н. Козлякова.* СПб.: Наука. 2023. С. 375-376.
13. *Запись о посылке грамоты к тамбовскому воеводе Петру Авраамовичу Большому Лопухину о насильственных действиях старосты с. Чоркина Тамбовского у. Григория Коробова, поддержавшего вдову Татьяну Прокофьеву, отказавшуюся от свадьбы с бестяглым крестьянином Фомой Федотовым, и о высылке их для разбирательства дела о нарушении брачного сговора в Духовный приказ* // *Записные книги Духовного приказа Рязанского митрополичьего дома 1660-1680-х годов / под общей редакцией В.Н. Козлякова.* СПб.: Наука. 2023. С. 514-515.
14. Каптерев, Н. Ф. (1874). *Светские чиновники в Древней Руси.* М.: Типография «Современные известия». 239 с.

15. Комолова, Э. В. (2007). *Воронежская епархия в конце XVII–XVIII вв.: образование, церковная организация, социально-политические отношения*. Воронеж: Издательский Дом Алейниковых. 285 с.
16. Лохвицкий, А. В. (1857). *Очерки церковной администрации в древней России* // Русский вестник. Т. 7. Кн. 2. С. 209–272.
17. Люткина, Е. Ю. (1991). *Десятилетия детей боярских рязанского архиепископа 1604 года* // Реализм исторического мышления. Проблемы Отечественной истории периода феодализма. М.: МГИАИ. С. 157–158.
18. Ляпин, Д. А. (2018). *Служилая корпорация детей боярских Козловского уезда в 1637 - 1651 гг.* // Белгородская черта. Вып. 3. Белгород: Константа: Издательство Сичкаревой. С. 78–82.
19. Матисон, А. В. (2021). *Архиерейские дворяне, дети боярские и приказные служители в XVII–XVIII веках (Тверской архиерейский дом, 1675–1764 гг.)*. М.: Старая Басманная. 344 с.
20. Матисон, А. В. (2021). *Архиерейские «поместные» и «оброчные» дети боярские Тверской епархии XVII–XVIII вв.* // Российская история. № 2. С. 28–40.
21. Мизис, Ю. А. (1990). *Заселение Тамбовского края в XVII–XVIII веках*. Тамбов: Тамбовский государственный педагогический институт. 105 с.
22. Мизис, Ю. А. (2015). *Поиски беглецов на южной границе России в 30–40-х гг. XVII в. (на примере Козловского уезда)* // Вестник ТГУ. Т. 20. Вып. 10. С. 37–46.
23. Мельник, А. Г. (1990). *Ростовский митрополичий двор в XVII в.* // Сообщения Ростовского музея. Вып. 1. Ростов. С. 132–144.
24. Никитин, А. О. (2004). *Список владычных детей боярских 100 (1591/92) года: Опыт реконструкции* // Третьи Яхонтовские чтения. Рязань: Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник. С. 81–90.
25. Никулин, И. А. (2014). *Структура Тобольского архиерейского дома в 90-е годы XVII в.* // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 2 (8). С. 120–138.
26. Новосельский, А. А. (1948). *Борьба московского государства с татарами в первой половине XVII века*. М. - Л.: Издательство Академии Наук СССР. 452 с.
27. Перов, И. Ф. (1882). *Епархиальные учреждения в Русской Церкви в XVI и XVII веках (историко-канонический очерк)*. Рязань: в Губернской типографии. 210 с.
28. Петрухинцев, Н. Н. (2025). *Проблема восстановления системы обороны южных городов после Смуты* // История: факты и символы. № 3 (44). С. 81–99.
29. *Писцовые книги Рязанского края. XVI век. (1898)*. Рязань: издание Рязанской ученой архивной комиссии. Т. 1. Вып. 1. 416 с.
30. Покровский, И. М. (1906). *Казанский архиерейский дом, его средства и штаты, преимущественно до 1764 года*. Казань: Центральная типография. 803 с.
31. Покровский, И. М. (1897). *Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы: Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования*. Т. 1. Казань. Центральная типография. 602 с.
32. Покровский, И. М. (1907). *Средства и штаты великорусских архиерейских домов со времени Петра I-го до учреждения духовных штатов в 1764 г.* Казань: типолитография Императорского университета. 140 с.
33. Проходцов, И. И. (1902). *Рязанский Богородицкий Архиерейский дом* // Рязанские епархиальные ведомости. № 15. С. 428–433; № 18. С. 546–550; № 19. С. 573–579; № 20. С. 601–606; № 21. С. 632–636.
34. Ракитин, А. С. (2012). *Сторожевые казаки города Данков после "черкасского разорения" (1618 - 1650-е годы)* // Война и оружие: новые исследования и материалы. Ч.3. СПб. С. 88–97.

35. *Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеоронимом / с примечаниями И. Добролюбова.* (1889). Рязань: издание Рязанской ученой архивной комиссии. 129 с.
36. Савосичев, А. Ю., Кузьмина, О. Ю. (2009). *Рязанский архиепископский двор середины XVI в.* // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и Социальные науки». № 1. С. 123–129.
37. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* (2006). Вып. 27. (Спась-Старицынь). М.: Наука, С.162.
38. Сметанина, С. И. (2000). *Вотчинные архивы Рязанских духовных корпораций XIII – начала XVII века* // Русский дипломатарий. Вып. 6. М.: Памятники исторической мысли. С. 247–290.
39. Устинова, И. А. (2014). *Служебная биография архиерейского дьяка Данилы Игнатьева: к вопросу о светском элементе в русском церковном управлении XVII в.* // Труды Института российской истории РАН. Вып. 12. С. 83–92.
40. Харина, Н. С. (2012). *Состав служителей Тобольского архиерейского дома в XVIII в. (до 1768)* // Северные рубежи истории: материалы межвузовской научной конференции с международным участием, посвященной 10-летию исторического факультета Сургутского государственного университета. Екатеринбург: Издательство АМБ. С. 162–167.
41. Черкасова, М. С. (2017). *Великоустюжский архиерейский дом: открытие и начальный этап деятельности (1682–1700 гг.)* // Вестник церковной истории. № 1-2 (45-46). С. 193–271.
42. Davies, B. L. (2004). *State Power and Community in Early Modern Russia: The Case of Kozlov, 1635-1649.* New York: Palgrave Macmillan. 308 p.

References

1. *Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannye Imperatorskoi Akademiei nauk* [Acts of the Moscow State, published by the Imperial Academy of Sciences]. Т. 1. St. Petersburg.: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1890. (in Russian).
2. Bashnin, N. V. (2020). *Vologodskii arkhieieiskii dom Svyatoi Sofii nakanune tserkovnoi reformy Petra I* [The Vologda Bishop's House of St. Sophia on the Eve of Peter I's Church Reform] in *Historia Provinciae. Zhurnal regional'noi istorii*, 4, 1. DOI 10.23859/2587-8344-2020-4-1-3 (in Russian).
3. Busarev, I. A. (2025). *Sostav detei boyarskikh i prikaznykh sluzhitelei Ryazanskogo arkhieieiskogo doma 1620–1630 - kh godov (po materialam Raskhodnoi knigi arkhiepiskopa Antoniia 1634 goda)* [Composition of boyar scions and administrative servants in Ryazan Archbishopric in the 1620s–1630s (based on materials from Archbishop Anthony's account book for year 1634)] in *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina*, 3 (88). 7–16. DOI 10.37724/RSU.2025.88.3.001 (in Russian).
4. Veryuzhskii, V. M. (1900). *Arkhieieiskii dom pri pervom Kholmogorskom arkhiepiskope Afanasii* [The Bishop's House under the First Archbishop of Kholmogory, Athanasius]. Arkhangelsk, Tipolitografiya naslednikov D. Goryainova. (in Russian).
5. Veryuzhskii, V. M. (1908). *Afanasii, arkhiepiskop Kholmogorskii. Ego zhizn' i trudy v svyazi s istoriei Kholmogorskoii eparkhii za pervyya 20 let eia sushchestvovaniya i voobshche Russkoi tserkvi v kontse XVII veka* [Athanasius, Archbishop of Kholmogory: His Life and Works in Connection with the History of the Kholmogory Diocese during Its First 20 Years and the Russian Church in the Late 17th Century]. St. Petersburg, Tipografiya I. V. Leont'eva. (in Russian).

6. Videneeva, A. E. (2004). *Rostovskii arkhieireiskii dom i sistema eparkhial'nogo upravleniya v Rossii XVIII veka* [The Rostov Bishop's House and the System of Diocesan Administration in Russia in the 18th Century]. Moscow, Nauka. (in Russian).
7. Gnevashev, D. E. (2001). *Dvor Vologodskogo arkhiepiskopa v XVII v.* [The Court of the Archbishop of Vologda in the 17th Century] in *Regional'nye aspekty istoricheskogo puti pravoslaviya: arkhivy, istochniki, metodologiya issledovaniy: materialy mezhregional'noi nauchnoi konferentsii*. Vyp. 7. Vologda: Istoricheskoe kraevedenie i arkhivy, 139–149. (in Russian).
8. Grekov, B. D. (1914). *Novgorodskii Dom svyatoi Sofii (Opyt izucheniya organizatsii i vnutrennikh otnoshenii krupnoi tserkovnoi votchiny)*. Ch. 1. [The Novgorod House of Saint Sophia (A Study of the Organization and Internal Relations of a Major Church Landholding). Part 1]. St. Petersburg, Tipografiya M. A. Aleksandrova. (in Russian).
9. Grigorov, A. I. (2010). *Desyatnya Rezanskogo Arkhiereya detei boyarskikh verstaniya novichnogo okladu 7112 godu* [The Desyatnya of the Ryazan Archpriest for the Enlistment and New Salary Assessment of Boyar Children, Year 7112] in *Materialy i issledovaniya po ryazanskomu kraevedeniyu*. 24. Ryazan', Izdatel'stvo Ryazanskogo oblastnogo instituta razvitiya obrazovaniya, 86–107. (in Russian).
10. Zagorovskii, V. P. (1969). *Belgorodskaya cherta* [The Belgorod Line]. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta. (in Russian).
11. *Zapis' o doprose po delu o molitvovanii elekogo syna boyarskogo Grigoriya Nikitina s. Golevskogo (Gulevskogo) s el'chankoi Natal'ei Akimovskoi zhenoi Nesterova «ot zhiva muzha», i o vyzskanii pennnykh deneg i zaprete v svyaschenstve dmitrievskogo popa Nikifora s. Rogatogo Eleckogo uezda* [Record of the Interrogation in the Case of the Prayer Ritual Performed by Grigorii Nikitin, Boyar's Son from Yelets (s. Golevskii [Gulevskii]), with Nataliia Akimovna, Wife of Nesterov from Yelets, «While Her Husband Was Still Alive», and about the Imposition of a Fine and Prohibition from Priesthood for Pop Nikifor s. Rogatoi of the Yelets Uyezd] in *Chastnaya zhizn' v Rossii XVII veka. Zapisnye knigi Dukhovnogo prikaza Ryazanskogo mitropolich'ego doma 1660–1680 - kh godov / pod obshchei redaktsiei V. N. Kozlyakova*. St. Petersburg, Nauka, 2023, 134–135. (in Russian).
12. *Zapis' ob udovletvorenii iska po chelobitnoi pokrovskogo popa s. Zhernovska Kashirskogo u. Zakhariya na d'yachka toi zhe tserkvi Petra Ivanova ob uvech'e* [Record of the Satisfaction of the Claim Based on the Petition of Pop Zakharii from the Pokrov Church in s. Zhernovsk, Kashira Uyezd, against the Deacon Petr Ivanov of the Same Church for Bodily Injury] in *Chastnaya zhizn' v Rossii XVII veka. Zapisnye knigi Dukhovnogo prikaza Ryazanskogo mitropolich'ego doma 1660–1680 - kh godov / pod obshchei redaktsiei V. N. Kozlyakova*. St. Petersburg, Nauka, 2023, 375–376. (in Russian).
13. *Zapis' o posylke gramoty k tambovskomu voevode Petru Avraamovichu Bol'shому Lopukhinu o nasil'stvennykh deistviyakh starosty s. Chorkina Tambovskogo u. Grigoriya Korobova, podderzhavshego vdovu Tat'yanu Prokof'evu, otkazavshuyusya ot svad'by s bestyaglym krest'yaninom Fomoi Fedotovym, i o vysylke ikh dlya razbiratel'stva dela o narushenii brachnogo sgovora v Dukhovnyi prikaz* [Record of the Dispatch of a Letter to the Tambov Voivode Petr Avraamovich Bolshoi Lopukhin concerning the Forcible Actions of the Village Elder Grigorii Korobov from s. Chorkino, Tambov Uyezd, who Supported the Widow Tatiana Prokofieva, who Refused to Marry the Landless Peasant Foma Fedotov, and about Their Extradition for Adjudication of the Case of Breach of Marriage Bargain to the Spiritual Prikaz] in *Chastnaya zhizn' v Rossii XVII veka. Zapisnye knigi Dukhovnogo prikaza Ryazanskogo mitropolich'ego doma 1660–1680 - kh godov / pod obshchei redaktsiei V. N. Kozlyakova*. St. Petersburg, Nauka, 2023, 514–515. (in Russian).
14. Kapterev, N. F. (1874). *Svetskie chinovniki v Drevnei Rusi* [Secular Officials in Ancient Rus']. Moscow, Tipografiya Sovremennye izvestiya. (in Russian).
15. Komolova, E. V. (2007). *Voronezhskaya eparkhiya v kontse XVII–XVIII vv.: obrazovanie, tserkovnaya organizatsiya, sotsial'no - politicheskie otnosheniya* [The Voronezh Diocese in the Late

17th–18th Centuries: Education, Church Organization, and Socio- Political Relations]. Voronezh, Izdatel'skii Dom Aleinikovykh. (in Russian).

16. Lokhvitskii, A. V. (1857). *Ocherki tserkovnoi administratsii v drevnei Rossii* [Essays on Church Administration in Ancient Rus'] in *Russkii vestnik*. 7, 2, 209–272. (in Russian).

17. Lyutkina, E. Yu. (1991). *Desyatnyia detei boyarskikh ryazanskogo arkhieieya 1604 goda* [The 1604 Decennial List (Desyatnyia) of the Boyar Children in the Service of the Ryazan Archbishop] in *Realizm istoricheskogo myshleniya. Problemy Otechestvennoi istorii perioda feodalizma*. Moscow, MGIAI publ., 157–158. (in Russian).

18. Lyapin, D. A. (2018). *Sluzhilaya korporatsiya detei boyarskikh Kozlovskogo uyezda v 1637–1651 gg.* [The Service Corporation of Boyar Children in Kozlovsky Uyezd, 1637–1651] in *Belgorodskaya cherta*, 3, Belgorod, Konstanta, Izdatel'stvo Sitchkarevoi, 78–82. (in Russian).

19. Matison, A. V. (2021). *Arkhieieiskie dvoryane, deti boyarskie i prikaznye sluzhiteli v XVII–XVIII vekakh (Tverskoi arkhieieiskii dom, 1675–1764 gg.)* [Archbishop's Nobles, Boyar Children, and Administrative Clerks in the 17th–18th Centuries (Tver Archbishop's House, 1675–1764)]. Moscow: Staraya Basmannaya publ. (in Russian).

20. Matison, A. V. (2021). *Arkhieieiskie «pomestnye» i «obrochnye» deti boyarskie Tverskoi eparkhii XVII–XVIII vv.* [Archbishop's «Landed» and «Rent- Paying» Boyar Children in the Tver Diocese, 17th–18th Centuries] in *Rossiiskaya istoriya*, 2, 28–40. DOI: 10.31857/S086956870014457-3 (in Russian).

21. Mizis, Yu. A. (1990). *Zaselenie Tambovskogo kraia v XVII–XVIII vekakh* [The Settlement of the Tambov Region in the 17th–18th Centuries]. Tambov, Tambovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institute. (in Russian).

22. Mizis, Yu. A. (2015). *Poiski begletsov na yuzhnoi granitse Rossii v 30–40 - kh gg. XVII v. (na primere Kozlovskogo uyezda)* [The Search for Fugitives on Russia's Southern Border in the 1630s–1640s (Case Study of Kozlovsky Uyezd)] in *Vestnik TGU*, 20, 10, 37–46. (in Russian).

23. Mel'nik, A. G. (1990). *Rostovskii mitropolichii dvor v XVII v.* [The Rostov Metropolitan Court in the 17th Century] in *Soobshcheniya Rostovskogo muzeya*. 1. Rostov, 132–144. (in Russian).

24. Nikitin, A. O. (2004). *Spisok vladychnykh detei boyarskikh 100 (1591/92) goda: Opyt rekonstruktsii* [The List of the Archbishop's Boyar Children No. 100 (1591/92): An Attempt at Reconstruction] in *Tret'i Yakhontovskie chteniya. Ryazan', Ryazanskii istoriko - arkhitekturnyi muzei - zapovednik*, 81–90. (in Russian).

25. Nikulin, I. A. (2014). *Struktura Tobol'skogo arkhieieiskogo doma v 90 - e gody XVII v.* [The Structure of the Tobolsk Bishop's House in the 1690s] in *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*, 2 (8), 120–138. (in Russian).

26. Novosel'skii, A. A. (1948). *Bor'ba moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoi polovine XVII veka* [The Struggle of the Moscow State with the Tatars in the First Half of the 17th Century]. Moscow–Leningrad, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. (in Russian).

27. Perov, I. F. (1882). *Eparkhial'nye uchrezhdeniya v Russkoi Tserkvi v XVI i XVII vekakh (istoriko - kanonicheskii ocherk)* [Diocesan Institutions in the Russian Church in the 16th and 17th Centuries (A Historical and Canonical Essay)]. Ryazan', v Gubernskoi tipografii. (in Russian).

28. Petrukhintsev, N. N. (2025). *Problema vosstanovleniya sistemy oborony yuzhnykh gorodov posle Smuty* [The Problem of Restoring the Defense System of Southern Cities after the Time of Troubles] in *Istoriya: fakty i simvol'y*, 3 (44), 81–99. DOI: 10.24888/2410-4205-2025-44-3-81-99 (in Russian).

29. *Pistsovyie knigi Ryazanskogo kraia. XVI vek.* (1898). [Cadastral Books of the Ryazan Region. 16th Century]. Ryazan', izdanie Ryazanskoi uchenoi arkhivnoi komissii, 1, 1. (in Russian).

30. Pokrovskii, I. M. (1906). *Kazanskii arkhieieiskii dom, ego sredstva i shtaty, preimushchestvenno do 1764 goda* [The Kazan Bishop's House: Its Resources and Staffing, Primarily before 1764]. Kazan', Tsentral'naya tipografiya. (in Russian).

31. Pokrovskii, I. M. (1897). *Russkie eparkhii v XVI–XIX vv., ikh otkrytie, sostav i predely: Opyt tserkovno - istoricheskogo, statisticheskogo i geograficheskogo issledovaniya* [Russian Dioceses in the 16th–19th Centuries: Their Establishment, Structure, and Borders. A Study in Church History, Statistics, and Geography]. T. 1. Kazan', Tsentral'naya tipografiya. (in Russian).
32. Pokrovskii, I. M. (1907). *Sredstva i shtaty velikorusskikh arkhieieiskikh domov so vremeni Petra I-go do uchrezhdeniya dukhovnykh shtatov v 1764 g.* [The Resources and Staffing of Great Russian Bishop's Houses from the Time of Peter the First until the Establishment of Ecclesiastical Staff Regulations in 1764]. Kazan', Tipolitografiya Imperatorskogo universiteta. (in Russian).
33. Prokhodtsov, I. I. (1902). *Ryazanskii Bogoroditskii Arkhieieiskii dom* [The Ryazan Our Lady's Bishop's House] in *Ryazanskie eparkhial'nye vedomosti*. (in Russian).
34. Rakitin, A. S. (2012). *Storozhevye kazaki goroda Dankov posle «cherkasskogo razoreniya» (1618–1650 - e gody)* [The Border Cossacks of the City of Dankov after the «Cherkasy Devastation» (1618–the 1650s)] in *Voina i oruzhie: novye issledovaniya i materialy*. 3. St. Petersburg, 88–97. (in Russian).
35. *Ryazanskie dostopamyatnosti, sobrannye arkhimandritom Ieronimom / s primechaniyami I. Dobrolyubova* [The Ryazan Memorabilia Collected by Archimandrite Jerome / with Notes by I. Dobrolyubov]. Ryazan', izdanie Ryazanskoi uchenoi arkhivnoi komissii, 1889. (in Russian).
36. Savosichev, A. Yu., Kuz'mina, O. Yu. (2009). *Ryazanskii arkhiepiskopskii dvor serediny XVI v.* [The Ryazan Archbishop's Court in the Mid- 16th Century] in *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Gumanitarnye i Sotsial'nye nauki»*, 1. 123–129. (in Russian).
37. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* Vyp. 27. (Spas–Staritsyn) [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries. Issue 27. (Spas–Staritsyn)]. Moscow, Nauka. 2006. (in Russian).
38. Smetanina, S. I. (2000). *Votchinnye arkhivy Ryazanskikh dukhovnykh korporatsii XIII – nachala XVII veka* [The Patrimonial Archives of Ryazan Ecclesiastical Corporations from the 13th Century to the Early 17th Century] in *Russkii diplomatarii*. 6. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli, 247–290. (in Russian).
39. Ustinova, I. A. (2014). *Sluzhebnyaya biografiya arkhieieiskogo d'yaka Danily Ignat'eva: k voprosu o svetskom elemente v russkom tserkovnom upravlenii XVII v.* [The Official Biography of the Bishop's Clerk Daniil Ignatiev: On the Secular Element in Russian Church Administration in the 17th Century] in *Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN*, 12, 83–92. (in Russian).
40. Kharina, N. S. (2012). *Sostav sluzhitelei Tobol'skogo arkhieieiskogo doma v XVIII v. (do 1768)* [The Staff of the Tobolsk Bishop's House in the 18th Century (up to 1768)] in *Severnye rubezhi istorii: materialy mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchenoi 10 - letiyu istoricheskogo fakul'teta Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ekaterinburg, Izdatel'stvo AMB, 162–167. (in Russian).
41. Cherkasova, M. S. (2017). *Velikoustyuzhskii arkhieieiskii dom: otkrytie i nachal'nyi etap deyatel'nosti (1682–1700 gg.)* [The Veliky Ustyug Bishop's House: The Opening and the Initial Stage of Activity (1682–1700)] in *Vestnik tserkovnoi istorii*, 1–2 (45–46). 193–271.
42. Davies B. L. (2004). *State Power and Community in Early Modern Russia: The Case of Kozlov, 1635-1649*. New York: Palgrave Macmillan.

«КРЮЙСОВСКИЙ НАБОР»: ПРОЦЕДУРА НАЙМА ИНОЗЕМЦЕВ НА РУССКУЮ ВОЕННО-МОРСКУЮ СЛУЖБУ В 1698 Г.

О.К. Ермакова

*Институт истории и археологии УрО РАН,
620066, ул. С. Ковалевской, 16, Екатеринбург*

Аннотация

Введение. В статье исследуются правовые основы и порядок документирования процедуры найма иностранцев на российскую военно-морскую службу в конце 1690-х гг. Кампания по приему иностранных офицеров и матросов ознаменовалась появлением регламентов и договорных условий, сформулированных К. Крюйсом для всех поступавших на русскую службу военных и гражданских специалистов (нанятых для целей строительства флота). Обращение к документам, освещающим вербовку офицерского состава и рядовых матросов, позволяет провести сравнение процедуры и условий найма таких иностранцев с особенностями устройства на службу гражданских специалистов; выявить, чем отличались форма и размер вознаграждения, какие предоставлялись гарантии прав и привилегий, различались ли принципиальные условия договоров, и соблюдались ли контракты в полной мере. Вторую группу иностранцев, нанятых в соответствии с уставными «статьями» К. Крюйса, составили лекари и технические специалисты – плотники и другие мастера, занимавшиеся строительством кораблей. Исследование процедуры найма дает представление об уровне их привилегированности, по сравнению с другими иностранцами, а также позволяет реконструировать порядок и условия приема на службу. **Материалы и методы.** Источниковая база исследования представлена актовыми источниками (законодательство, договоры, грамоты, свидетельства, регламенты), делопроизводственными материалами. Методологическую основу исследования составили: историко-юридический анализ, историко-антропологический подход, а также методы дипломатики, имагологии, истории повседневности. **Результаты.** Изучены тексты присяги и контракта К. Крюйса, выявлены особенности их содержания и юридического оформления. Рассмотрены «статьи», представленные К. Крюйсом полномочным послом Петра I в качестве регламента военно-морской службы. Показано, что вице-адмирал предлагал использовать данные «статьи» для поддержания безопасности и порядка в ходе ведения морской войны, а под их исполнением должны были подписаться присягой все поступавшие на службу офицеры и матросы. Наряду с данным источником изучены два других документа, имеющие в большей степени характер не уставных, а договорных статей. Имеются в виду «статьи» для принимаемых на службу капитанов и командоров, а также «договорные статьи» для мастеров «рукодельного дела». **Заключение.** Сделан вывод о том, что первый «Крюйсовский набор» 1698 г. ознаменовал важный этап в развитии правовых основ и документирования найма военных и гражданских специалистов из иностранцев на русскую службу. Нормы, предложенные К. Крюйсом в той или иной степени использовались впоследствии для регламентации военно-морской службы, а также для разработки формуляра и содержания контрактов с иностранцами (включая не только военных, но и гражданских технических специалистов).

Ключевые слова: иноземцы, Корнелий Крюйс, морской устав, контракт, регламентация военно-морской службы, присяга, актовые источники.

Для цитирования: Ермакова О.К. (2026). «Крюйсовский набор»: процедура найма иноземцев на русскую военно-морскую службу в 1698 г. // История: факты и символы. 2026. № 3 (48). С. 110-119 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-110-119

Финансирование: Исследование выполнено за счет средств субсидии на финансовое обеспечение выполнения гос. задания ИИиА УрО РАН; тема «Модернизационные трансформации России Нового и Новейшего времени: общестрановые тенденции и региональная специфика», рег. номер 124032100050-2

Статья поступила: 11.01.2026

Статья принята в печать: 12.05.2026

Статья опубликована: 10.09.2026

© Ермакова О., 2026

"CRUYS RECRUITMENT": THE PROCEDURE FOR RECRUITMENT OF FOREIGNERS FOR THE RUSSIAN NAVAL SERVICE IN 1698

O.K. Ermakova

*Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
16 S. Kovalevskaya St., Yekaterinburg, 620066*

Abstract

Introduction. This article examines the legal basis and documentation of the recruitment of foreigners into Russian naval service in the late 1690s. The campaign to recruit foreign officers and sailors was marked by the emergence of regulations and contractual conditions formulated by C. Cruys for all military and civilian specialists (hired for the purpose of naval construction) entering Russian service. Analysis of the documents covering the recruitment of officers and enlisted sailors allows to compare the procedures and conditions for hiring such foreigners with those for civilian specialists. This study explores differences in the form and amount of compensation, the guarantees of rights and privileges provided, whether the fundamental terms of the contracts varied, and whether the contracts were fully observed. The second group of foreigners, hired in accordance with C. Cruys's statutory "articles," consisted of doctors and technical specialists – carpenters and other craftsmen involved in shipbuilding. An examination of the recruitment process provides insight into the level of privilege enjoyed by foreigners, compared to other foreigners, and allows for the reconstruction of the procedure and conditions for admission to service. **Materials and Methods.** The source base for the study is represented by act sources (legislation, contracts, charters, certificates, regulations), office materials. The methodological basis of the study consists of a historical and legal analysis, a historical and anthropological approach, as well as methods of act source study, imagology, and the history of everyday life. **Results.** The oath and contract of C. Cruys are studied, identifying the specifics of their content and legal registration. The "articles" presented by C. Cruys to the plenipotentiary ambassadors of Peter the Great as regulations for naval service are examined. It is shown that the vice-admiral proposed using these "articles" to maintain security and order during naval warfare, and all officers and sailors entering the service were required to sign an oath to comply with them. Along with this source, two other documents were studied, which are more in the nature of contractual rather than statutory articles. These are the "articles" for recruiting captains and commanders, as well as the "contractual articles" for "handicraft" artisans. **Conclusion.** It is concluded that the first "Cruys Recruitment" of 1698 marked an important stage in the development of the legal framework and documentation procedure for the recruitment of military and civilian specialists from foreigners into Russian service. The norms proposed by C. Cruys were in a varying degree used later to regulate naval service, as well as to de-

velop the forms and content of contracts with foreigners (including not only military personnel but also civilian technical specialists).

Keywords: foreigners, Cornelius Cruys, naval statute, contract, regulation of naval service, oath, act sources.

For citation: Ermakova O.K. (2026) "Cruys recruitment": The procedure for recruitment of foreigners for the Russian naval service in 1698 In *History: facts and symbols*, 3 (48), 110-119 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-110-119

Acknowledgments: The research was funded by a subsidy for financial support for the implementation of a state assignment of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; the subject: "Modernization Transformations of Russia in the Modern and Contemporary Times: National Trends and Regional Specifics," registration number 124032100050-2

Received: 11.01.2026

Revised: 12.05.2026

Published: 10.09.2026

© Ermakova O., 2026.

1. Введение

Прием офицеров и матросов на русскую службу, осуществленный при посредничестве и «под командою» Корнелия Крюйса явился одним из наиболее масштабных мероприятий по найму иноземцев (преимущественно военных специалистов) на начальном этапе правления Петра I. Исследование процедуры найма иностранцев в рамках данной массовой «акции» позволяет выявить элементы новых принципов вербовки специалистов (правовой основы, форм устройства на службу и документирования соответствующих процессов), а также преемственность изучаемых процедур в сравнении с практикой предшествующей эпохи. Опыт привлечения на службу зарубежных специалистов для строительства флота демонстрирует особенности найма специалистов военной отрасли, по сравнению с практиками в отношении представителей гражданских профессий. Обращение к документам, связанным с приемом на службу морских офицеров и матросов, отсылает к источникам создания петровских регламентов (связанных со службой на кораблях и «ведением морской войны»), а также позволяет проследить эволюцию формуляра и содержания контрактов с иноземцами – как военными, так и гражданскими техническими специалистами.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования представлена несколькими разновидностями актовых источников, а также делопроизводственными материалами. Привлечены законодательные источники, в том числе, утвержденные государем регламенты и уставы. Отдельный комплекс документов составили свидетельствованные пасы принимаемых на службу специалистов. Проанализированы индивидуальные и коллективные договоры с иностранцами. Делопроизводственные источники представлены материалами служебной переписки. Методологическая основа исследования включает историко-юридический анализ, историко-антропологический подход, а также методы дипломатики, имагологии и истории повседневности.

3. Результаты

Обращаясь к процедуре устройства на службу иноземцев, следует выделить несколько этапов. Для военных специалистов ключевым являлось принесение присяги в верной службе, а уже наряду с этим заключение договоров¹. В 1698 г. вице-адмирал Корнелий Крюйс присягой обязался верно служить Его царскому величеству. В тексте присяги дана ссылка на «постановленные статьи» (контракт), заверенные «руками полномочных послов», обозначена должность

¹ Подробнее о соотношении таких маркеров правового статуса иноземцев, как присяга, подданство, контракт, см.: [6].

(вице-адмирал) и обязательство «Его государское повеление со усердием исполнять как пристойно верно в том чину обходиться»¹. «Договорные статьи» Крюйса предусматривали ограниченный срок службы в России (в течение трех или четырех лет), право выезда в отечество и сохранения за иноземцем должности, занимаемой им в Амстердаме. В контракте оговаривались вопросы выплаты вознаграждения (половина годового жалования должна была выплачиваться Крюйсу на месте службы, а оставшаяся часть его доверенным лицам в Амстердаме), гарантировался задаток на выезд и подъем, обеспечение деньгами и пропитанием во время путешествий, содержание двух слуг за казенный счет, а также выкуп в случае попадания вице-адмирала в плен².

Одним из процедурных элементов контрактования иноземцев являлось обращение к институту поручительства. Традиционно поручители привлекались, например, при заключении договоров в рамках практики, характерной для французской правовой системы³. В ходе найма К. Крюйса в Посольский приказ были представлены «договорные статьи», по которым он «под присягою шляхетного мочного товарищества адмиралскаго в Амстрадаме» готов был вступить в службу Его царского величества⁴. В историографии высказывается мнение о том, что таким образом избранные офицеры голландского флота выступили поручителями вице-адмирала [2, с. 51]. Вместе с тем, миссия привлеченных советников Адмиралтейства в Амстердаме состояла в даче «позволения» Крюйсу отбыть на службу российскому государю на три или четыре года, а также в обеспечении гарантии сохранения за ним занимаемой должности: «и иной никто на его место допущен не будет»⁵. Непосредственно же поручителями по контракту стали два «амстердамских жителя» – А. Гоутман и Х. Брант, которые ручались за надлежащее исполнение договора и принимали на себя функции передачи части жалования иноземца его доверенным лицам в Голландии⁶.

Двойная присяга Крюйса (как голландскому адмиралтейству, так и российскому царю) выводит на проблему подтверждения квалификации и персональных рекомендаций при переходе иноземцев на русскую службу. Источниками для исследования данного вопроса в случае с «Крюйсовским набором» служит комплекс актовых материалов – разнообразных свидетельств. Большинство свидетельствованных пасов морских офицеров выданы от «поверенных советников адмиралских». Так, поручику Петру Памбургу свидетельствованные письма даны от советников адмиралтейства в Роттердаме, а также от вице-адмирала Колленбурга – одного из офицеров, под командованием которых нанимаемый иноземец служил в Голландии⁷. Данные примеры показывают, что подобные свидетельства могли выдаваться иноземцам не только от монархов (что являлось распространенной практикой), но и от профессиональных сообществ или обладателей высших государственных чинов⁸. Подобного рода документы подтверждали квалификацию нанимаемых специалистов, в ряде случаев содержали информацию об основных этапах карьерного пути иностранца, а также давали разрешение вступить в службу Его царского величества. В Посольский приказ передавались переводы «свидетельствованных пасов на чины», оригиналы возвращали иноземцам. Выявленный комплекс документов дает представ-

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 150. Оп. 1. 1698 г. Д. 51. Л. 6.

² РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1698 г. Д. 51. Л. 8–8об.

³ В связи с этим контракты с французскими специалистами в начале XVIII в. содержали соответствующие элементы, а договоры с ними нередко заключались во Франции при участии нотариусов. Например, контракты с архитектором Жаном Батистом Леблоном, художником Николя Пино, архитектором Франсуа Мэро зафиксированы в фондах нотариальных минут и регистров Национального архива Франции [Archives Nationales (AN). MC/ET/IV/392; MC/ET/VI/632].

⁴ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1698 г. Д. 51. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 8, 10.

⁶ Там же. Л. 10.

⁷ Там же. Л. 8, 9.

⁸ Свидетельствованные листы также могли вручаться отдельными должностными лицами. См., например: РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1698 г. Д. 8. Л. 32.

ление о статусе и профессиональной деятельности принимаемых на службу иностранцев. Кроме официальных свидетельств с предыдущих мест службы информацию о нанятых специалистах дают иные документы, отложившиеся в фонде Посольского приказа. Например, в челобитной, поданной «полномочным послам» Петра I, упомянутый выше Питер фон Памбург подробно охарактеризовал этапы своего карьерного пути, акцентировав внимание на заслугах в «морской войне», и просил принять его в службу с чином капитана¹.

В имеющихся среди материалов найма «расспросах» иноземцы предоставляли сведения о своем происхождении, предыдущих местах службы и статусе. Например, командор Валранд показал, что родился в Англии, отец его «жил в Лондоне, чином был адвокат», а сам он служил на голландских военных кораблях. Для каждого периода службы в документе указаны чин и срок пребывания на судах, а также чин и имя командира, которому на тот момент подчинялся иноземец². После увольнения с голландской службы Валранд получил от Амстердамского адмиралтейства «свидетельствованный пас», в котором утверждалось, что иноземец «командором на бомбардирском корабле поставляется и дабы его за командора признавали»³. Документы показывают, что пожелавшие ехать в Россию «командоры» имели многолетний опыт морской службы на военных и торговых кораблях (в среднем, по тридцать – сорок лет)⁴. Например, уроженец Утрехта Виллим Кнейф в расспросе сказал, что служил на голландских военных кораблях десять лет матросом, двадцать пять лет поручиком и двадцать четыре года капитаном⁵.

Комплекс свидетельствованных пасов (листов) и расспросов иноземцев скомпонован по чинам (командоры, поручики, штурманы, подштурманы), представляя собой богатый материал для просопографического исследования и детальной реконструкции персонального состава наемных иностранных моряков, прибывших в составе «Крюйсовского набора». Отдельным блоком следуют материалы о парусных мастерах – зейль-макерах, корабельных кузнецах, плотниках и канатных мастерах, а также отдельным списком перечислены матросы (с указанием происхождения)⁶. Специальная «ропись» была составлена Крюйсом «рукодельным людем», отправлявшимся в Россию. Среди таковых разного рода мастера и подмастерья: корабельные и «мельничные» плотники, якорные, мачтовые и парусные мастера, резчики корабельного дела, кузнецы⁷.

Аналогичные комплексы документов отложились в фонде Посольского приказа в связи с принятием на морскую службу иностранных лекарей в составе «Крюйсовского набора». Расспросные речи свидетельствуют о высоком уровне мобильности ряда специалистов в рамках их прежней службы (до приезда в Россию). Например, француз Стефан Степанус Неох (во французской транскрипции – Этьен Но) служил на французском военном корабле лекарем, затем перешел на службу английскому королю (где также обретался на «воинском корабле»), а после – в течение полугода выполнял лекарские обязанности на голландском военном судне. К моменту найма на русскую службу он уже третий год проживал в Амстердаме, «промышляя лекарским художеством»⁸. Свидетельствованных пасов у француза не оказалось (впрочем, как и

¹ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1698 г. Д. 8. Л. 4–7.

² Там же. Л. 11.

³ Там же. Л. 11.

⁴ К вопросу о возрастных характеристиках и уровне квалификации нанимаемых специалистов, показательное наблюдение Б. С. Макарова, составившего «Лексикон» «Голландцы в России в первой половине XVIII века». Он утверждает, что в основном иноземцы, приехавшие в Россию в конце 1690-х – начале 1700-х гг. – это «либо высококвалифицированные специалисты с большим опытом работы, но пожилые, не имеющие физических возможностей реализовать свои знания, либо молодые здоровые, но неопытные подмастерья» [9, с. 10].

⁵ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1698 г. Д. 8. Л. 29.

⁶ Там же. Л. 137–152.

⁷ Там же. Л. 158–163.

⁸ Там же. Л. 174.

у ряда других лекарей¹). Несмотря на отсутствие свидетельств, расспросы некоторых иноземцев указывают на наличие значительного опыта врачевания². Так, голландец Рембрант Шкибергузен утверждал, что «кормится лекарским художеством лет с тридцать», из них в течение двадцати шести «на море ездил на воинских кораблях»³. Иноземцы, представившие в Посольский приказ свидетельствованные листы, получили их от представителей лекарских сообществ тех городов, откуда они прибыли, а также имеются примеры свидетельств, выданных от имени отдельных должностных лиц и структур⁴.

Правовую основу найма морских офицеров и матросов составили «статьи», представленные Корнелием Крюйсом полномочным послом Петра I в 1698 г. Как отмечается в заголовке к делу, отложившемуся в фонде Посольского приказа, данные статьи были поданы «от Крюйса для установления морского регламента». Наряду с регламентацией службы офицеров и матросов определялись правила для корабельных плотников, принимавшихся для целей строительства флота. «Статьи» сочетали элементы присяги и договора. В преамбуле к документу предписывалось всем поступавшим на службу адмиралам, вице-адмиралам, капитанам, поручикам, начальникам, солдатам и рядовым матросам присягой обязываться все «уставы и статьи крепко содержать»⁵. Лейтмотивом «статей» явилось устрашение наказаниями. В этом состояло отличие данного регламента от контрактов с гражданскими специалистами, где ответственность за неисполнение должностных обязанностей прописывалась не в столь категоричной форме (согласно «статьям», даже плотники работали «под наказанием»⁶). Собственно, цель принятия уставных статей состояла в обеспечении порядка и безопасности в ходе ведения морской войны. Большинство пунктов содержали предостережения о наказаниях, которые восполняют в случае ненадлежащей службы и различных провинностей (нерадение, пьянство, драки (разделяются случаи применения холодного оружия и др.)), или если кто-то принесет на корабль кости или карты, которые могут послужить причиной «несоединения или недружбы»; или если из «пушки выстрелити или трогать, или в пороховую комору входить, кроме констапеля и пушкарей»⁷. Запрещалось переходить с одного корабля на другой без разрешения начальников; «продавать или закладывать свое оружие»; брать товары для продажи на корабле. В то же время, помимо карательных мер в документе затронуты вопросы жалования и пропитания на кораблях, а также гарантировано оказание медицинской помощи морякам в случае ранения⁸. В историографии «статьи» К. Крюйса признаются одним из первых опытов регламентации военно-морской службы, а их основу составили положения голландского законодательства о флоте [1]. При этом, как справедливо отметил С. И. Елагин, «Правила эти имеют более характер уголовный, ибо в каждом артикуле приведен вид наказания» [4, с. 11].

Наряду с общими статьями, регламентирующими морскую военную службу, К. Крюйс представил два других документа, определявших условия найма иноземцев в 1698 г. Первый

¹ Например, саксонец Андреас Стобер объяснил отсутствие у него письменных свидетельств о прежней службе тем, что они «потонули на море». РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1698 г. Д. 8. Л. 179.

² Отсутствие документов, подтверждавших квалификацию доктора, не всегда препятствовало успешной службе, поскольку немаловажную роль при устройстве играли неформальные связи и репутация. Например, в исследовании А. В. Морохина о придворной медицине показан пример Лаврентия Лаврентьевича Блюментроста, который, прослушав различные курсы и проучившись у «славных докторов», так и не сумел получить соответствующий диплом. Однако, благодаря ходатайству отца, Л. А. Блюментроста, Лаврентий Лаврентьевич в 1685 г. был устроен на придворную службу врачом. [10, с. 153].

³ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1698 г. Д. 8. Л. 175.

⁴ См., например: РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1698 г. Д. 8. Л. 119, 120 (Одним из лекарей представлен свидетельствованный лист от «председателей и товарищей лекарного собрания и художества в дацком столном городе Копенгагене», а также другой лист, который дал «Его курфюрстския Брандбургския пресветлости учрежденной полковник надо пехотным полком Вильгельм Дитерих фон Берхен»).

⁵ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1698 г. Д. 9. Л. 245об.

⁶ Там же. Л. 250об.

⁷ Там же. Л. 245–248.

⁸ Там же. Л. 249, 256об.

из таковых – «статьи, по которым каждый командор или капитан в службу Его царского величества поступати будет»¹. Данный источник близок к контрактным формам – «договорным статьям». В тексте прописан размер и условия выплаты жалования, выдачи кормовых денег и задатка (в Амстердаме), определен порядок передачи части жалования женам или родственникам иноземцев. Договорные статьи гарантировали выкуп капитанов в случае попадания в плен в ходе войны, а при получении ранения иноземцам обеспечивалось лечение без «умаления жалования». Даже если офицер получал такие увечья, что оказывался более не годен к службе, его обеспечивали средствами к существованию. Документ содержал пункт о том, что капитаны не подчиняются никаким гражданским начальникам, а несут ответственность только перед военно-морскими командирами. По окончании службы иностранцам обеспечивался отпуск и «проезд до рубежа»².

Еще один поданный К. Крюйсом в 1698 г. в Амстердаме документ представлял собой «договорные статьи» для мастеров «рукодельного дела»³. В тексте конкретизировались условия службы специалистов. С российской стороны юридически закреплялось типичное требование иноземцев о выдаче авансов перед отъездом из-за границы: К. Крюйс обещал выплатить мастерам двухмесячное жалование в Амстердаме в качестве задатка. Иноземцам гарантировались выплаты кормовых денег после отъезда, а также бесплатный проезд к месту службы, предоставление мест для постоя, дров, пропитания. В договорных статьях прописан порядок выдачи жалования: деньги за четыре месяца отдавались родственникам (или кому иноземцы укажут), за остальные восемь – самим мастерам. Если же во время службы иностранцы заболеют или будут ранены, лечение им должно обеспечиваться за счет казны и без всякого умаления жалования. По окончании срока службы («урочных лет») мастеров следовало отправить за счет казны до приграничных российских городов, а далее они могли ехать, куда захотят, но уже на собственный кошт⁴.

Следует заметить, что впоследствии правовые нормы в отношении условий найма на службу иноземцев (в том числе, гражданских технических специалистов) во многом базировались на регламентах, разработанных для офицеров и матросов морского флота. Это касалось, прежде всего, не дисциплинарных взысканий, а различных мер социального обеспечения. В XVIII в. контракты с техническими специалистами опирались, во многом, на нормы, существовавшие в отношении иностранных офицеров российского морского флота. Довольно регулярно в «условиях о службе» и других документах, фиксирующих контрактование иноземцев-специалистов, встречаются пункты, отсылающие к «морскому регламенту»⁵. Например, когда речь идет о содержании иноземцев «когда кто состарится», заболеет или получит увечья, а также в отношении вдов и сирот, которым, в соответствии с порядком, установленным Морским уставом, выплачивалась часть жалованья иностранца⁶. Вместе с тем, подобного рода нормы проистекали, скорее, не из «Крюйсовских статей», принятых в качестве общего регламента, а из «договорных статей» (как для офицеров, так и для «рукодельных» мастеров). Впрочем, «статьи» К. Крюйса если и использовались в дальнейшем в качестве образца регламента, то лишь частично. В целом же, Морской устав Петра I 1720 г. представлял собой гораздо более

¹ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1698 г. Д. 9. Л. 263–265.

² Там же.

³ Контракты с достаточно подробным изложением условий службы корабельных мастеров заключались и ранее – во второй половине 1660-х гг., однако их исполнение со стороны Московского государства не всегда осуществлялось в полной мере (главным образом, в части выплаты жалования и предоставления права возвращения в отечество) [7, с. 41].

⁴ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1698 г. Д. 9. Л. 266–269.

⁵ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 1253. л. 1а; РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 68. Л. 123 об.

⁶ ПСЗ-1. Т. 6. № 3485.

многогранный и детально проработанный текст, в котором дисциплинарные меры являлись одним из элементов регулирования.

Как следует из регламентирующих и договорных статей, деятельность специалистов гражданских профессий, служивших во флоте, регламентировалась нормами военно-морского законодательства. Лекари, плотники и другие технические мастера обязывались соблюдать требования регламентов, действовавших для морской службы. В результате, такие специалисты попадали в рамки более жестких дисциплинарных мер в случае провинностей или ненадлежащего исполнения обязанностей, в отличие от иноземцев схожих профессий, но нанятых на гражданскую службу. В тексте Морского устава 1720 г. такого рода специалистам посвящены отдельные главы. Например, глава 5 книги 1 – «О докторе при флоте», определяет обязанности доктора по контролю над обеспечением корабля медикаментами, а «гошпитальных кораблей белыми постелями и пищей», а также предписывает «смотреть над лекарями», «дабы они должность свою исправляли порядочно»¹.

Несмотря на то, что одним из ключевых изменений в условиях службы иностранных специалистов при Петре I стало дарование им права выезда в отечество по окончании срока договора, морские офицеры и матросы (согласно «статьям» Крюйса) обязывались служить Его царскому величеству «пока господа советники изволят»². Точных периодов службы не устанавливалось также для лекарей и «рукодельных людей» на флоте (данное обстоятельство отличало положение иностранных специалистов, служивших «на воинских кораблях», от тех, кто работал по контрактам не в военной сфере). Только договорные статьи самого вице-адмирала К. Крюйса определяли срок действия соглашения – три года, к которым добавлялись дополнительные четыре месяца на пребывание в пути к месту службы, а по её завершении – на возвращение в Амстердам, где за голландцем сохранялась ранее занимаемая им должность (позволение уехать на царскую службу от адмиралтейства ему «дано было на три или четыре года»)³.

4. Заключение

Первый «Крюйсовский набор» ознаменовал важный этап развития процедур документирования и правового регулирования найма иностранных специалистов на российскую военно-морскую службу⁴. «Статьи», представленные К. Крюйсом действовали в качестве регламента для всех поступающих на службу офицеров и матросов⁵. Законодательно утвержденный в 1720 г. Морской устав Петра I представлял собой гораздо более проработанный, содержательно развернутый и разносторонний текст, по сравнению с регламентом Крюйса. Вместе с тем, ряд норм в отношении не только военных, но и гражданских специалистов на флоте (плотников, кузнецов, лекарей и пр.), отраженных в дополнительных «артикулах» Крюйса, впоследствии действовали аналогичным образом не только для иноземцев на морской службе, но и для технических специалистов, работавших на горных заводах⁶. «Статьи» о службе капитанов и командоров, а также «рукодельных людей», демонстрировали реализацию практики коллективных контрактов, которая впоследствии будет активно применяться в случаях единовременного найма как крупных, так и небольших групп специалистов⁷. Комплекс свидетельствованных писем и расспросов иноземцев в Посольском приказе свидетельствует о высокой степени

¹ ПСЗ-1. Т. 6. № 3485.

² РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1698 г. Д. 9. Л. 247об.

³ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1698 г. Д. 51. Л. 8.

⁴ Впоследствии ряд набранных в 1698 г. специалистов получили увольнение, а в 1702–1704 гг. К. Крюйс осуществил в Голландии новый прием высшего офицерского и младшего командного состава для российского флота. Об иностранцах в Балтийском флоте Петра I см.: [8, с. 562–570].

⁵ По мнению С. И. Елагина, «Статьи» К. Крюйса, утвержденные государем, действовали в качестве первого военно-морского устава Петровской эпохи вплоть до 1720 г. [3, с. 99].

⁶ Практика была распространена на протяжении XVIII в. ситуативно, с отсылками к «Морскому регламенту», а в первой половине XIX в. ряд условий перешли в тексты контрактов с иностранцами. См. подробнее: [5, с. 177–186].

⁷ Например, «трактат» о службе 10 мастеров «слезного дела», принятых в 1702 г. (РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1702 г. Д. 30. Л. 1–2).

мобильности приехавших специалистов, а также о многолетнем опыте морской службы капитанов и командоров (что однако, не всегда подтверждалось документально, но записывалось со слов иностранцев). Процедура найма в данном случае сочетала в себе как традиционные черты, так и новые формы массового контрактования иноземцев, которые получают дальнейшее развитие в первой четверти XVIII в. и позднее – при преемниках Петра I.

Список источников и литературы

1. Акишин, М. О. (2020). «Правила службы на судах» 1698 г. – первый военно-морской устав России эпохи Петра Великого // Ленинградский юридический журнал. № 1(59). С. 8–25.
2. Дулич, Л. М. (2001). О некоторых аспектах правового регулирования службы иностранцев в военно-морском флоте России первой четверти XVIII в. // Россия и мир. Гуманитарные проблемы: межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 2. СПб.: СПбГУВК. С. 47–56.
3. Елагин, С. И. (1864). *История русского флота. Период Азовский*. СПб.: В Типографии Гогенфельдена. 376 с.
4. Елагин, С. И. (1859). *Материалы для истории русского морского законодательства*. Вып. 1. СПб.: тип. Мор. м-ва. 53 с.
5. Ермакова, О. К. (2017). *Контракты с иностранными специалистами в России в XVIII – первой половине XIX в.: эволюция формы и содержания* // Историческая русистика в XXI веке: Материалы десятой международной научной конференции будапештского Центра Русистики от 18–19 мая 2015 г. Будапешт: Russica Pannonicana. С. 177–186.
6. Ермакова, О. К. (2024). *Маркеры правового статуса иноземцев в России первой четверти XVIII века* // Quaestio Rossica. Т. 12, № 3. С. 807–817. DOI 10.15826/qr.2024.3.909
7. *Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого: Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи: 1682–1727* (2019) / Под ред. В. С. Ржеуцкого и Д. Ю. Гузевича, при участии А. Мезен. М.: Ломоносов. 800 с.
8. Кротов, П. А. (2017). *Российский флот на Балтике при Петре Великом*. СПб.: Историческая иллюстрация. 742 с.
9. Макаров, Б. С. (2009). *Голландцы в России в первой половине XVIII века. Лексикон*. СПб., Гронинген: НРЦ. 286 с.
10. Морохин, А. В. (2024). *Придворная медицина в России в петровскую эпоху. 1682–1733 гг.* М.: Издательство «Кучково поле». 592 с.

References

1. Akishin, M. O. (2020). «Pravila sluzhby na sudakh» 1698 g. – pervyy voenno-morskoy ustav Rossii epokhi Petra Velikogo ["Rules of service on ships" – the first naval Statute of Russia during Peter the Great ers] in *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*, 1(59), 8–25. (in Russian).
2. Dulich, L. M. (2001). *O nekotorykh aspektakh pravovogo regulirovaniya sluzhby inostrantsev v voenno-morskom flote Rossii pervoy chetverti XVIII v.* [On some aspects of legal regulation of the service of foreigners in the Russian Navy in the first quarter of the 18th century] in *Rossiia i mir. Gumanitarnye problemy: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*, Vypusk 2, Saint-Petersburg, SPBGUVK, 47–56. (in Russian).
3. Elagin, S. I. (1864). *Istoriya russkogo flota. Period Azovskiy* [History of the Russian Fleet. The Azov Period]. Saint-Petersburg, V Tipografii Gogenfel'dena. (in Russian).
4. Elagin, S. I. (1859). *Materialy dlya istorii russkogo morskogo zakonodatel'stva* [Materials for the history of Russian maritime legislation], Vyp. 1. Saint-Petersburg, tip. Mor. m-va. (in Russian).

5. Ermakova, O. K. (2017). *Kontrakty s inostrannymi spetsialistami v Rossii v XVIII – pervoy polovine XIX v.: evolyutsiya formy i sodержaniya* [Contracts with foreign specialists in Russia in the 18th – first half of the 19th century: evolution of form and content] in *Istoricheskaya rusistika v XXI veke: Materialy desyatoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii budapeshtskogo Tsentra Rusistiki ot 18–19 maya 2015 g.* Budapesht, Russica Pannonicana, 177–186. (in Russian).
6. Ermakova, O. K. (2024). *Markery pravovogo statusa inozemtsev v Rossii pervoy chetverti XVIII veka* [Markers of the legal status of foreigners in Russia in the first quarter of the 18th century] in *Quaestio Rossica*, Vol. 12, № 3, 807–817. DOI 10.15826/qr.2024.3.909 (in Russian).
7. *Inostrannye spetsialisty v Rossii v epokhu Petra Velikogo: Biograficheskiy slovar' vykhodtsev iz Frantsii, Vallonii, frankoyazychnykh Shveytsarii i Savoyi: 1682–1727* (2019) [Foreign specialists in Russia in the era of Peter the Great: Biographical dictionary of immigrants from France, Wallonia, French-speaking Switzerland and Savoy: 1682–1727] / Pod red. V. S. Rzhetskogo i D. Yu. Guzevicha, pri uchastii A. Mezen. Moscow, Lomonosov. (in Russian).
8. Krotov, P. A. (2017). *Rossiyskiy flot na Baltike pri Petre Velikom* [The Russian fleet in the Baltic under Peter the Great]. Saint-Petersburg, Istoricheskaya illyustratsiya. (in Russian).
9. Makarov, B. S. (2009). *Gollandtsy v Rossii v pervoy polovine XVIII veka. Leksikon* [The Dutch in Russia in the First Half of the 18th Century. Lexicon]. Saint-Petersburg, Groningen, NRTs. (in Russian).
10. Morokhin, A. V. (2024). *Pridvornaya meditsina v Rossii v petrovskuyu epokhu. 1682–1733 gg.* [Court medicine in Russia during the Peter the Great era. 1682–1733]. Moscow, Izdatel'stvo «Kuchkovo pole». (in Russian).

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА ПОКОЛЕНИЯ
«РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРЕЛОМА» В РОССИЙСКОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ
ДВИЖЕНИИ НАЧАЛА XX ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛАХ ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН
И ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦЕВ)**

В.А. Ипполитов *,

К.А. Якимов

Тамбовский государственный

технический университет,

392000, Тамбов, ул. Советская, д. 106/5, 2

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена отсутствием современных обобщающих работ об участии национальных меньшинств в российском революционном движении в начале XX в. Кроме того, малоизученным остается поколенческий аспект данной темы. Цель работы: анализ социально-демографических характеристик и революционных практик национальных меньшинств поколения «революционного перелома». Задачи работы: рассмотреть этнический состав представителей рассматриваемой генерации, изучить их социальное происхождение и уровень образования, проанализировать возрастную специфику начала активной подпольной деятельности. В статье анализируются основные факторы вовлечения молодых людей в антиправительственную деятельность. **Материалы и методы.** Источниковой базой настоящего исследования стал биографический справочник «Политическая каторга и ссылка», на материалах которого была создана таблица базы данных в формате Excel. В неё были внесены сведения биографического характера революционеров (национальность, год рождения, пол, социальное происхождение, партийная принадлежность, уровень образования, годы арестов, места отбывания наказания и др.). Другим источником стали материалы фонда личных дел политкаторжан (Ф. 533. Оп. 2) в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), где рассматривались автобиографии. Методологическую базу статьи составили общенаучные методы, историко-сравнительный подход и количественный анализ данных. **Результаты.** В статье сделан вывод, что большинство представителей национальных меньшинств поколения «революционного перелома» вовлекались в активную подпольную деятельность в возрасте от 16 до 18 лет. Около половины из них начали её в годы первой российской революции. Показывается, что для латышей и поляков была характерна концентрация вокруг национальных социал-демократических партий. Среди евреев ни одна партия не имела абсолютного большинства. Грузины в основном являлись членами российских политических партий. Анализ революционных практик показывает, что представители поколения «революционного перелома» в силу возраста привлекались в основном для раздачи листовок и прокламаций. Характерно, что события 1905-1907 гг. привели к вовлечению их в забастовочное движение и некоторую часть в террористическую деятельность. **Заключение.** Авторы приходят к выводам о том, что национальные меньшинства поколения «революционного перелома» являлись важной частью социалистического движения. Среди них преобладали выходцы из городских низов, а большинство включились в подпольную деятельность в подростковом возрасте. Среди факторов ради-

кализации настроений молодежи выделяется тяжелое материальное положение семей. Но главной причиной следует считать саму обстановку в обществе в предреволюционные и революционные годы. Для представителей национальных меньшинств была характерно неустойчивость их политических взглядов.

Ключевые слова: поколение «революционного перелома», национальные меньшинства, партии, забастовочное движение, агитация, политкаторжане, национальный вопрос, крестьянство, рабочий класс.

* Ответственный автор

Для цитирования: Ипполитов В.А., Якимов К.А. (2026). Национальные меньшинства поколения «революционного перелома» в российском революционном движении начала XX века (на материалах Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев) // История: факты и символы. 2026. № 3 (48). С. 120-134 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-120-134

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00132-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

Статья поступила: 10.03.2026

Статья принята в печать: 12.05.2026

Статья опубликована: 10.09.2026

© Ипполитов В., Якимов К. 2026.

NATIONAL MINORITIES OF THE "REVOLUTIONARY TURNING POINT" GENERATION IN THE RUSSIAN REVOLUTIONARY MOVEMENT OF THE EARLY 20TH CENTURY (BASED ON THE MATERIALS OF THE ALL-UNION SOCIETY OF POLITICAL PRISONERS AND EXILE SETTLERS)

V.A. Ippolitov, K.A. Yakimov

Tambov State Technical University, 106/5 Sovetskaya St.

Tambov, 392000

Abstract

Introduction. The relevance of this study is determined by the lack of modern, comprehensive works on the participation of national minorities in the Russian revolutionary movement in the early 20th century. Moreover, the generational aspect of this topic remains understudied. The aim of the study is to analyze the socio-demographic characteristics and revolutionary practices of national minorities of the "revolutionary turning point" generation. The objectives of the study are to examine the ethnic composition of representatives of this generation, study their social origin and level of education, and analyze the age specifics of the onset of active underground activity. The article analyzes the main factors in the involvement of young people in anti-government activities. **Materials and methods.** The biographical reference book "Political Penal Servitude and Exile" served as the source for this study. An Excel database table was created using the data from this reference book. It included biographical information on the revolutionaries (nationality, year of birth, gender, social origin, party affiliation, level of education, years of arrest, places of imprisonment, etc.). Another source was the materials from the personal files of political prisoners (F. 533. Op. 2) in the State Archives of the Russian Federation (GARF), where autobiographies were reviewed. The methodological basis of the article was formed by general scientific methods, a historical-comparative approach, and quantitative data analysis. **Results.** The article concludes that the majority of representatives of national minorities of the "revolutionary turning point" generation were involved in active underground activities between the ages of 16 and 18. About half of them began their activities during the years of the first Russian revolution. It is shown that Latvians and Poles were characterized by a concentration around national social democratic parties. Among Jews, no party had an absolute majority. Georgians were mainly members of Russian political parties. An analysis of revolutionary practices shows that representatives

of the "revolutionary turning point" generation, due to their age, were mainly involved in distributing leaflets and proclamations. Characteristically, the events of 1905-1907 led to their involvement in the strike movement and some in terrorist activities. **Conclusion.** The authors conclude that national minorities of the "revolutionary breakthrough" generation were an important part of the socialist movement. They were predominantly from the urban underclass, and most became involved in underground activities as teenagers. Among the factors that contributed to the radicalization of youth sentiment, the dire financial situation of families stands out. However, the main reason should be considered the social climate itself in the pre-revolutionary and revolutionary years. Representatives of national minorities were characterized by the instability of their political views.

Keywords: "revolutionary breakthrough" generation, national minorities, parties, strike movement, agitation, political prisoners, national question, peasantry, working class.

* Responsible author

For citation: Ippolitov V.A., Yakimov K.A., (2026) National minorities of the "Revolutionary turning point" generation in the Russian revolutionary movement of the early 20th century (based on the materials of The All-union society of political prisoners and exile settlers) In *History: facts and symbols*, 3 (48), 110-119 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-110-119

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 22-18-00132-P, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

Received: 10.11.2026

Revised: 05.12.2026

Article published: 06.17.2026

Published: 10.09.2026

© Ippolitov V., Yakimov K., 2026.

1. Введение

Проблема участия национальных меньшинств в российском революционном движении до сих пор остается одной из малоизученных тем отечественной исторической науки. Для исследований, написанных в советский период, характерна идеологизация и анализ социально-политических процессов исключительно с точки зрения победившей партии [13, 5]. Особенности развития революционного движения на национальных окраинах страны в начале XX века рассматривалась в работах О.В. Будницкого [6], Э.Э. Габараева [10], А.Т. Базарова [4], С.В. Ки-становова [12], С.А. Агуреева и А.А. Болтаревского [2], И.С. Бадирова [3], А.И. Солженицина [14]. Отдельные темы, посвященные межнациональным отношениям в Закавказье, изучались Ф.Р. Джаббаровым [11], А.К. Эюбовым [15] и др. Некоторые аспекты деятельности Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев получили освещение в статьях А.А. Агранова [1], Ю.В. Варфоломеева [7], Н.Ф. Васильева [8]. Несмотря на наличие публикаций по данному вопросу стоит отметить отсутствие обобщающих работ на общероссийском материале по данной теме. Кроме того, неисследованным остается поколенческий аспект участия этнических меньшинств в российском революционном движении.

2. Материалы и методы

Цель настоящего исследования заключается в осуществлении анализа социально-демографических характеристик и изучении содержания революционных практик национальных меньшинств поколения «революционного перелома» в Российской империи в начале XX в. Методологическую базу статьи составили как общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция), так и специально-исторические подходы, в частности историко-сравнительный метод и количественный анализ данных.

Основу источниковой базы настоящего исследования составил биографический справочник «Политическая каторга и ссылка»¹, на материалах которого была создана таблица базы данных в формате Excel. Данный справочник был составлен в 1934 г. на основании материалов личных дел политкаторжан (анкеты, автобиографии, справки и т.д.). В нем содержатся краткие сведения биографического характера о членах Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев (национальность, год рождения, пол, социальное происхождение, партийная принадлежность, уровень образования, годы арестов, места отбывания наказания и др.). Поскольку в фокусе нашего исследования революционеры из числа малых этносов, в таблицу были внесены ключевые социально-демографические характеристики политкаторжан, родившихся в период с 1884 по 1898 гг. за исключением представителей «триединого русского народа».

Кроме того, для нужд настоящего исследования полезным оказалось обращение к материалам фонда личных дел политкаторжан (Ф. 533. Оп. 2), сохранившимся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Особое внимание уделялось анализу автобиографий революционеров, более подробно конкретизирующих и раскрывающих содержание анкетных данных. Вместе с тем авторы учитывали специфику данного вида личного источника, предполагавшегося для публичного ознакомления.

3. Результаты исследования

На момент составления справочника члены Общества из числа национальных меньшинств поколения «революционного перелома» составляли 22,2% (644 человека) от общего количества политкаторжан (2900 человек). При этом их удельный вес внутри самого рассматриваемого поколения был значительно выше. Представители национальных окраин шли в революцию гораздо активнее, чем можно было ожидать, исходя из их общей численности в населении империи. В совокупности 88,2% рассматриваемой когорты составляли евреи (58,4%), латыши (16%) и поляки (13,8%). Столь высокая концентрация объясняется как масштабом этих этносов в структуре империи (в случае евреев и поляков), так и исключительной привлекательностью революционных идей, предлагавших не только социальное, но и национальное освобождение от русификаторской политики имперской власти. Среди остальных национальных групп были грузины (6,6%), армяне (1,7%), эстонцы (0,9%), немцы (0,6%), осетины (0,4%), литовцы (0,4%), греки (0,2%), мордва (0,2%), болгары (0,2%), узбеки (0,2%), финны (0,2%) и чуваша (0,2%). В гендерном составе вполне ожидаемо преобладали мужчины (82%), тогда как женщины составляли менее пятой части рассматриваемой когорты (18%).

Абсолютное большинство радикально настроенных представителей национальных меньшинств были выходцами из городских низов, позиционируя себя в анкетах как мещан (51,2%) и рабочих (27,2%). Принадлежность к рабочему классу на момент написания анкет, несомненно, повышала престиж социального статуса революционера, однако, от общего числа выходцы из рабочего класса составляли чуть более четверти анализируемой выборки. Впрочем, в графе «профессия» процент рабочих оказался значительно выше доли их сословного происхождения и составил 72,3%. Можно предположить, что такой резкий разрыв свидетельствует об интенсивных процессах пролетаризации участников движения, сознательно выбиравших фабрично-заводскую среду для жизни и подпольной работы, а также о закономерном стремлении бывших политкаторжан подчеркнуть свой «правильный» пролетарский статус в большевистском государстве. Доля крестьян в рассматриваемой выборке всего 19,4%, дворян – 1,2%, а выходцев из духовного сословия – 1,1%.

Одним из ключевых факторов, повлиявшим на судьбу политкаторжан, было тяжелое материальное положение их семей. Детство большинства из них проходило в многодетных семьях, в условиях крайней нехватки средств для обеспечения выживания и получения достойного образования. Так, латыш Я.Т. Грудман (1884 г. р.) писал в автобиографии, что родился в

¹ Политическая каторга и ссылка. М.: Издательство Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. С. 15–876.

«многочисленной семье кузнеца-кустаря и с детства испытывал нужду и лишения»¹. Аналогично описывает свои ранние годы жизни грузинский революционер Д.Г. Гогонадзе (1885 г. р.), который сообщал, что он «сын бедного крестьянина, у родителей было много детей и не имелось средств»². В большинстве случаев автобиографии политкаторжан содержали слова «бедность», «нужда», «много детей», «отсутствие средств» и т. д. Негативный опыт, полученный в ранние годы, впоследствии будет играть важную роль в выборе ими революционного пути.

Среди выходцев из крестьян поколения «революционного перелома» преобладали дети батраков или малоземельных земледельцев. Например, революционер из латышей Я.А. Бирзе (1884 г.р.) родился в семье батраков из Лифляндской губернии. Но ситуация в деревне была настолько тяжелой, что его отец уехал в Ригу, где перебивался случайными заработками на заводе, в порту или в крестьянских хозяйствах. Сам будущий политкаторжанин в возрасте 9 лет был отправлен в деревню, где работал пастухом³. Армянин Л.А. Арустамов (1886 г. р.) происходил из многодетной семьи бедного крестьянина, работавшего в основном по найму. После его смерти Арустамов остался «совершенно без средств к существованию» и был вынужден с 7 лет работать на односельчан, «испытыв все прелести кулацкой кабалы». Вскоре из-за безработицы будущий революционер перебрался в город, где смог устроиться телефонистом⁴.

Родители многих политкаторжан формально еще оставались крестьянами, но фактически уже потеряли связи с деревней. Характерен случай латыша Ж.Ф. Скрабе (1884 г. р.), семья которого была, по его словам, из бедных землепашцев. Но его отец работал монтером в Либаве на проволочном заводе⁵. Аграрное перенаселение заставляло крестьян отдавать своих детей на обучение в города, где последним нередко приходилось жить в крайне тяжелых условиях. Сын мелкого арендатора Я.А. Тентер (1885 г. р.) с детства работал пастухом, но затем был отправлен в Ригу в булочное училище⁶. Схожая судьба сложилась у М.А. Левиной-Гуревич (1890 г. р.): дочь земледельца, в 10 лет она уехала в Полоцк на заработки в мастерскую. Освоив ремесло, через три года она вступила в ряды Бунда и стала выполнять различные поручения местной партийной ячейки⁷.

Сравнительно невысоким был образовательный уровень рассматриваемой когорты. У 29,5% политкаторжан образование ограничивалось знаниями, полученными за годы обучения в начальной школе, 31,6% в графе образование указали – «домашнее». Наибольшая доля обучалась в гимназиях или семинариях – 31,8%, высшее образование было всего у 3,3%. Следует заметить, что характерной чертой биографий некоторых революционеров была незавершенность обучения. Нередко причиной исключения являлась революционная активность обучающихся. Например, А.М. Калико (1887 г. р.), еврей по национальности, был исключен из 5 класса реального училища за участие в революционных беспорядках⁸. Уроженец Кутаисской губернии грузин О.М. Цинцадзе (1887 г. р.) был исключен из второго класса духовной семинарии в 1904 г. за организацию ученической демонстрации против русско-японской войны⁹. Похожие примеры в биографиях революционеров были не редкостью.

Впрочем, во многих случаях нехватка средств на продолжение обучения также становилась основанием для исключения из учебного заведения. Бедность большинства политкаторжан не позволяла им получить систематического образования. Так, чуваш И.А. Рычков

¹ Государственный архив Российской Федерации. (ГАРФ). Ф. 533. Оп. 2. Д. 538. Л. 6.

² ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 457. Л. 4.

³ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 181. Л. 5.

⁴ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 68. Л. 31.

⁵ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1853. Л. 21.

⁶ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1989. Л. 4.

⁷ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1101. Л. 5.

⁸ Политическая каторга и ссылка... С. 260.

⁹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. С. 260.

(1889 г. р.) писал, что до 10 лет его не принимали в земское училище, да и после учился он только зимой, поскольку летом занимался полевыми работами¹. Типичным примером является биография Д.Г. Гогонадзе (1885 г. р.), который с трудом окончил двухклассное училище, после чего отправился в Кутаис искать работу². Еврей М.А. Агуф (1890 г.р.) отмечал, что был вынужден прекратить обучение в городском училище вследствие тяжелых материальных обстоятельств семьи³. Уроженка Минской губернии еврейка В.С. Казимировская-Канаевская (1890 г.р.) указала в своей автобиографии, что после обучения в хедере ее родители, занимавшиеся мелкой торговлей и жившие в нужде, не могли позволить продолжить обучение, что стало источником ее революционных настроений⁴.

В начале XX в. модернизационные процессы размывали патриархальные сельские традиции, что в частности, проявлялось в увеличении доли грамотного населения. Представители поколения «революционного перелома», несмотря на сложное материальное положение, демонстрировали настойчивое стремление получить образование и рабочую специальность. Симптоматично, что политкаторжане уделяли этому внимание даже в часто скудных автобиографических сведениях. Выходец из крестьянской семьи крестьянин И.А. Бабилодзе (1885 г. р.) писал, что после окончания сельской школы не мог учиться дальше из-за отсутствия средств. Когда отец предложил ему поступить на обучение в лавку приказчиком, он «с радостью согласился». Позже он подрабатывал в железнодорожной мастерской, где его заставляли убираться дома и в саду. Из-за тяжелых условий труда Бабилодзе несколько раз убегал назад в деревню, пока не устроился работать в типографии⁵. Революционерка из осетин Н.Е. Калоева-Чхиквишвили (1889 г. р.) сумела окончить экстерном городскую гимназию и планировала поступление в университет. Наблюдая студенческие манифестации во Владикавказе, она искренне не понимала: «Что нужно еще этим студентам, ведь они учатся в университете!»⁶ И.Н. Рычков для получения образования уехал к родственникам в Хабаровск, где, помимо обучения в реальном училище, убирал двор, топил печь, возил воду из реки и т. д. Своему дяде он стал «обузой» поэтому приходилось много работать, а за уроки садился в 11 часов вечера, когда, по его словам, «уже физически уставал и мне хотелось спать»⁷.

Отдельный интерес представляет распределение уровня образования внутри различных национальных групп. Например, евреи оказались национальной группой с самым высоким процентом домашнего образования (почти 45%), что отражает исторические ограничения (черта оседлости) и сильные традиции домашнего обучения евреев. У латышей оказалась самая многочисленная группа лиц со средним образованием (около 50%). Среди поляков чаще, чем у остальных национальных групп встречались биографии революционеров с неоконченным средним (8,6%) и неполным высшим образованием (6,2%).

Учитывая тот факт, что в анкетах бывшие политкаторжане указывали год начала подпольной работы, становится возможным реконструировать возраст политической инициации революционеров. Анализ полученных данных показал, что большинство представителей национальных меньшинств поколения «революционного перелома» вовлекались в активную деятельность в возрасте от 16 до 18 лет (57,7%). Второй по численности оказалась группа молодежи от 19 до 21 года – 24%. Радикализации молодежи в этот период способствовало как обучение в высших и средних учебных заведениях, так и отсутствие собственной семьи и связанных с ней социальных обязательств.

¹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1745. Л. 6.

² ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 457. Л. 4.

³ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 15. Л. 3.

⁴ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 790. Л. 5.

⁵ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 89. Л. 4.

⁶ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 806. Л. 4.

⁷ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1745. Л. 6.

Заметную долю составляли те, кто примкнул к революционному движению в детском и раннем подростковом возрасте (до 15 лет) – 15,6%. Нередко это происходило под влиянием антиправительственных настроений старших родственников. Например, латышка Э.Ю. Чанке-Звиргздынь (1888 г. р.) вспоминала о том, как с раннего детства наблюдала за своим отцом, достававшим оружия для революционеров и лично участвовавшим в боях против казаков¹. Самой немногочисленной оказалась доля примкнувших к подпольному движению после 22 лет – 2,7%. При этом среди всех национальных меньшинств самый ранний возраст начала революционной карьеры оказался у наиболее многочисленной этнической группы – евреев (средний возраст – около 17 лет), тогда как, к примеру, у латышей этот показатель оказался выше на 2 года.

Типичной для изучаемого поколения была биография армянина Х.М. Мунтикова (1888 г.р.), который с 15 лет «пустился в водоворот революционного движения». Он сообщал в автобиографии, что жил в Тифлисской губернии, являвшейся центром крестьянского движения в Грузии. Мунтиков с 1903 г. участвовал в подпольных крестьянских и ученических группах. В 1904 г. являлся одним из организаторов ученической забастовки. Затем, в годы первой российской революции, вел агитацию среди рабочих². Родившийся в семье еврея-колониста (земледельца) М.М. Гордон (1887 г. р.) начал свою революционную деятельность в 15 лет, когда принял участие в ученическом бунте. В 1905 г. с 17 лет он систематически посещал конспиративные кружки и стал членом боевой дружины³. Болгарин Д.И. Маджаров (1890 г.р.) писал о том, что уже с 15 лет ощущал себя полноценным революционером, занимаясь политической агитацией в деревне⁴. Ранее упоминавшийся И.А. Бабилодзе начал свою революционную «карьеру» в 17 лет, вступив в 1902 г. в ЛСДРП⁵. Многие члены Общества стремились продемонстрировать максимально ранний возраст формирования своих политических убеждений. Например, латыш М.А. Эглит (1886 г.р.) указал в автобиографии, что хотя в революционном движении он стал принимать участие с 1904 г., уже в 12 лет в его жизни произошел «резкий перелом» как результат знакомства с издававшимся в Латвии радикальным журналом марксистского толка «Ежемесячник»⁶.

Объяснение столь юного возраста вступления национальных меньшинств на революционный путь лежит на стыке специфики самого исторического источника и объективных реалий эпохи. С одной стороны, необходимо учитывать особенности формирования выборки и верификации данных. Заявления в автобиографиях о раннем увлечении левыми идеями, несомненно, повышали статус революционера на момент заполнения анкеты (большинство из них написаны в середине 1920-х гг.). Данные анкет свидетельствуют о том, что фактическое начало подпольной работы зачастую не совпадало с официальной датой вступления в партию, а проверить эти сведения не всегда представлялось возможным. Исторический контекст накладывал свои ограничения на поколение конца XIX в. Вступившие в движение в зрелые годы не удовлетворяли цензу Общества: из-за нехватки времени они не успевали выработать многолетний революционный стаж или пережить четыре года репрессий [9, с. 32]. С другой стороны, зафиксированная тенденция отражает и реальный исторический контекст. Учитывая, что у четверти политкаторжан (24,7%) период политической инициации совпал с событиями 1905–1907 гг., массовое вовлечение молодежи и подростков в революционное движение представляется вполне закономерным.

Отдельный интерес представляет анализ динамики развития революционного движения среди национальных меньшинств (см. диаграмма 1). Неудивительно, что основной приток

¹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 2205. Л. 8.

² ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1332. Л. 4.

³ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 490. Л. 3.

⁴ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1184. Л. 3–3 об.

⁵ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 89. Л. 6.

⁶ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 2356. Л. 3.

представителей рассматриваемого поколения пришелся на 1905–1907 гг. Около половины из них (44,5%) начали оказывать содействие революционной работе именно в это время. Автобиографии революционеров свидетельствуют о том, что революционная обстановка оказала колоссальное влияние на формирование их леворадикальных взглядов.

Диаграмма 1. Динамика развития революционного движения среди национальных групп

Источник: Политическая каторга и ссылка... С. 15–876.

Diagram 1. Dynamics of the Development of the Revolutionary Movement Among National Groups

Source: Political Penal Servitude and Exile... pp. 15–876.

В частности, поляк А.И. Андрушкевич (1890 г. р.) вспоминал, что начал участие в подпольном движении в 1906 г., работая учеником литейного цеха. Позже он напишет: «я нередко замечал шушукание рабочих, но тайны их разгадать не мог». Затем Андрушкевичу попались революционные прокламации, листовки и брошюры, которые он с «жадностью читал»¹. Крестьянин И.А. Бабилондзе находясь в Тифлисе, случайно встретил на улице демонстрацию, скандировавшую лозунги: «Да здравствует свобода!», «Долой самодержавие!» Наблюдая разгон демонстрации казаками, молодой человек полюбозыгрывал у одного из протестующих об их целях. Он сказал ему, что «они социалисты, которые требуют свободы слова, печати, собраний» и предложил самому организовать кружок молодежи².

В то же время если рассматривать отдельные годы, то рекордный показатель пришелся на 1904 г. – 26,8%; также заметна доля примкнувших к революционному движению в 1903 г. – 13,2%. Активизация революционного движения среди национальных меньшинств в 1903–1904 гг. была вызвана волной всеобщей забастовки на Юге России и обострением национального вопроса на окраинах (еврейскими погромами и политикой на Кавказе). Например, осетин И.П. Зазроев (1885 г. р.), работавший санитаром в городе Гянджа, с 1903 г. втянулся в подпольные

¹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 51. Л. 5.

² ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 89. Л. 6.

кружки и начал распространять прокламации¹. Несколько раньше к революционному движению примкнул М.М. Гордон, который в 1901 г. случайно попал на студенческую демонстрацию в Екатеринославе. Подросток избежал наказания за исключением «пары оплеух» от полиции, но познакомился со студентом, который впоследствии привлек его к подпольной деятельности². Еврей С.А. Богуславский (1884 г. р.) вступил в социал-демократическую партию в 1903 г., когда ему было 17 лет, начав с распространения прокламаций, стал участником боев близ Александровска на Екатерининской железной дороге³. В 1908 г. Богуславский был осужден на вечную ссылку в Иркутскую губернию⁴. Последующий период реакции привел к резкому снижению притока новых кадров: после событий 1905–1907 гг. в революционную деятельность включились лишь 10,9% представителей рассматриваемого поколения.

Особого внимания заслуживает сравнение времени включения в революционную деятельность крестьян и представителей городских сословий. Так, если для большей части выходцев из деревни временем начала подпольной деятельности стал 1905 г. (36,1%), то среди мещан и рабочих этот процесс активизировался на год раньше (29,4%). Уроженцы городов нередко отмечали в автобиографиях, что встали на путь борьбы с властью за 1–2 года до начала первой российской революции, нередко акцентируя внимание на осознанности, а не стихийности своих мотивов.

Сопоставление дат инициации революционной работы и последующего ареста служит репрезентативным показателем средней продолжительности непрерывного участия субъектов в протестном движении. Практически половина радикально настроенных представителей национальных меньшинств (43,5%) были привлечены к уголовной ответственности за политические преступления спустя несколько месяцев или год активного участия в подпольной работе. Значительная часть (31,7%) оказывала содействие революционному движению 2–4 года. И лишь немногим (24,8%) удавалось скрываться от ареста 5 и более лет. Среди них часто встречаются люди с высшим образованием или те, кто начинал деятельность еще в конце 1890-х годов, когда репрессивный аппарат имперской власти был менее развит.

Следует заметить, что для многих юных революционеров первичный арест не служил основанием для прекращения антиправительственной деятельности. Более трети представителей рассматриваемого поколения (38,7%) подвергались повторным репрессиям (нередко более двух раз). Это обстоятельство объясняется тем, что первичный арест для несовершеннолетних, как правило, был непродолжительным и ограничивался лишением свободы сроком на несколько месяцев. Очевидно, что данной меры было явно недостаточно для изменения леворадикальных настроений национальных меньшинств, которые в силу молодости были более склонны к романтизации «героического» образа революционера. Многие из них считали себя настоящими борцами с царским режимом, вследствие чего и оказались на каторге. Те, кто был амнистирован до событий Февральской революции 1917 г. (4,6% от общего числа) также практически сразу включились в революционную работу. При этом выходцы из городской среды подвергались повторным арестам чаще (41,1%), чем выходцы из деревни (29,2%), так как после отбывания наказания горожанин возвращался в привычную среду, где его быстро вовлекали обратно в нелегальную работу, тогда как деревня не имела столь тесных и устойчивых связей с партийными комитетами.

Для полноты картины принципиальное значение приобретает анализ партийного состава рассматриваемой когорты. Специфика выборки обусловлена уставными рамками ВОПиС, которые императивно запрещали участие правых (монархических) и центристских (либеральных) элементов. Вследствие этого в фокус анализа попали только левые политические силы. Сум-

¹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 692. Л. 4.

² ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 490. Л. 3.

³ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 206. Л. 3.

⁴ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Л. 3.

марно на социал-демократические организации (РСДРП, ЛСДРП, Бунд, СДКПиЛ) приходится 61,1% всех партийных упоминаний, что отражает преобладание среди национальных меньшинств поколения «революционного перелома» марксистского крыла. Самой многочисленной оказалась доля членов РСДРП (30,2%), причем лишь 1,2% сочли возможным или необходимым указать на свою принадлежность к большевикам. Можно предположить, что значительная часть из них примыкала к меньшевикам, однако, в середине 1920-х гг. престижнее и безопаснее была формулировка «социал-демократ», позволявшая избежать прямого упоминания о своем меньшевистском прошлом.

Вторыми по численности оказались эсеры (15%), что во многом объясняется как значительным количеством выходцев из крестьянских семей среди революционеров, так и привлекательностью эсеровской программы в вопросах национального самоопределения окраин. Заметными оказались доли анархо-коммунистов (12,5%) и анархистов (1,8%). Учитывая пестрый национальный состав, анализируемый когорты, неудивительно, что около половины из них были членами различных национальных революционных организаций: Бунд (14,7%), ЛСДРП (12,9%), ППС (7,2%), СДКПиЛ (3,3%), Поалей Цион (1,4%), СЕРП (1%).

Распространенным явлением в революционной карьере исследуемых политкаторжан были случаи перехода из одной леворадикальной организации в другую. Практически каждый шестой революционер (17,3%) менял в течение своей подпольной работы партийную организацию. В большинстве случаев подобное поведение было связано с попытками скрыться от преследований царской охранки, однако, в некоторых случаях объяснялось и осознанным выбором, обусловленным трансформацией политических взглядов. По всей видимости, на начальном этапе молодые революционеры часто не имели четко оформленных партийных убеждений, а членство в конкретной организации в большей степени выражало их общий оппозиционный настрой. Характерным примером был революционный путь И.А. Зазроева, который начинал в социал-демократических кружках, затем примкнул к эсерам, а после амнистии связал свою судьбу с большевиками¹. Идеиная флюидность была порождением самой атмосферы революционного движения, когда возникало множество радикальных течений, объединенных исключительно неприязнью к существовавшему строю. И.А. Рычков утверждал, что в 1906 г. в Хабаровском реальном училище нелегальная группа распалась на три кружка: эсеровский, эсдековский и анархистский. Сам автор в тот период увлекался анархистскими идеями М. Штирнера, но затем примкнул к эсерам². А.И. Андрушкевич вспоминал, что в годы первой российской революции неоднократно присутствовал на спорах между социал-демократами и эсерами³.

Обратим внимание на процентное соотношение партий внутри наиболее многочисленных национальных групп анализируемой когорты (см. таблицу 1). Как видим, латыши и поляки демонстрируют высочайшую концентрацию вокруг национальных социал-демократических партий: 75,7% латышей состояли в ЛСДРП, а 72,1% поляков – в ППС или СДКПиЛ. Эти цифры свидетельствуют о том, что революционное движение в Прибалтике и Польше имело ярко выраженный национально-территориальный характер. В отличие от них еврейская выборка выглядит более неоднородной. Ни одна партия у евреев не имела абсолютного большинства. Среди грузин и вовсе все бывшие политкаторжане были членами российских политических партий. Подобное распределение отражает высокую степень интеграции еврейской и грузинской молодежи в общероссийское революционное движение.

¹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 692. Л. 4.

² ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1745. Л. 9.

³ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 51. Л. 5.

Таблица 1. Партийные доли внутри национальных групп (в%)**Источник:** Политическая каторга и ссылка... С. 15–876**Table 1.** Party shares within national groups (in %)**Source:** Political Penal Servitude and Exile... pp. 15–876

Партии	Евреи	Латыши	Поляки	Грузины
РСДРП	29,5	22,7	17,1	78,6
ПСР	18,1	0,9	4,3	21,4
Бунд	25,8	0	1,1	0
ЛСДРП	0,8	75,5	1,1	0
Анархо-коммунисты / местные анархистские группы	20,2	0,9	4,3	0
СДКПиЛ	0,2	0	23,7	0
СЕРП	0,7	0	0	0
Поалей Цион	3,1	0	0	0
ППС	1,6	0	48,4	0
Всего	100	100	100%	100

Содержание революционных практик свидетельствуют о том, что поводом для ареста представителей национальных меньшинств в большинстве случаев являлось членство в лево-радикальной организации, а также политическая агитация, хранение и распространение запрещенной литературы. Например, А.И. Андрушкевич, после того как «получил доверие партии», стал распространять прокламации среди рабочих завода. Позднее в автобиографиях революционеры нередко подчеркивали свою изобретательность в ведении пропаганды¹. Так, Л.А. Арустамов рано утром раскладывал прокламации в ящики мастеров завода, причем его никак не могли выследить. По его словам, «мастера находили эти прокламации, начинали ругаться и браниться, но все равно читали их»². Для ведения массовой пропаганды особую ценность представляли рабочие типографий, которые могли снабжать партийные ячейки необходимым оборудованием. Например, И.А. Бабилодзе доставал материалы для тайной типографии, за что и был арестован. В 1905 г. революционер был вновь задержан в нелегальной типографии, где к тому же хранились 2 бомбы. За данные преступления Бабилодзе получил вечную ссылку в Сибирь³.

Из-за принадлежности к революционному движению молодых людей часто увольняли с работы и некоторые переходили к агитации в деревне. Член партии «гначкистов» (армянские социал-демократы) Л.А. Арустамов, устроившись на работу у местного кулака, начал пропаганду среди крестьянства, собирая сходки. Но вскоре на него донесли, и после угроз земского начальника Арустамов уехал в Баку⁴. Бывший латышский крестьянин Р.Ф. Скамон (1888 г. р.) в 1911 г. руководил забастовкой на одном из рижских заводов. Молодой социал-демократ возглавил стачечный комитет, который организовал раздачу пособий нуждающимся. Однако вскоре все 10 участников комитета были обвинены в убийстве штрейхбрекера. После двух лет тюрьмы Скамон получил наказание в виде 15-ти лет каторги⁵.

Многие представители национальных меньшинств были осуждены за тяжкие преступления, какие как хранение оружия. Так, грузинская революционерка С.В. Мартиросова (1884 г.

¹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 89. Л. 6.² ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 68. Л. 32.³ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 89. Л. 6.⁴ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 68. Л. 33.⁵ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1844. Л. 3.

р.) с 1905 г. занималась изготовлением поддельных паспортов, складировала у себя на квартире оружие и взрывчатые вещества¹. Я.А. Бирзе в 1906 г. получил указание от руководства ЛСДРП на получение и хранение оружия. В результате доноса на его квартире прошел обыск, были найдены 10 пистолетов «Маузер» и 11 пудов патронов от винтовки той же системы. За данное преступление Бирзе получил 6 лет каторги².

Радикалы из поколения «революционного перелома» в начале XX в. стали активными организаторами ученического и стачечного движения. Упомянутый уже Рычков приводил в своей автобиографии случай, когда учащиеся, узнав о манифесте 17 октября 1905 г., устроили шествие с красными флагами по центральной улице Хабаровска к дому генерал-губернатора. Через год активиста за революционную деятельность исключили, но после недельной забастовки старших классов он был восстановлен³. Армянин, выходец из деревни И.А. Довлатов (1887 г. р.) принимал участие в ученической организации, затем, будучи токарем, в стачечном комитете Общебакинского района⁴.

Среди революционеров были и те, кто принимал участие в терроре против власти. Например, поляк Б.М. Карлевич (1890 г.р.) в 1908 г. был осужден на 20 лет каторги за покушение на убийство полицейского надзирателя и агента сыскного отделения. Молодой человек вместе с группой единомышленников попытались помешать задержанию своего товарища, в результате чего были произведены выстрелы из револьвера в представителей власти, которые при этом не пострадали. Карлевич входил в так называемый «союз пекарей» для организации отпора полиции. Впоследствии в Обществе политкаторжан долго разбирались с его делом, так как были сведения, что Карлевич после ареста давал признательные показания⁵. За покушение на убийство земских стражников к смертной казни, замененной бессрочной каторгой, был приговорен поляк Я. А. Дзядчик (1887 г. р.)⁶.

Революционеры в своих автобиографиях, как правило, не акцентировали внимание на национальном вопросе в Российской империи. Сознательно избегая «опасных» тем, политкаторжане в своих автобиографиях подчеркивали свои заслуги в протестном движении и последующие тюремные испытания. Тем не менее, в воспоминаниях революционеров не осталась без внимания такое масштабное событие как «армяно-татарская резня» в 1905 г. (татарами в Закавказье в это период называли азербайджанцев). Оставивший обширную автобиографию Л.А. Арустамов, утверждал, что в феврале 1905 г. капиталисты с помощью правительства сознательно провоцировали национальные конфликты для отвлечения рабочих от борьбы за свои права. По его данным, «эта резня была настолько неожиданной, что наша партия не знала об этом и не могла подготовиться». Революционер подчеркивал, что непрочный мир, заключенный при посредничестве «попов и мулл», через 5-6 месяцев был вновь нарушен из-за провокаций жандармов⁷.

Одним из факторов радикализации части еврейской молодежи выступал систематический характер еврейских погромов, происходивших в Российской империи. В этих условиях мотивом для ухода в подполье часто становилась не привлекательность леворадикальной идеологии, а необходимость физического выживания и защиты. Именно через создание боевых отрядов самообороны некоторые евреи вовлекались в нелегальную деятельность, быстро попадая в поле зрения полиции. Так, А.А. Абрамович (1886 г. р.) свой первый арест получил не за пар-

¹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1216. Л. 4.

² ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 181. Л. 5.

³ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1745. Л. 11.

⁴ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 617. Л. 3.

⁵ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Л. 14

⁶ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 68. Л. 36.

⁷ Политическая каторга и ссылка... С. 190.

⁷ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 68. Л. 36.

тийную пропаганду, а за участие в защите населения от погромщиков¹. Для А.Я. Лабушинского (1886 г. р.) из Калишской губернии революционный путь в Бунде начался со сбора средств на закупку оружия для таких же подпольных отрядов². Член Бунда А.З. Шварц (1888 г. р.) в период революционных потрясений самостоятельно руководил боевой дружиной самообороны в местечке Ново-Мышь³.

4. Заключение

Таким образом, проведенное исследование показало, что национальные меньшинства поколения «революционного перелома» являлись важной составной частью левого крыла российского революционного движения. Несмотря на заметное преобладание евреев, среди них были представлены практически все этнические группы Российской империи. В социальном же срезе преобладали выходцы из городских низов, тогда как крестьяне примыкали к революционному движению, как правило, на несколько лет позже и нередко уже в городской среде, куда многие из них отправлялись в поисках альтернативного источника дохода. Большинство участников включились в подпольную деятельность в подростковом возрасте. Среди факторов радикализации настроений молодежи следует выделить тяжелое материальное положение семей, влияние антиправительственных настроений старших родственников и, разумеется, саму обстановку предреволюционных и революционных лет. Однако были и те, для кого национальный вопрос стал определяющим в формировании политических взглядов и антиправительственных настроений.

Большинство представителей анализируемой выборки являлись членами леворадикальных групп марксистского толка. Частые переходы из одной политической организации в другую были вызваны как несформированностью их политических взглядов в силу юности и низкого образовательного уровня, так и спецификой подпольной работы, сопряженной с постоянной угрозой ареста и необходимостью скрываться от преследований властей. И хотя большинство революционеров занимались агитационной и пропагандистской работой, некоторая часть из них принимала непосредственное участие в террористической деятельности.

Список источников и литературы

1. Агранов, А. А. (2026). *Северо-Кавказское краевое отделение общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев* // Научный диалог. Т. 15. № 1. С. 366-382. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-366-382.
2. Агуреев, С. А., Болтаревский, А. А. (2020). *Проблемы развития национального движения в Польше в 1905-1917 годах* // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». № 38(2). С. 68-74. DOI: 10.25688/2076-9105.2020.38.2.07.
3. Багирова, И. С. (1997). *Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века (1900-1917)*. Баку: Елм. 336 с.
4. Базаров, А. Т. (2018). *К вопросу о роли евреев в анархистском движении накануне революции 1905-1907 в Российской империи* // Вестник Московского университета. Серия 8: История. № 6. С. 41-61.
5. *Борьба за Советскую власть в Прибалтике* (1967). М.: Наука. 627 с.
6. Будницкий, О. В. (2005). *Евреи и революция 1905 года в России: Встреча с народом* // Неприкосновенный запас. №6 (44). С. 99-104.
7. Варфоломеев, Ю. В. (2009). *«Редущая старая гвардия недаром объединилась в рядах Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев»: краткий очерк истории Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев неизвестного автора из фондов ГА*

¹ Политическая каторга и ссылка... С. 16-17.

² Политическая каторга и ссылка... С. 344.

³ Политическая каторга и ссылка... С. 720-721.

РФ // Освободительное движение в России. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Издательство Саратовского университета. С. 142-148.

8. Васильева, Н. Ф. (2024). *Землячества всесоюзного общества бывших политкаторжан: состав и деятельность* // Шестнадцатые байкальские социально-гуманитарные чтения. Материалы чтений. Иркутск: Издательство ИГУ. С. 15-21.

9. *Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Образование, развитие, ликвидация 1921–1935.* (2004). М.: Звенья. С. 32.

10. Габараева, Э. Э. (2012). *Южная Осетия в период первой русской революции* // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. № 26. С. 25-34.

11. Джаббаров, Ф. Р. (2017). *Власти Российской империи и армяно-азербайджанский конфликт* // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Т. 62. Вып. 3. С. 449–462. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.302.

12. Кистанов, С. В. (2015). *Партия социалистов-революционеров на территории современной республики Мордовия* // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 1-1(51). С. 76-80.

13. Оганджян, Ш. Б. (1975). *Революционное движение молодежи Закавказья (1890-е гг. – 1917 г.)*. Ереван: Айастан. 298 с.

14. Солженицын, А. И. (2001). *Двести лет вместе (1795–1995). Часть первая*. М.: Русский путь. 512 с.

15. Эюбов, А.К. (2009). *Тактика «Дашнакцутюн» в период армяно-азербайджанского конфликта 1905 года* // Исторические науки. № 6. С. 28-32.

16. *Государственный архив Российской Федерации. (ГАРФ)*. Ф. 533. Оп. 2.

17. *Политическая каторга и ссылка*. М.: Издательство Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. 878 с.

References

1. Agranov, A. A. (2026). *Severo-Kavkazskoe kraevoe otdelenie obshchestva byvshih politkatorzhan i ssyl'nposelencev* [North Caucasus Regional Branch of the Society of Former Political Prisoners and Exiled Settlers] in *Nauchnyj dialog*, 15, 1, 366-382. (in Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-366-382.

2. Agureev, S. A., Boltarevsky, A. A. (2020). *Problemy razvitiya nacional'nogo dvizheniya v Pol'she v 1905-1917 godah* [Problems of the Development of the National Movement in Poland in 1905-1917] in *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*, 38(2), 68-74. DOI: 10.25688/2076-9105.2020.38.2.07. (in Russian).

3. Baghirova, I. S. (1997). *Politicheskie partii i organizacii Azerbajdzhana v nachale XX veka (1900-1917)* [Political parties and organizations of Azerbaijan at the beginning of the twentieth century (1900-1917)]. Baku: Elm. (in Russian).

4. Bazarov, A. T. (2018). *K voprosu o roli evreev v anarhistском dvizhenii nakanune revolyucii 1905-1907 v Rossijskoj imperii* [On the Role of Jews in the Anarchist Movement on the Eve of the Revolution of 1905-1907 in the Russian Empire] in *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*, 6, 41-61. DOI: 10.32532/0869-639X.2018.6.41.61. (in Russian).

5. *Bor'ba za Sovetskuyu vlast' v Pribaltike* [The Struggle for Soviet Power in the Baltics]. Moscow: Nauka. 1967. (in Russian).

6. Budnitsky, O. V. (2005). *Jews and the 1905 Revolution in Russia: Meeting with the People* [Jews and the 1905 Revolution in Russia: Meeting with the People] in *Neprikosnovenny zapas*, 6, 99-104. (in Russian).

7. Varfolomeev, Yu. V. (2009). «*Redeyushchaya staraya gvardiya nedarom ob'edinilas' v ryadah Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'nposelencev*»: *kratkij ocherk istorii Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'nposelencev neizvestnogo avtora iz fondov GA RF* ["It was

not without reason that the thinning old guard united in the ranks of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers": a brief essay on the history of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers by an unknown author from the collections of the State Archives of the Russian Federation] in: *Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii. Mezhevuzovskij sbornik nauchnyh trudov*. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 142-148. (in Russian).

8. Vasilyeva, N. F. (2024). *Zemlyachestva vsesoyuznogo obshchestva byvshih politkatorzhan: sostav i deyatel'nost'* [Fellowships of the All-Union Society of Former Political Prisoners: Composition and Activities] in *Shestnadcatye bajkal'skie social'no-gumanitarnye chteniya. Materialy chtenij*. Irkutsk: Izdatel'stvo IGU, 15-21. (in Russian).

9. *Vsesoyuznoe obshchestvo politkatorzhan i ssyl'noposelencev. Obrazovanie, razvitie, likvidatsiya 1921–1935* [All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers. Formation, Development, Liquidation 1921–1935]. Moscow: Zven'ya. (in Russian).

10. Gabaraeva, E.E. (2012) *Yuzhnaya Osetiya v period pervoj russkoj revolyucii* [South Ossetia during the First Russian Revolution] in: *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodyh uchenykh*, 26, 25-34. (in Russian).

11. Jabbarov, F. R. (2017) *Vlasti Rossijskoj imperii i armyano-azerbajdzhanskij konflikt* [The Authorities of the Russian Empire and the Armenian-Azerbaijani Conflict] in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija*, 62, 3, 449–462. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.302. (in Russian).

12. Kistanov, S. V. (2015) *The Socialist Revolutionary Party on the Territory of the Modern Republic of Mordovia* [The Socialist Revolutionary Party on the Territory of the Modern Republic of Mordovia] in: *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Theoretical and Practical Issues*, 1-1(51), 76-80. (in Russian).

13. Oganjanyan, Sh. B. (1975). *Revolucionnoe dvizhenie molodezhi Zakavkaz'ya (1890-e gg. – 1917 g.)* [The revolutionary youth movement of Transcaucasia (1890s – 1917)]. Yerevan: Ajastan. (in Russian).

14. Solzhenitsyn, A. I. (2001). *Dvesti let vmeste (1795–1995). Chast' pervaya* [Two Hundred Years Together (1795–1995). Part One.]. Moscow: *Russkij put'*. (in Russian).

15. Eyubov, A. K. (2009) *Taktika «Dashnakutyun» v period armyano-azerbajdzhanskogo konflikta 1905 goda* [Tactics of Dashnaktsutyun during the Armenian-Azerbaijani conflict of 1905] in *Istoricheskie nauki*, 6, 28-32. (in Russian).

16. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. (GARF)* [State Archives of the Russian Federation], f. 533, op. 2.

17. *Politicheskaya katorga i ssylka* [Political penal servitude and exile]. Moscow: *Izdatel'stvo Vsesoyuznogo Obshchestva politkatorzhan i ssyl'noposelencev*, 1934. (in Russian).

Вклад авторов

К.А. Якимов: получение данных для анализа, анализ полученных данных, написание текста рукописи;

В.А. Ипполитов: обзор публикаций по теме статьи.

Author Contributions

К.А. Yakimov: data acquisition, data analysis, manuscript writing;

В.А. Ippolitov: review of publications on the topic of the article.

«ЗОЛОТОЙ ВЕК» ОДНОДВОРЦЕВ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В УСАДЕБНОЙ СРЕДЕ ЮГА ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА

К.Б. Кудланов

*Курская академия государственной и муниципальной службы,
ул. Станционная, д. 9, Курск, 305044,
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
ул. Коммунаров, д. 28, Елец, 399770*

Аннотация

Введение. Статья посвящена анализу уровня благосостояния и социальной дифференциации однодворцев юга Центрального Черноземья (далее – ЦЧ) по данным описей имущества сер. XVIII века. Цель исследования заключается в выявлении структуры расслоения среди потомков мелких служилых людей и определении их причин. **Материалы и методы.** Источниковую базу составили материалы фонда Р30 Государственного архива Курской области (далее – ГАКО), а также фондов 1055 и 1059 Российского государственного архива древних актов (далее – РГАДА). Методология исследования основана на сочетании макро- и микроисторического, сравнительно-исторического и статистического методов. Для количественной оценки имущественного положения использованы критерии И.Д. Ковальченко и Л.В. Милова, а также теоретические построения А.В. Чаянова о демографической дифференциации крестьянских хозяйств. Изучаемая проблематика имеет обширную историографическую традицию, что позволяет сопоставить полученные результаты с выводами предшественников. **Результаты.** На основе анализа 91 однодворческого хозяйства Курского края разработана пятиуровневая имущественная классификация потомков мелких служилых людей по числу рабочих лошадей: бедные (0–1 лошадь) – 11,1%; середняки (2–3) – 18,9%; зажиточные (4–5) – 44,4%; богатые (6–8) – 14,4%; сверхбогатая элита (9 и более) – 11,1%. Среднее число лошадей на двор составило 6,4, что более чем вдвое превышает порог хозяйственной устойчивости, установленный Л.В. Миловым. Выявлена прямая корреляция между количеством изб, наличием светлиц и поголовьем скота. Установлена специализация хозяйств (конезаводческая, свиноводческая, овцеводческая, молочно-мясная), что свидетельствует о высоком уровне товарности. **Заключение.** Исследование подтверждает, что середина XVIII в. для однодворцев юга ЦЧ являлась «золотым веком» – временем их наивысшего экономического расцвета и благосостояния. Доминирование зажиточных хозяйств (70% с 4 и более лошадьми) при небольшой доле бедных (11,1%) свидетельствует не об острой поляризации, а о массовой зажиточности. Имущественная дифференциация имела преимущественно естественный, демографически обусловленный характер (в интерпретации А.В. Чаянова), а не являлась следствием классовой эксплуатации. В исследуемый период капиталистические отношения наслаивались на феодальные институты, а массовая зажиточность определялась комплексом социально-экономических, демографических и духовно-политических факторов, что исключало острую поляризацию сословия.

Ключевые слова: однодворцы, потомки мелких служилых людей, скотообеспеченность, имущественная дифференциация, социальная стратификация, Курский край, Центральное Черноземье.

Для цитирования: Кудланов К.Б. (2026). «Золотой век» однодворцев: экономический потенциал и социальная стратификация в усадебной среде юга Центрального Черноземья в середине XVIII века // История: факты и символы. 2026. № 3 (48). С. 135-151 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-135-151

Финансирование: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 25-28-01973) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина», <https://ias.rscf.ru/user/doc/a.w.p.2025.118.main/24191771>

Конфликт интересов: К.Б. Кудланов – научный сотрудник учредителя журнала ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина», что не повлияло на решение опубликовать эту статью. Автор и редакция заявляют об отсутствии конфликта интересов

Статья поступила: 08.02.2026

Статья принята в печать: 12.05.2026

Статья опубликована: 10.09.2026

© Кудланов К., 2026.

THE "GOLDEN AGE" OF THE SINGLE-COURT PEOPLE: ECONOMIC POTENTIAL AND SOCIAL STRATIFICATION IN THE MANOR ENVIRONMENT IN THE SOUTH OF CENTRAL CHERNOZEM REGION IN THE MID-18TH CENTURY

K.B. Kudlanov

*Kursk Academy of State and Municipal Service,
st. Stationnaya, 9, Kursk, 305044,
Bunin Yelets State University,
28 Kommunarov St., Yelets, 399770*

Abstract

Introduction. The article analyzes the level of welfare and social differentiation of the single-court people (smallholders, descendants of military service people) in the south of the Central Chernozem Region (hereinafter – CCR) based on property inventories of the mid-18th century. The aim of the study is to identify the structure of property stratification among the descendants of minor military service people and to determine its causes. **Materials and Methods.** The source base comprised materials from fond R30 of the State Archive of the Kursk Region (hereinafter – GAKO), as well as fonds 1055 and 1059 of the Russian State Archive of Ancient Acts (hereinafter – RGADA). The research methodology is based on a combination of macro- and micro-historical, comparative-historical and statistical methods. For the quantitative assessment of property status, the criteria of I.D. Kovalchenko and L.V. Milov were used, as well as the theoretical constructs of A.V. Chayanov on the demographic differentiation of peasant farms. The problem under study has an extensive historiographical tradition, which makes it possible to compare the obtained results with the conclusions of predecessors. **Results.** Based on the analysis of 91 single-court households in the Kursk region, a five-level property classification of single-court people by the number of work horses has been developed: poor (0–1 horse) – 11.1%; middle (2–3) – 18.9%; prosperous (4–5) – 44.4%; wealthy (6–8) – 14.4%; super-wealthy elite (9 and more) – 11.1%. The average number of horses per household was 6.4, which is more than twice the threshold of economic sustainability established by L.V. Milov. A direct correlation has been identified between the number of izbas, the presence of upper rooms (svetlitsy), and livestock numbers. Specialization of farms has been established (horse-breeding, pig-breeding, sheep-breeding, dairy-meat), indicating a high level of marketability. **Conclusion.** The research confirms that the mid-18th

century was a "golden age" for the single-court people of the south of the Central Chernozem Region – a time of their highest economic prosperity and welfare. The dominance of prosperous farms (70% with 4 or more horses) with a small proportion of the poor (11.1%) indicates not an acute polarization, but rather mass prosperity. Property differentiation was predominantly natural and demographically determined (in the interpretation of A.V. Chayanov), rather than a consequence of class exploitation. During the period under study, capitalist relations were layered upon feudal institutions, and mass prosperity was determined by a complex of socio-economic, demographic and spiritual-political factors, which excluded acute polarization of the estate.

Keywords: single-court people, smallholders, descendants of military service people, livestock provision, property differentiation, social stratification, Kursk region, Central Chernozem Region

* Responsible author

For citation: Kudlanov K.B. (2026) The "Golden age" of the single-court people: economic potential and social stratification in the manor environment in the South of Central Chernozem region in the mid-18th century In *History: facts and symbols*, 3 (48), 135-151 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-135-151

Acknowledgments: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (No. 24-18-20073), <https://rscf.ru/project/24-18-20073/>

Conflict of interest: K.B. Kudlanov is a research fellow at the journal's founder, Bunin Yelets State University, which did not influence the decision to publish this article. The author and the editors declare no conflict of interest

Received: 11.03.2026

Revised: 12.05.2026

Published: 10.06.2026

© Kudlanov K., 2026

1. Введение

Начавшийся в Петровское время раскол в благосостоянии между помещиками и их крестьянами не был свойственен исключительно этим двум сословиям. Подобный процесс, который традиционно в Отечественной историографии именуется «имущественной дифференциацией» [21, с. 201] протекал уже в сер. XVIII в. и в среде однодворцев.

Из-за того, что упомянутый термин на протяжении XVII–XIX вв. претерпел существенную эволюцию, необходимо предварительно уточнить его значение. Итак, в XVII в., однодворец – это служилый человек, проживавший «одним двором», т.е. без крестьян [4, с. 44]. Однако после реформ Петра I по введению подушной подати в пер. четв. XVIII в., этот термин закрепился за целым сословием, сформированным из значительной части служилых людей «по отечеству» (детей боярских) и абсолютного большинства служилых людей «по прибору» (казаков, стрельцов, пушкарей, рейтаров, драгунов и др.) [3, с. 27]. Несмотря на то что со временем граница между ними постепенно стиралась, с XVIII по пер. пол. XIX в. в среде потомков мелких служилых людей продолжали выделяться эти две упомянутые группы. Индикаторами их различий выступали: владение однодворческими крестьянами; количество четвертной земли [2, с. 55]; название селений одноимённых фамилиям там проживавшим и др.¹.

¹ Однако со временем эти признаки утрачивали свою определённую. Переход с подворного на подушное налогообложение в 1719 г. изменил принцип привязки четвертной земли, «пересчитав» её на податные души [3, с. 96–97]. Этот процесс закрепила Межевая инструкция 1766 г., запретив продажу четвертных земель [4, с. 44]. Таким образом, четвертная земля перестала быть объектом манипуляций, превратившись в фискально-наследственное владение [15, с. 110]. Что же касается однодворческих крестьян, то право владеть ими, будучи формально привилегией «верхов» сословия, на практике при определённых условиях (богатство, родство, служба) могло распространяться и на другие слои однодворцев [26, с. 84–85].

В однодворческой среде существовали различные переходные и маргинальные прослойки. Так, в период петровских преобразований было зафиксировано сословие «старых служб служилых людей» [19, с. 95]. Оно включало тех, кто по разным причинам не был причислен к однодворцам сразу, но впоследствии вошёл в их состав.

Однодворцы были локально-массовым явлением. В масштабах всей империи по 3 ревизии 1761–1767 гг. они составляли менее 5% населения, однако более 85% от всех однодворцев страны было сосредоточено на юге ЦЧ, где их доля превышала 50% от всего населения [2, с. 3].

Внутри сословия выделялись и зависимые от однодворцев слои – совокупность трёх малочисленных категорий населения (однодворческие крестьяне, однодворческие дворовые люди, однодворческие малороссияне). Все они находились в личной (крепостной) собственности однодворцев и отличались особыми правовыми ограничениями [1, с. 57]. С 1841 г. они начали выкупаться государством с переводом в государственные крестьяне, что завершилось к 1851 году [22, с. 336].

Кстати, в ходе реформы П.Д. Киселёва (1837–1841 гг.), в это же самое ведомство включались и сами однодворцы¹. В 1837 г. казённые деревни из Министерства финансов перешли в новообразованное Министерство государственных имуществ [6, с. 38], что фактически означало включение однодворцев в казённое ведомство и завершения процесса их административной интеграции.

Наконец, закон от 24 ноября 1866 г.² юридически оформил переход бывших однодворцев в сословие государственных крестьян. Однако за ними сохранилось обиходное название «четвертные крестьяне»³. Кстати, последних и в посл. четв. XIX в. на юге ЦЧ всё ещё наблюдалось значительное количество [24, с. 89].

Таким образом, эволюция однодворцев прошла четыре ключевых этапа: в XVII в. они представляли собой самостоятельное служилое сословие, не приравненное к тяглому населению; в пер. четв. XVIII в. началась их фискальная интеграция в разряд государственных крестьян; во второй четв. XIX в. завершилось их административное слияние с казённой деревней; и, наконец, к 1866 г. оформился их юридический переход в сословие государственных крестьян.

2. Материалы и методы

Методологическая основа исследования строится на сочетании общенаучных и специально-исторических подходов. Применение макроисторического анализа позволило выявить общие закономерности имущественной дифференциации в среде однодворцев. Микроисторический подход предоставил возможность включить конкретный материал по экономическому положению служилых фамилий в широкий исторический контекст. Сравнительно-исторический и статистический методы использовались для выявления уровня имущественного положения однодворцев. Ключевым инструментом количественного анализа послужили критерии, разработанные в трудах И.Д. Ковальченко (порог зажиточности – наличие более трёх голов рабочего скота) и Л.В. Милова (порог хозяйственной устойчивости – 2–3 лошади), а также типология крестьянских хозяйств А.В. Чаянова, основанная на демографической дифференциации (размер и состав семей).

¹ И хотя последние и были приписаны к податному сословию и приравнены к государственным крестьянам ещё при Петре I (через введение подушной подати), но до третьей четв. XIX в. они продолжали официально именоваться и учитываться отдельно.

² «Положение о поземельном устройстве государственных крестьян».

³ Этот термин отражал их важнейшую особенность – наследственное (а после 1866 г. – частное) право на землю, которое коренным образом отличало их от остальных казённых крестьян, владевших землёй на общинном праве.

Научная новизна настоящего исследования заключается в детальном сравнительном анализе имеющегося в нашем распоряжении массива информации (синтезированного и архивного) по наличию скота у всех слоёв однодворцев юга ЦЧ в сер. XVIII века.

Основой для этого анализа послужили материалы, собранные к.и.н., доцентом Ф.И. Лаппо, который проделал трудоёмкую работу по подборке данных в фонде 1059 «Дела вотчинных правлений имений в разных губерниях» РГАДА¹. Из разрозненных архивных источников он свёл данные в одну общую статистическую таблицу, посвящённую имущественному положению однодворцев нескольких уездов Курского края в сер. XVIII века. Этот черновик находится в личном фонде Ф.И. Лаппо в ГАКО. Столь глубокая архивная проработка предшественника позволяет нам сосредоточиться на анализе и исторической интерпретации данных.

Помимо этого, в исследовании мы будем обращаться к оригиналам двух документов фонда 1055 «Однодворческие канцелярии, правления и управители» РГАДА, опубликованных Н.К. Ткачевой в статье «К истории крестьян-однодворцев в XVIII веке»². Наличие этих подлинников³ до сих пор привлекает внимание исследователей. И это несмотря на устаревшую теоретическую базу работы, выполненную в духе «классовой борьбы». Означенные Приложения Н.К. Ткачёвой мы синтезировали в таблицу, для которой также был проведён детальный анализ.

В этом плане полученные результаты органично продолжают многолетнюю историографическую традицию. Ведь тема имущественного положения по скоту и дифференциации в среде однодворцев привлекала внимание исследователей на разных этапах развития Отечественной исторической науки. Даже неполный список авторов, затрагивавших означенный вопрос, довольно-таки внушителен. Так, в дореволюционный период ею занимались Н.П. Павлов-Сильванский [16, с. 232–233, 249–250, 263], И.Н. Миклашевский [12, с. 96], Н.А. Благовещенский [3, с. 39], В.И. Семевский [22, с. 245–247] и Н.А. Добротворский [5, с. 182]. В советское время эти вопросы разрабатывали В.И. Недосекин [14, с. 110, 113], В.М. Проторчина [18, с. 113, 129], М.Г. Рабинович [19, с. 95, 100], А.Г. Слюсарский [23, с. 384–388], А.Л. Шапиро [29, с. 20–21], Н.К. Ткачева [27, с. 281–299], В.П. Загоровский [7, с. 133] и Ф.И. Лаппо [10, с. 236]. Среди современных авторов следует выделить Д.А. Ляпина [11, с. 47, 50], А.А. Колупаева [9, с. 145], А.Ю. Рощупкина [20, с. 82], а также ряда других.

В целом совокупность представленного выше опубликованного и архивного материалов вполне предоставляет возможность реалистично оценить уровень благосостояния однодворцев, товарность их животноводства, а также имущественного расслоения потомков мелких служилых людей в сер. XVIII века.

3. Результаты

Переходя к эмпирическому материалу настоящего исследования, прежде всего обратимся к обобщённой таблице, представленной ниже. Она составлена нами на основе упомянутых наработок Ф.И. Лаппо.

¹ В упомянутом обширном комплексе управленческой документации, сведения об однодворцах, в том числе об их имущественном положении, встречаются лишь фрагментарно, что делает их выявление чрезвычайно трудоёмким.

² Эта статья была опубликована в журнале Главного архивного управления при Совете Министров СССР «Советские архивы». С недавнего времени она была размещена и в сети Интернет.

³ Это заверенные копии документов РГАДА датируемые 1761 годом. Первый представляет собой «Опись имущества, крепостных крестьян и дворовых людей однодворца деревни Экстали Тамбовского уезда Петра Романова сына Белевитинова», а второй – «Опись имущества однодворца деревни Ольшанки Тамбовского уезда Василия Серебрякова». Их оригиналы находятся в: РГАДА. Ф. 1055. Оп. 1. Д. 861. Л. 1–6.

Таблица № 1. Итоговая сводка имущественного положения 91 однодворческого хозяйства, которые проживали в различных селениях Курского края в сер. XVIII века.

Источник: ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19, составлен по: РГАДА. Ф. 1055. Оп. 1. Д. 353. Л. 45; Д. 354. Л. 3, 7; 8; Д. 355. Л. 4; Д. 356. Л. 5; Д. 357. Л. 5; Д. 358. Л. 4; Д. 359. Л. 8; Д. 360. Л. 7; Д. 362. Л. 5; Д. 363. Л. 16, 36; Д. 365. Л. 1, 5; Д. 367. Л. 6, 12; Д. 368. Л. 12; Д. 370. Л. 7; Д. 371. Л. 7; Д. 373. Л. 5; Д. 374. Л. 5; Д. 376. Л. 3; Д. 377. Л. 1, 4; Д. 379. Л. 1; Д. 380. Л. 4; Д. 382. Л. 7.

Table No. 1. Summary of the property status of 91 single-household households that lived in various villages of the Kursk region in the mid-18th century.

Source: GAKO. F. R30. Op. 1. D. 69. L. 16–19, compiled based on: RGADA. F. 1055. Op. 1. D. 353. L. 45; D. 354. L. 3, 7; 8; D. 355. L. 4; D. 356. L. 5; D. 357. L. 5; D. 358. L. 4; D. 359. L. 8; D. 360. L. 7; D. 362. L. 5; D. 363. L. 16, 36; D. 365. L. 1, 5; D. 367. L. 6, 12; D. 368. L. 12; D. 370. L. 7; D. 371. L. 7; D. 373. L. 5; D. 374. L. 5; D. 376. L. 3; D. 377. L. 1, 4; D. 379. L. 1; D. 380. L. 4; D. 382. L. 7.

Показатель	Всего на 91 двор	Среднее кол-во скота на 1 двор
Лошади	579	6,4
Коровы	326	3,6
Овцы	1393	15,3
Свиньи	970	10,7
Козы	45	0,5
Пчелы (ульи)	524	5,75
Избы	152	1,67
Светлицы	16	0,18

Итак, из общей статистики представленной таблицы № 1 видно, что у однодворцев сер. XVIII в. наблюдалась высокая обеспеченность скотом. Если оценивать одни лишь средние показатели, то мы видим общество в состоянии полного расцвета, цифры которого просто поражают.

Количество лошадей соответствует уровню крупных фермерских хозяйств, что свидетельствует о высокой пахотной способности населения. Поголовье коров обеспечивало продовольственную безопасность на высочайшем уровне – молоко, мясо и кожа имелись в изобилии.

Количество овец значительно превышало потребности одного хозяйства. Это косвенно указывает на товарный характер овцеводства, т.е. продажи излишков шерсти и овчины. Свиноводство гарантировало огромные запасы мяса и сала. Исключение представляли козы, игравшие незначительную роль. Пчеловодство, судя по числу ульев, было важной и прибыльной отраслью хозяйства¹.

Таким образом, перед нами представлен 91 двор активно развивающегося, товарно-ориентированного аграрного общества. Однако за этими средними показателями скрывалась имущественная дифференциация. Например, у Горяинова Фомы из д. Воробьёва имелось 15 лошадей, 1 корова, 7 овец и 10 свиней, а у такого же однодворца Боева Нефеда из д. Коронино – всего 1 корова, 5 овец и ни одной лошади. Ещё больший контраст наблюдается между Дурневым Иваном из д. Соколовой владевшим 1 лошастью и Алябьевым Титом из д. Алябьевой – 23 лошади. Это уже не просто разница в достатке, но отражение двух социальных миров внутри одного сословия. Однако за этими крайними показателями скрываются более глубокие законо-

¹ Нужно отметить, что все перечисленные выводы о товарности исследуемых хозяйств основаны исключительно на количественных показателях, поэтому носят вероятностный характер. Прямых свидетельств торговли или распределения излишков в источниках не зафиксировано.

мерности, которые отчётливо прослеживаются при анализе отдельных видов скота. Обратимся к их рассмотрению.

Итак, по наличию лошадей внутри исследуемых 91 однодворческих хозяйств также прослеживается поляризация. Средний показатель в 6,4 лошади на двор являлся очень высоким. Однако эти усреднённые цифры подразделялись на 5 групп: бедные, середняки, зажиточные, богатые и элита сословия. Означенная классификация была разработана нами на основе упомянутой выборки и учитывает специфику именно однодворческого хозяйствования Курского края в сер. XVIII столетия. Она позволяет избежать механического переноса критериев, выработанных для других категорий населения и периодов. Наглядно это представлено в следующей таблице.

Таблица № 2. Классификация 91 однодворческого хозяйства сер. XVIII в. по количеству лошадей

Источник: ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19, составлен по: РГАДА. Ф. 1055. Оп. 1. Д. 353. Л. 45; Д. 354. Л. 3, 7; 8; Д. 355. Л. 4; Д. 356. Л. 5; Д. 357. Л. 5; Д. 358. Л. 4; Д. 359. Л. 8; Д. 360. Л. 7; Д. 362. Л. 5; Д. 363. Л. 16, 36; Д. 365. Л. 1, 5; Д. 367. Л. 6, 12; Д. 368. Л. 12; Д. 370. Л. 7; Д. 371. Л. 7; Д. 373. Л. 5; Д. 374. Л. 5; Д. 376. Л. 3; Д. 377. Л. 1, 4; Д. 379. Л. 1; Д. 380. Л. 4; Д. 382. Л. 7.

Table No. 2. Classification of 91 single-household farms of the mid-18th century by number of horses

Source: GAKO. F. R30. Op. 1. D. 69. L. 16–19, compiled based on: RGADA. F. 1055. Op. 1. D. 353. L. 45; D. 354. L. 3, 7; 8; D. 355. L. 4; D. 356. L. 5; D. 357. L. 5; D. 358. L. 4; D. 359. L. 8; D. 360. L. 7; D. 362. L. 5; D. 363. L. 16, 36; D. 365. L. 1, 5; D. 367. L. 6, 12; D. 368. L. 12; D. 370. L. 7; D. 371. L. 7; D. 373. L. 5; D. 374. L. 5; D. 376. L. 3; D. 377. L. 1, 4; D. 379. L. 1; D. 380. L. 4; D. 382. L. 7.

Группа	Число лошадей	Количество дворов	Доля
Бедные	0–1	10	11,1%
Середняки	2–3	17	18,9%
Зажиточные	4–5	40	44,4%
Богатые	6–8	13	14,4%
Сверхбогатая элита	9 и более	10	11,1%

Итак, в группу бедных (0–1 лошадь) вошли 10 хозяйств, или 11,1% от всех исследуемых. Из них 5 дворов были безлошадными, а 5 – имели всего по одной лошади. К последним относились хозяйства Дурнева Ивана из д. Соколовой и Бехменицина Никифора из с. Покровского¹. Собственный скот (коровы, овцы) у них либо отсутствовал, либо исчислялся единицами.

В этом плане пример из Приложения Н.К. Ткачевой об однодворце Василии Серебрякове из дер. Ольшанки Тамбовского у., одноимённой губернии является очень показательным [26, с. 87]. Из описи его имущества от 1761 г. отчётливо видна его бедность. В наличии у него имелись: 1 лошадь, 1 жеребёнок, 1 корова с подтёлком, 7 овец и 1 свинья. Инвентарь был минимален: топор, соха, коса, два серпа. Одежда состояла из нагольной шубы и двух пар холщовых рубаш. Земельный надел ограничивался одной десятиной озимой ржи. Самое важное примечание к описи гласит: «Земли поместной, и людей, и крестьян не имеется» [26, с. 87]. Серебряков – потомок, вероятно, «служилых по прибору», экономически оказавшийся на грани разо-

¹ ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19.

рения¹. Его хозяйство является иллюстрацией того, что личная свобода без достаточных ресурсов, в том числе земельных, не гарантировала высокого благосостояния.

Такие представители однодворческого «пролетариата» при четвертном владении едва могли обработать свой надел при болезни или падеже скота. Как отмечал Л.В. Милов, потеря даже одной лошади для них являлась «хозяйственной катастрофой», восстановление после которой было крайне затруднительным [13, с. 402]. Судя по Серебрякову, земли в наличии у них также было немного. В конечном счёте это толкало их на поиск дополнительных заработков, т.е. к отходничеству [21, с. 224], и нередко порождало стремление переселиться на более плодородные и свободные земли [3, с. 231]. Однако у таких обедневших хозяев, чей инвентарь и скот были сведены к минимуму, зачастую не хватало ресурсов даже на столь затратный переезд.

Теперь перейдём к 17 дворам середняков (18,9%), владевшими по 2–3 лошади. Итак, хозяйства этой группы, например, Гнездилов Никита из д. Соколовой (2 лошади, 1 корова, 5 овец), Губанов из с. Выгорное (2 лошади, 1 корова, 7 овец), Лыков Иван из с. Куная (3 лошади, 1 корова, 5 овец)², имели одну избу, редко клеть (у половины дворов клетки отсутствовали), почти не имели сараев и светлиц. Их поголовье скота невелико: 1–3 коровы, 5–15 овец, 5–10 свиней. Такие хозяйства обладали минимальной устойчивостью, были способны к самообеспечению. Однако излишки, если у них и имелись, то были незначительны. Они являлись основанием сословия, но не его экономическим фундаментом.

Согласно методологии академика И.Д. Ковальченко, порогом, отделявшим зажиточную группу крестьянства в пер. пол. XIX в. (способную к производству товарных излишков), служило наличие более трёх голов рабочего скота [8, с. 39]. В исследуемой выборке хозяйства, не достигавшие этого порога 3-х лошадей, составили всего 30% (бедные – 11,1%, середняки – 18,9%), тогда как 70% дворов имели 4 и более лошадей. Показатели зажиточных, богатых и сверхбогатых однодворцев сер. XVIII в. заметно превосходят критерий И.Д. Ковальченко. Всё это свидетельствует о том, что для однодворцев юга ЦЧ изучаемый период являлся «золотым веком» их экономического расцвета и благосостояния.

Об этом же свидетельствует и тот факт, что самой многочисленной группой из всех исследуемых являлись зажиточные однодворцы – 40 дворов (44,4%), владевшие 4–5 лошадьми. Их хозяйства обладали заметным запасом прочности, имели больше коров, овец и свиней, чем середняки. У них чаще встречались две избы, клетки (около 85% дворов имели клеть), у некоторых – сараи и светлицы. Поголовье скота составляло 2–5 коров, 10–20 овец, 5–15 свиней. Так, Горяинов Никифор из д. Воробьёвой имел 4 лошади, 5 овец и 5 свиней; Дурнов Дементий из д. Соколовой – 5 лошадей, 5 коров, 10 овец, 5 свиней, а также клеть и сарай³; Кобелев Никифор из д. Мешкова – 5 лошадей, 10 овец, 10 свиней и светлицу⁴; Сидоров Семеон из д. Терепша – 5 лошадей, 1 корову, 7 овец и 4 свиньи⁵. Эти хозяйства уже производили товарные излишки (мясо, шерсть, зерно), обрабатывали землю силами семьи и не нуждались в найме работников. Именно они составляли экономический фундамент и «сердцевину» сословия потомков мелких служилых людей.

Далее следовали 13 дворов богатых однодворцев (14,4%), владевшими по 6–8 лошадей. К ярким представителям этой группы относились: Горяинов Иван из д. Воробьёвой (7 лошадей, 5 овец, 5 свиней, светлица), Лукьянчиков Николай из с. Глебово (8 лошадей, 2 коровы, 30 овец, 10 свиней, 2 избы, 3 клетки), Волобуев Евсей из д. Гридина (8 лошадей, 3 коровы, 22 овцы, 18 свиней, 3 избы, 3 клетки), Мальцев Потап из д. Чёрный Колодезь (6 лошадей, 4 коровы, 20 овец,

¹ У него, как у однодворца, была четвертная земля (наследственный надел, юридически считавшийся государственным).

² ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19.

³ ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19.

⁴ ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19. Составлено по: РГАДА. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 255. Л. 6.

⁵ ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19. Составлено по: РГАДА. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 255. Л. 6.

10 свиней, 2 избы, клеть), Шеховцов Никифор из д. Анненкова (7 лошадей, 4 коровы, 25 овец, 10 свиней)¹, Агибалов Иван из д. Курскино (6 лошадей, 3 коровы, 15 овец, 10 свиней, светлица)². У них 2–3 избы, часто светлицы, обязательно клетки, нередко хозяйственные постройки. Их поголовье состоит из 3–5 коров, 20–30 овец, 10–20 свиней. Такие хозяйства носили явно товарный характер, избыток продукции продавался, вполне был возможен и наём работников. Они являлись «верхушкой» сословия, но не его элитой.

К последним относилась наименьшая, но наиболее яркая группа из 10 дворов сверхбогатых потомков мелких служилых людей (11,1%), владевшими 9 и более лошадьми. Среди них нужно выделить Щербинина Никифора из д. Карандаковой (20 лошадей, 5 коров, 60 овец, 50 свиней, 2 избы, 2 светлицы, 3 клетки, сарай)³; Пожидаева Андрея из д. Пожидаевой (22 лошади, 15 коров, 40 овец, 35 свиней, 3 избы, 4 клетки, «с крестьянами»)⁴; Алябьева Тита из д. Алябьевой (23 лошади, 6 коров, 40 овец, 50 свиней, 5 изб, 3 светлицы, 5 клетей, 3 сарая)⁵; Машкина Гавриила из с. Выползово (15 лошадей, 15 коров, 80 овец, 15 свиней, 5 изб, 3 клетки)⁶; Чернышёва Ивана из д. Нижняя Медведица (15 лошадей, 7 коров, 50 овец, 40 свиней, 5 изб, 5 клетей, 2 сарая)⁷; а также Полякова Василия из с. Знаменское (13 лошадей, 12 коров, 50 овец, 10 свиней, 3 избы, 5 клетей, сарай)⁸.

Представленные данные позволяют выявить чёткую закономерность: чем больше изб во дворе, тем выше поголовье скота и число хозяйственных построек. У всех этих дворов насчитывалось от 3 до 5 изб, нередко несколько светлиц, множество клеток и хозяйственных построек. Скот исчислялся десятками голов, овцы – сотнями. В отдельных случаях (например, у Пожидаева Андрея из д. Пожидаевой) прямо указано наличие однодворческих крестьян, что позволяет предполагать, что и другие владельцы такого уровня могли иметь зависимых людей, хотя в источниках это зафиксировано не для всех. По своему имущественному положению эти однодворцы не уступали, а часто и превосходили мелкопоместных дворян. К последнему образу жизни они, собственно, и тяготели, представляя собой «верхушку» сословия.

Все перечисленные примеры типичных представителей верхушки однодворческого мира, скорее всего, относились к потомкам «служилых людей по отечеству». Их хозяйство вполне соответствовало классическим примером мелкой дворянской вотчины. Одним из первых об этом феномене имущественной тождественности между указанными сословиями ещё в сер. XIX в. писал Я. Соловьёв [24, с. 87].

Этот феномен имел глубокие исторические корни. В XVII в. «дети боярские» и «дворяне» обозначали чины (разряды) внутри единого служилого сословия [16, с. 96–97]. Причём изначально, в XV–XVI вв., «дети боярские» обладали более высоким статусом и писались выше дворян. Однако к кон. XVI в. служебное положение стало определяться принадлежностью к великокняжескому двору. Это выдвинуло дворян вперёд – сначала по иерархическому статусу, а затем и по имущественному достатку [25, с. 56]. Вплоть до кон. XVII в. эти две группы существовали параллельно, и их представители нередко использовали взаимозаменяемые наименования, например, «городовой сын боярский» и «городовой дворянин» [25, с. 57].

Именно эти факторы обусловили имущественную тождественность некоторых однодворцев и дворян в сер. XVIII века. Несомненно, что помимо потомков служилых «по отечеству» в категорию богатых однодворцев могли попасть и предприимчивые потомки служилых людей «по прибору». Многие из них в XVIII–XIX вв. сумели «опередить» по достатку потом-

¹ ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19.

² ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19. Составлено по: РГАДА. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 376. Л. 3.

³ ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19. Составлено по: РГАДА. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 260. Л. 13.

⁴ ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19. Составлено по: РГАДА. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 353. Л. 3, 16.

⁵ ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19. Составлено по: РГАДА. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 353. Л. 45; Д. 354. Л. 3, 7–8.

⁶ ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19. Составлено по: РГАДА. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 367. Л. 12.

⁷ ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19. Составлено по: РГАДА. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 370. Л. 7.

⁸ ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19. Составлено по: РГАДА. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 246. Л. 1, 4–5, 1–2.

ков служилых «по отечеству». Хозяйства некоторых представителей этой категории предпримчивых однодворцев являлись настоящими конными заводами. В частности, однодворец-коннозаводчик Белошапкин из Утянской вол. Бирючанского у. Воронежской губернии. В этом известном полноценном промышленном предприятии XVIII–XIX вв. разводили племенных лошадей, что требовало значительных капиталов и земельных угодий [18, с. 127].

Подобная хозяйственная активность может рассматриваться в качестве признака зарождающихся капиталистических отношений. Следовательно, в элите однодворцев сер. XVIII в. сочетались два начала: принадлежность по рождению к феодально-служилой среде (потомки детей боярских) и личная капиталистическая предприимчивость, позволившая вывести хозяйство на уровень промышленных конных заводов.

В целом, положение богатых и сверхбогатых однодворцев полностью подтверждает вывод В.И. Недосекина о том, что «отдельные зажиточные... однодворцы содержали для продажи большое количество лошадей, коров, овец» [14, с. 135, 155]. В эпоху Дикого поля один такой владелец мог выставить для отражения набега крымских татар целый военный отряд, а в последующее мирное время – организовать масштабные перевозки грузов и т.д.

Однако перечисленные уникальные особенности однодворцев на этом не заканчивались. Элиту сословия вполне можно обозначить в качестве «однодворцев-феодалов». Ярчайшим представителем этой группы выступает Пётр Белевитинов из дер. Экстали Тамбовского у. одноимённой губернии. Опись его имущества дословно отражена в упомянутом Приложении Н.К. Ткачёвой [26, с. 86]. В целом, это не просто зажиточное однодворческое хозяйство, а полноценная средняя дворянская вотчина.

И действительно, среди потомков мелких служилых людей встречались и состоятельные дворяне, скрывавшиеся от пожизненной службы. К.П. Победоносцев¹, в своём «Курсе гражданского права» о таких писал: «В состав их (однодворцев – *К.Б.*) поступили... некоторые старинные дворянские роды, сделавшиеся мелкопоместными, а при Петре I иные дворяне, уклонившиеся от нового порядка службы, имевшие по 100 и по 200 дворов крестьян, тоже записались в однодворцы» [17, с. 543]. Судя по масштабам владений, Пётр Белевитинов, вероятно, принадлежал именно к этой категории.

Согласно полной описи имущества Белевитинова от 1761 г., его жилой и хозяйственный комплекс отличался масштабностью и многофункциональностью [26, с. 85]. В его имении красовались просторные хоромы с изразцовыми (кафельными) печами, что само по себе было признаком роскоши. Жилые строения включали первую связь (сруб) «бревенчитую» из пяти покоев, горницу с комнаткой, людскую и приворотную избы, ещё две людские избы, а также горницы: брусчатую с подклетом, бревенчатую и пластовую с сенями. За трапезой он использовал серебряную и хрустальную посуду, а святые углы в доме были украшены иконами в драгоценных окладах. Хозяйственный блок составляли большая конюшня на 21 стойло с четырьмя чуланами, две погребицы (ледника/погреба), не менее восьми амбаров, не менее четырёх сараев, баня с передбанником, а также сени, чуланы и навесы при амбарах.

Скотоводческое хозяйство самого Белевитинова имело явно товарный характер: 32 лошади, 65 коров калмыцкой породы, 12 телят и 65 овец. Вместе с его однодворческими крестьянами (17 дворов) совокупное поголовье было более чем внушительным: не менее 118 лошадей (97 рабочих + 21 жеребец), 43 коровы, 235 овец и 74 свиньи. Эти цифры, а также наличие у владельца серебряной посуды, калмыцких коров и промышленных запасов мёда, позволяют характеризовать его хозяйство как крупную вотчину. Несомненно, что такое имущественное положение ставило Белевитинова в один ряд с провинциальным дворянством, а не с рядовыми однодворцами, которые, как показало настоящее исследование, тоже были в целом состоятельны.

¹ Известный государственный деятель и правовед.

В целом, представленная пятиуровневая классификация служит эмпирическим подтверждением теоретических построений А.В. Чаянова. В отличие от марксистской трёхчленной схемы («кулак – середняк – бедняк»), Чаянов выделял шесть типов крестьянских хозяйств, связывая имущественное неравенство прежде всего с демографической дифференциацией – размером и половозрастным составом семьи, то есть числом работников [28, с. 55]. Полученные в настоящем исследовании данные органично вписываются в его систему. Так, капиталистические хозяйства соответствуют нашей группе «сверхбогатых» (10 дворов, составлявших 11,1%). Они перерастают чисто семейный труд и привлекают наёмных работников. Показательно, что в группе сверхбогатой элиты только у Пожидаева Андрея из д. Пожидаевой Ф.И. Лаппо зафиксировал: «живёт со своими крестьянами»¹. Хотя феномен однодворческого крестьянства среди потомков мелких служилых людей не являлся редкостью, у остальных владельцев он не отражён – вероятно, в силу особенностей источников или методики составления таблицы.

Полутрудовые хозяйства соответствуют 13 дворам из группы «богатых», составлявшие 14,4% от всех исследуемых. Это переходный этап, когда семейный труд составлял основу, но хозяйство уже требовало найма дополнительной рабочей силы на отдельные периоды.

Зажиточные семейно-трудовые хозяйства соответствуют группе «зажиточных» из 40 дворов и формируют абсолютное ядро выборки, т.е. 44,4%. Относительно этой категории Чаянов писал, что такие хозяйства наиболее полно использовали семейную рабочую силу, а их размер прямо зависел от состава семьи. Именно в хозяйствах этой группы были зафиксированы сложные патриархальные семьи, проживавшие в 3–5 избах. Выявленная закономерность о тождественности «богатых семей» с «большими патриархальными семьями» полностью соответствует чаяновскому пониманию демографической природы зажиточности.

Бедняцкие семейно-трудовые хозяйства соответствуют «середнякам» (17 дворов, составляющим 18,9%) и части «бедных» (с 1 лошадыю). В таких хозяйствах рабочая сила используется не в полную силу из-за нехватки земли или незначительного количества взрослых работников. Полупролетарские и пролетарские хозяйства соответствовали группе «бедных», включая безлошадных. Эти хозяйства либо имели единственный источник дохода от продажи рабочей силы, либо вообще были его лишены.

Таким образом, разработанная шкала зримо демонстрирует жизненный цикл крестьянского двора в концепции Чаянова: от малого хозяйства при молодой семье через расцвет многолюдной патриархальной семьи до раздела имущества и угасания. В целом, теория А.В. Чаянова объясняет причины наблюдаемого благосостояния, не сводя их к классовому антагонизму, связывая его с естественными демографическими циклами.

Однако демографический потенциал не был единственным фактором, определявшим облик однодворческого хозяйства. Не менее важной чертой была его рыночная ориентация, которая подтверждается анализом состава скота и промыслов. Описанная структура массовой зажиточности при наличии сверхбогатой элиты прослеживается не только в распределении лошадей, но и в других видах скота.

Относительно овец отметим, что у большинства из исследуемой выборки 91 двора имелось от 5 до 20 голов, что было вполне достаточным для обеспечения собственных нужд. Однако у Никифора Щербинина из д. Карандаковой – 60 голов, а у Гавриила Машкина из д. Выползово – 80. Это уже отары, ориентированные на рынок. Аналогичная картина наблюдалась со свиньями: у большинства – 5–10 голов, тогда как у упомянутого выше Щербинина и Тита Алябьева из д. Алябьевой – по 50. Пчеловодство также демонстрировало ту же закономерность: при 2–10 ульях у большинства, у Потапа Мальцева из д. Чёрный Колодезь и Ивана Чернышёва из д. Нижняя Медведица их было по 30, а у Ефима из с. Выползово – 40². Очевидно,

¹ ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19. Составлено по: РГАДА. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 353. Л. 3, 16.

² ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19. Составлено по: РГАДА. Д. 260. Л. 13; Д. 367. Л. 12; Д. 260. Л. 13; Д. 370. Л. 7; Д. 363. Л. 16; 36.

что столько мёда не требовалось для собственного потребления – речь шла о промышленных пасеках.

Немаловажным является выявление корреляций при соотношении видов скота. Сильная положительная связь наблюдается между лошадьми и свиньями: в 90% дворов с 10 и более лошадьми также имелось по 20 и более свиней. Это свидетельствует о товарной ориентации: лошадей разводили на продажу (или использовали как тягло), а свиней – на мясо и сало. У владельцев конных заводов (9+ лошадей: Никифор Щербинин из д. Карандаковой – 20, Андрей Пожидаев из д. Пожидаевой – 22, Тит Алябьев из д. Алябьевой – 23, Прохор Расманов из с. Сокольи Плоты – 17, Гавриил Машкин из с. Выползово – 15) имелось относительно мало коров (3–7), но много свиней (15–50) и овец (30–80), что указывает на товарное производство мяса, сала и шерсти.

Связь между лошадьми и овцами менее тесная. У большинства богатых дворов много овец, но были исключения (Фома Горяинов из д. Воробьёва владел 15 лошадьми и всего 7 овцами). Тем не менее овцеводческая специализация также была выражена: у Якова Шутова из д. Бреховой – 30 овец, у Щербинина и Якова Чуйкова из с. Троицкое – по 60, у Машкина Гавриила – 80 овец, что давало шерсть и овчину на рынок.

Обилие коров не всегда следовало за наличием лошадей. У большинства многолошадных хозяйств имелось по 5–6 коров (немного при значительном количестве свиней), тогда как у некоторых середняков коров было больше, чем лошадей. Это указывает на дифференциацию: одни держали скот для молочных продуктов, другие – на мясо и шерсть. Молочно-мясная специализация прослеживалась у Андрея Пожидаева (15 коров), Машкина Гавриила (15 коров) и Василия Полякова из с. Знаменское (12 коров) – у них также было много лошадей, но свиней и овец меньше.

Козы встречались лишь в 7 из 90 хозяйств (8%), преимущественно у середняков. Будучи нетребовательной к выгонам, коза считалась «скотом бедных», однако земли в регионе было ещё достаточно. Поэтому редкое содержание коз свидетельствует не о её востребованности, а, напротив, об обилии земли, позволявшей держать более продуктивный крупный рогатый скот и овец.

Следовательно, выявленные корреляции и специализация хозяйств (конеvodческая, свиноводческая, овцеводческая, молочно-мясная) свидетельствуют о высоком уровне товарности и рыночной ориентации однодворческого хозяйства сер. XVIII века. Одной из главных причин такой товарности выступало фискальное давление государства. Необходимость платить подушную подать и иные налоги, в том числе на содержание ландмилиции, заставляла однодворцев где-то изыскивать денежные средства. Наиболее доступным способом была продажа излишков сельскохозяйственной продукции. Достаточная земельная обеспеченность, подтверждаемая редким содержанием коз, служила материальной основой для такой специализации. Весь этот избыток продукции можно рассматривать как признак зарождающихся капиталистических отношений, который, однако, сохранял «феодальный след», поскольку базировался на владении землёй и, в отдельных случаях, крепостными людьми.

4. Заключение

Таким образом, данное исследование аккумулирует ключевые характеристики однодворцев: их правовое положение, экономическую стратификацию, демографические особенности (в интерпретации А.В. Чаянова) и рыночную ориентацию, что позволяет говорить о зарождении капиталистических отношений на фоне сохранения феодальных институтов. Всё это, базируясь на подлинном историческом материале, впервые представлено в систематизированном виде. В частности, проведённое исследование на основе описей имущества сер. XVIII в. (91 двор Курского края, а также хозяйства Белевитинова и Серебрякова) позволяет сделать следующие выводы по трём ключевым аспектам.

Уровень благосостояния однодворцев в сер. XVIII в. был исключительно высоким. Среднее число лошадей на двор составило 6,4, что более чем вдвое превышает порог хозяй-

ственной устойчивости (2–3 лошади), установленный Л.В. Миловым. Поголовье коров (3,6 на двор), овец (15,3) и свиней (10,7) обеспечивало не только самодостаточность, но и значительный избыток. 70% хозяйств имели 4 и более лошадей, что по критериям И.Д. Ковальченко относит их к зажиточной группе, способной к производству товарных излишков. Доля бедных (0–1 лошадь) составила всего 11,1%. Такой уровень благосостояния позволяет характеризовать середину XVIII в. как «золотой век» однодворческого сословия.

Товарность животноводства подтверждается специализацией хозяйств. Выявлены устойчивые корреляции между видами скота: в 90% дворов с 10 и более лошадьми имелось по 20 и более свиней, что свидетельствует о рыночной ориентации (мясо, сало). Овцеводческие хозяйства (до 80 овец у Гавриила Машкина, до 60 у Никифора Щербинина) давали шерсть и овчину на рынок. Пчеловодство достигало промышленных масштабов (до 40 ульев у отдельных владельцев). Молочно-мясная специализация (Андрей Пожидаев, Гавриил Машкин, Василий Поляков) также носила товарный характер. Главным стимулом товарности выступало фискальное давление государства – необходимость платить подушную подать и налог на содержание ландмилиции заставляла однодворцев продавать излишки скотоводческой продукции.

Имущественное расслоение среди потомков мелких служилых людей было глубоким, но носило особый, неклассический характер. Разработанная пятиуровневая классификация (бедные – 11,1%; середняки – 18,9%; зажиточные – 44,4%; богатые – 14,4%; сверхбогатая элита – 11,1%) показывает, что расслоение не сопровождалось «вымыванием» средних слоёв и поляризацией на два антагонистических полюса. Доминирование зажиточных и богатых хозяйств (58,8% с 4–8 лошадьми) при небольшой доле бедных свидетельствует о высоком массовом благосостоянии. Имущественная дифференциация имела преимущественно естественный, демографически обусловленный характер (в интерпретации А.В. Чаянова): размер и состав семьи (число работников) определяли хозяйственный потенциал. Владение крепостными (однодворческими крестьянами) было зафиксировано лишь у единиц (Пожидаев Андрей), но именно эта категория концентрировала максимальные богатства.

«Золотой век» однодворческого благосостояния оказался не только вершиной экономического расцвета, но и точкой, за которой началось дробление и миграционный исход сословия. Однако в сер. XVIII в. высокий уровень благосостояния делал массовые выселения из Курского края неактуальными. Зажиточные семьи расширяли хозяйства в пределах региона, а обедневшие, не имея ресурсов для дальнего переезда, оставались на той же территории. Таким образом, в триаде заселение – расселение – выселение на этапе «золотого века» доминировало расселение. Массовое выселение станет характерным для более позднего периода, когда дробление хозяйств и малоземелье достигнут критической точки.

Массовая зажиточность однодворцев сер. XVIII в. не может быть объяснена ни исключительно классовой эксплуатацией, ни одной лишь рыночной удачей. Она была результатом сложного переплетения факторов: демографического (многодетная патриархальная семья как главный производительный ресурс), экономического (рыночная ориентация хозяйств при сохранении «феодального следа» – владения землёй и крепостными), земельного (достаточная обеспеченность наделами) и духовно-социального (патриархальные устои, служилый менталитет). При этом предприимчивость отдельных однодворцев, особенно выходцев из «приборных» слоёв, также играла заметную роль, позволяя им выводить хозяйства на уровень промышленных конных заводов. Именно системное сочетание этих факторов, а не классовая борьба или случайная удача, создавало массовую зажиточность, не перераставшую в острую поляризацию.

Особо следует подчеркнуть значение многодетной семьи, которая была не просто социальной ячейкой, а главным производительным ресурсом сословия. Как сказано в Священном Писании: *«Блажен человек, который наполнил колчан свой стрелами; не останутся они в стыде, когда будут говорить с врагами у ворот» (Пс. 126:5)*. В этой библейской формуле – образ той самой родовой и трудовой опоры, которая позволяла однодворцам выдерживать

невзгоды и сохранять устойчивость. Разумеется, не только многодетность определяла их благосостояние, но без этого фундаментального звена вся система утратила бы свою прочность.

Список источников и литературы

1. Белявский, М. Т. (1965). *Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева*. М.: Изд-во Московского ун-та. 268 с.
2. Белявский, М. Т. (1984). *Однодворцы Черноземья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.)*. М.: Изд-во Московского университета, 268 с.
3. Благовещенский, Н. А. (1899). *Четвертное право*. М.: Типо-лит. Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко. 538 с.
4. Важинский, В. М. (1974). *Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке (По материалам южных уездов России)*. Воронеж: Липецкое облтипография. 237 с.
5. Добротворский, Н. А. (1885). *Курская губерния: статистический сборник*. Курск: Тип. Губ. Земства. 214 с.
6. Дружинин, Н. М. (1946). *Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева*. Т. 1. М.: Изд-во Акад. наук СССР. 633 с.
7. Загоровский, В. П. (1961). *Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке* // Из истории Воронежского края. Воронеж. С. 130–145.
8. Ковальченко, И. Д. (1982). *Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма*. М.: Наука. 358 с.
9. Колупаев, А. А. (2020). *Формирование и развитие однодворческого сословия на территории Курского края*. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. Т. 10, № 3. С. 138–152.
10. Лаппо, Ф. И. (1962). *Ревизские сказки как источник по истории русского крестьянства* // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1960 г. Киев. С. 236–247.
11. Ляпин, Д. А. (2015). *Расслоение провинциального дворянства в России и социально-политическая борьба во второй половине XVII века* // Российская история. № 5. С. 42–53.
12. Миклашевский, И. Н. (1894). *К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. I. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века*. М.: Тип-я Д.И. Иноземцева. 310 с.
13. Милов, Л. В. (1998). *Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса*. М.: РОССПЭН. 573 с.
14. Недосекин, В. И. (1961). *Очерки по истории Воронежского края*. Т. 1. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т. 214 с.
15. Недосекин, В. И. (1961). *Четвертное землепользование однодворцев юга России в XVIII веке* // Из истории Воронежского края. Воронеж. С. 108–125.
16. Павлов-Сильванский, Н. П. (1898). *Государевы служилые люди: Происхождение русского дворянства*. СПб.: Гос. тип. 280 с.
17. Победоносцев, К. П. (2002). *Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права*. М.: Статут (репринт изд. 1896 г.). 765 с.
18. Проторчина, В. Л. (1955). *Из истории воронежских однодворцев в XVIII веке* // Известия Воронежского государственного педагогического института. Т. XIX. С. 110–135.
19. Рабинович, М. Г. (1976). *Положение однодворцев, переселяемых в 30-50-е годы XVIII в. на украинскую пограничную линию* // Проблемы аграрной истории (с древнейших времен до XVIII в.). Минск. С. 90–105.
20. Рошупкин, А. Ю. (2020). *Хозяйственно-бытовые аспекты жизни служилых людей «по прибору» юга Московского государства в конце XVI в. (по материалам Ельца и уезда)* // История: факты и символы. № 1 (22). С. 78–85.

21. Рубинштейн, Н. Л. (1957). *Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.* М.: Госполитиздат. 459 с.
22. Семевский, В. И. (1881). *Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II.* 2-е изд. Т. 2. СПб.: Тип. Ф.С. Сушинского. 643 с.
23. Слюсарский, А. Г. (1964). *Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII–XVIII вв.* Харьков: кн. изд-во, 461 с.
24. Соловьев, Я. (1850). *Об однодворцах* // Отечественные записки. Т. 69. № 3. С. 81–100.
25. Танков, А. А. (1913). *Историческая летопись курского дворянства.* Т. 1. М.: Изд. курск. дворянства. [2], II, 476, 156 с.
26. Ткачева, Н. К. (1971). *К истории крестьян-однодворцев в XVIII веке* // Советские архивы. № 1. С. 84–87.
27. Ткачева, Н. К. (1978). *Однодворцы XVIII века в отечественной историографии* // История и историки. 1975: историографический ежегодник / отв. ред. М.В. Нечкина. М.: Наука. С. 281–299.
28. Чаянов, А. В. (2015). *Организация крестьянского хозяйства.* Екатеринбург; М.: Деловая книга; Академический проект. 363 с.
29. Шапиро, А. Л. (1940). *Крестьянские отходы и крестьянский наем в Петровское время* // Ученые записки ЛГУ. Т. V. Исторический факультет. Вып. 1. С. 18–35.

References

1. Belyavskiy, M. T. (1965). *Krest'yanskiy vopros v Rossii nakanune vosstaniya E.I. Pugacheva* [The Peasant Question in Russia on the Eve of the E.I. Pugachev Uprising]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo un-ta. (in Russian).
2. Belyavskiy, M. T. (1984). *Odnodvortsy Chernozem'ya (po ikh nakazam v Ulozhennuyu komissiyu 1767–1768 gg.)* [One-Courtyard People of the Chernozem Region (according to their instructions to the Legislative Commission 1767–1768)]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta. (in Russian).
3. Blagoveshchenskiy, N. A. (1899). *Chetvertnoe pravo* [Quarter Right]. Moscow, Tipo-lit. Tovarishchestva I.N. Kushnerev i Ko. (in Russian).
4. Vazhinskiy, V. M. (1974). *Zemlevladienie i skladyvanie obshchiny odnodvortsev v XVII veke (Po materialam yuzhnykh uezdov Rossii)* [Land Ownership and the Formation of the Smallholders Community in the 17th Century (Based on Materials from the Southern Counties of Russia)]. Voronezh, Lipeckoe obltipografiya. (in Russian).
5. Dobrotvorskiy, N. A. (1885). *Kurskaya guberniya: statisticheskiy sbornik* [Kursk Province: Statistical Collection]. Kursk, Tip. Gub. Zemstva. (in Russian).
6. Druzhinin, N. M. (1946). *Gosudarstvennyye krest'yane i reforma P.D. Kiseleva* [State Peasants and the Reform of P.D. Kiselev]. Vol. 1. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR. (in Russian).
7. Zagorovskiy, V. P. (1961). *Donskoe kazachestvo i razmery donskikh otpuskov v XVII veke* [Don Cossacks and the Size of Don Releases in the 17th Century] in *Iz istorii Voronezhskogo kraya*. Voronezh. (in Russian).
8. Koval'chenko, I. D. (1982). *Sotsial'no-ekonomicheskiy stroy pomeshchich'ego khozyaystva Evropeyskoy Rossii v epokhu kapitalizma* [The Socio-Economic Structure of the Landowner Economy of European Russia in the Era of Capitalism]. Moscow, Nauka. (in Russian).
9. Kolupaev, A. A. (2020). *Formirovanie i razvitie odnodvorcheskogo sosloviya na territorii Kurskogo kraya* [Formation and Development of the One-Courtyard Estate on the Territory of the Kursk Region] in *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i parvo*, 10, 3, 138–152. (in Russian).

10. Lappo, F. I. (1962). *Revizskie skazki kak istochnik po istorii russkogo krest'yanstva* [Revision Tales as a Source on the History of the Russian Peasantry] in *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy. 1960 g.* Kiev. (in Russian).
11. Lyapin, D. A. (2015). *Rassloenie provintsial'nogo dvoryanstva v Rossii i sotsial'no-politicheskaya bor'ba vo vtoroy polovine XVII veka* [Stratification of the Provincial Nobility in Russia and Socio-Political Struggle in the Second Half of the 17th Century] in *Rossiyskaya istoriya*, 5, 42-53. (in Russian).
12. Miklashevskiy, I. N. (1894). *K istorii khozyaystvennogo byta Moskovskogo gosudarstva*. Ch. 1. *Zaselenie i sel'skoe khozyaystvo yuzhnoy okrainy XVII veka* [On the History of the Economic Life of the Moscow State. Part 1. Settlement and Agriculture of the Southern Outskirts in the 17th Century]. Moscow, Tip-ya D.I. Inozemtseva. (in Russian).
13. Milov, L. V. (1998). *Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* [The Great Russian Plowman and the Features of the Russian Historical Process]. Moscow, ROSSPEN. (in Russian).
14. Nedosekin, V.I. (1961). *Ocherki po istorii Voronezhskogo kraya* [Essays on the History of the Voronezh Region]. Vol. 1. Voronezh, Voronezh. gos. un-t. (in Russian).
15. Nedosekin, V. I. (1961). *Chetvertnoe zemlepol'zovanie odnodvortsev yuga Rossii v XVIII veke* [Quarter Land Use of Smallholders in Southern Russia in the 18th Century] in *Iz istorii Voronezhskogo kraya*. Voronezh. (in Russian).
16. Pavlov-Sil'vanskiy, N. P. (1898). *Gosudarevy sluzhilye lyudi: Proiskhozhdenie russkogo dvoryanstva* [The Sovereign's Servicemen: The Origin of the Russian Nobility]. St. Petersburg, Gos. tip. (in Russian).
17. Pobedonostsev, K. P. (2002). *Kurs grazhdanskogo prava. Pervaya chast': Votchinnye prava* [Course of Civil Law. Part One: Patrimonial Rights]. Moscow, Statut (reprint of 1896 edition). (in Russian).
18. Protorchina, V. L. (1955). *Iz istorii voronezhskikh odnodvortsev v XVIII veke* [From the History of Voronezh Smallholders in the 18th Century] in *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. Vol. XIX, 108–125. (in Russian).
19. Rabinovich, M. G. (1976). *Polozhenie odnodvortsev, pereselyaemykh v 30-50-e gody XVIII v. na ukrainskuyu pogrannichnuyu liniyu* [The Situation of Smallholders Resettled in the 30-50s of the 18th Century to the Ukrainian Border Line] in *Problemy agrarnoy istorii (s drevneyshikh vremen do XVIII v.)*. Minsk. (in Russian).
20. Roshchupkin, A. Yu. (2020). *Khozyaystvenno-bytovye aspekty zhizni sluzhilykh lyudey «po priboru» yuga Moskovskogo gosudarstva v kontse XVI v. (po materialam El'tsa i uezda)* [Economic and Everyday Aspects of the Life of Service People "by Device" in the South of the Moscow State at the End of the 16th Century (Based on Materials from Yelets and the County)] in *Istoriya: fakty i simvol*, 1 (22), 78–85. (in Russian).
21. Rubinshteyn, N. L. (1957). *Sel'skoe khozyaystvo Rossii vo vtoroy polovine XVIII v.* [Agriculture of Russia in the Second Half of the 18th Century]. Moscow, Gospolitizdat. (in Russian).
22. Semevskiy, V. I. (1881). *Krest'yane v tsarstvovanie imperatritsy Ekateriny II* [Peasants during the Reign of Empress Catherine II]. 2nd ed. Vol. 2. St. Petersburg, Tip. F.S. Sushchinskogo. (in Russian).
23. Slyusarskiy, A. G. (1964). *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Slobozhanshchiny XVII–XVIII vv.* [Socio-Economic Development of Slobozhanshchina in the 17th–18th Centuries]. Kharkiv, kn. izd-vo. (in Russian).
24. Solov'ev, Ya. (1850). *Ob odnodvortsakh* [About the Smallholders] in *Otechestvennye zapiski*, 69, 3, 81-100. (in Russian).
25. Tankov, A. A. (1913). *Istoricheskaya letopis' kurskogo dvoryanstva* [Historical Chronicle of the Kursk Nobility]. Vol. 1. Moscow, Izd. kursk. dvoryanstva. (in Russian).

26. Tkacheva, N. K. (1971). *K istorii krest'yan-odnodvortsev v XVIII veke* [On the History of Smallholder Peasants in the 18th Century]. *Sovetskie arkhivy*, 1. (in Russian).
27. Tkacheva, N.K. (1978). *Odnodvortsy XVIII veka v otechestvennoy istoriografii* [Smallholders of the 18th Century in Russian Historiography] in *Istoriya i istoriki. 1975: istoriograficheskiy ezhegodnik*. / ed. M.V. Nechkina. Moscow, Nauka. (in Russian).
28. Chayanov, A. V. (2015). *Organizatsiya krest'yanskogo khozyaystva* [The Theory of Peasant Economy]. Ekaterinburg; Moscow, Delovaya kniga; Akademicheskii proekt. (in Russian).
29. Shapiro, A. L. (1940). *Krest'yanskie otkhody i krest'yanskiy naem v Petrovskoe vremya* [Peasant Waste and Peasant Hiring in Peter's Time] in *Uchenye zapiski LGU*. Vol. V. Historical Faculty, Issue 1. (in Russian).

ПОЧВА КАК ФАКТОР ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-152-165>
УДК 93/94

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ПОМЕЩИЧЬИХ УСАДЕБ ВЕРХНЕГО ПОДОНЬЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ОТПИСНЫХ КНИГ)

Н.В. Логунова

*Елецкий государственный университет
им. И.А. Бунина,
399770, ул. Коммунаров, д. 28,
Елец, Липецкая область*

Аннотация

Введение. В статье исследуется социальная структура помещичьих усадеб Верхнего Подонья в первой четверти XVIII в. Актуальность исследования обусловлена необходимостью учитывать региональную специфику петровских преобразований и особенности формирования усадебного хозяйства на территориях, долгое время остававшихся пограничной зоной. Проведенный анализ позволяет уточнить влияние государственной политики Петра I на социальные и хозяйственные отношения в отдельных регионах России. **Материалы и методы.** Основным подходом стал микроисторический анализ конкретных усадеб Елецкого, Елифанского и Ефремовского уездов, с помощью которого была реконструирована социальная структура местных сообществ. Сравнительно-исторический метод использовался для сопоставления процессов формирования усадебных хозяйств бывшего пограничного региона с общероссийскими тенденциями петровской эпохи и выявления региональной специфики. Историко-генетический метод позволил проследить переход от военно-оборонительного освоения земель Верхнего Подонья в XVI–XVII вв. к их полноценному хозяйственному использованию в XVIII в. Особое значение имел формулярный анализ письменных источников. Выделение сведений о владельцах, населенных пунктах, категориях зависимого населения, земельных угодьях, посевах, поголовье скота и хозяйственных объектах обеспечило систематизацию и сопоставление данных. **Результаты.** Проанализированы демографическая и хозяйственная структура помещичьих владений Верхнего Подонья, соотношение мужчин и женщин, численность скота, размеры пашни и сенокосных угодий, а также состав зерновых культур. Наибольшие абсолютные показатели численности населения, поголовья скота, размеров пашни, объемов зерна и сенокоса зафиксированы во владениях князя Г. И. Волконского, наименьшие — в имениях секретаря Монастырского приказа М. С. Беляева. Выявленные различия могли быть связаны со статусом и хозяйственными возможностями владельцев, однако на них также могли влиять размеры имений, численность крестьянского населения, природные условия и специализация хозяйства. На основе полученных данных предпринята попытка оценить хозяйственную нагрузку на крестьянские дворы и сопоставить ее с объемами натуральных повинностей. Значительных затрат труда требовали поставки свинины, поросят, птицы и яиц, а также изготовление холста, включавшее длительную обработку льна и ручное ткачество. Объемы повинностей различались по имениям: в пересчете на один двор приходилось от 10 до 28 кг свинины, поставки молодняка и

птицы, десятки яиц, а также до 20–50 м ткани в год. **Заключение.** Полученные результаты могут рассматриваться в контексте усиления зависимости помещичьих крестьян в России в первой четверти XVIII века. Вместе с тем денежные, натуральные и отработочные повинности в этот период сосуществовали, а их соотношение зависело от региональных условий, специализации имения и потребностей владельца. Материалы исследованных владений показывают, что натуральные поставки требовали значительных затрат крестьянского труда и охватывали разные направления хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: Петровское время, помещичье хозяйство, усадьба, отписные книги, опись имущества, Черноземье, землевладение.

Для цитирования: Логунова Н.В. (2026). Социальная структура населения помещичьих усадеб верхнего Подонья в первой четверти XVIII в. (по материалам отписных книг) // История: факты и символы. 2026. № 3 (48). С. 152-165 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-152-165

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-68-00011 «Русское поле: почва как фактор исторической динамики социально-демографических процессов лесостепной зоны Европейской России в Новое время (XVI-XIX вв.)»

Конфликт интересов: Н.В. Логунова – научный сотрудник учредителя журнала ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина», что не повлияло на решение опубликовать эту статью. Автор и редакция заявляют об отсутствии конфликта интересов

Статья поступила: 18.03.2026

Статья принята в печать: 12.05.2026

Статья опубликована: 10.09.2026

© Логунова Н., 2026.

THE SOCIAL STRUCTURE OF THE POPULATION OF LANDED ESTATES IN THE UPPER DON REGION IN THE FIRST QUARTER OF THE EIGHTEENTH CENTURY (BASED ON SUBSCRIPTION BOOKS)

N.V. Logunova

Bunin Yelets State University

28 Kommunarov St.,

Yelets, Lipetsk Oblast, 399770

Abstract

Introduction. This article examines the social structure of landlord manors in the Upper Don region in the first quarter of the 18th century. The study is relevant due to the need to account for regional specifics in Peter the Great's reforms and the peculiarities of manorial estate development in territories that had long remained a border zone. The analysis helps clarify the impact of Peter I's state policies on social and economic relations in specific regions of Russia. **Materials and Methods.** The primary approach is a microhistorical analysis of specific estates in the Yeletsky, Epifansky, and Yefremovsky uyezds, through which the social structure of local communities has been reconstructed. The comparative-historical method was employed to contrast the formation of manorial economies in this former border region with broader national trends of the Petrine era, identifying regional particularities. The historical-genetic method enabled tracing the transition from the military-defensive settlement of the Upper Don lands in the 16th–17th centuries to their full-scale economic utilization in the 18th century. Particularly important was the formulirnyi (formulary) analysis of written sources. Extracting data on landowners, settlements, categories of dependent population, land use, crops, livestock, and economic facilities ensured the systematization and comparability of information. **Results.** The demographic and economic structures of the landlord estates in the Upper Don region were analyzed, including gender ratios, livestock numbers, arable and hayfield areas, and grain crop composition. The highest absolute figures for population, livestock, arable land, grain, and hay production

were recorded in the estates of Prince G.I. Volkonsky, while the lowest were found in the holdings of M.S. Belyaev, secretary of the Monastery Prikaz. These differences may have been linked to the status and economic capacities of the owners, but were also likely influenced by estate size, peasant population, natural conditions, and agricultural specialization. Based on the collected data, an attempt was made to estimate the economic burden on peasant households and compare it with the volume of natural obligations. Significant labor input was required for the delivery of pork, piglets, poultry, and eggs, as well as for the production of linen, which involved lengthy flax processing and hand weaving. The volume of obligations varied between estates: per household, they amounted to 10–28 kg of pork, supplies of young livestock and poultry, dozens of eggs, and up to 20–50 meters of cloth annually. **Conclusion.** The findings can be contextualized within the broader trend of increasing dependency among serf peasants in Russia during the early 18th century. At the same time, monetary, natural, and labor dues coexisted during this period, with their proportions depending on regional conditions, estate specialization, and the landowner's needs. The materials from the studied estates show that natural payments demanded considerable peasant labor and encompassed multiple aspects of agricultural and domestic production

Keywords: Peter the Great's time, landlord estate, manor, property registers, inventory of property, Black Earth Region, landownership.

For citation: Logunova N.V. (2026) The social structure of the population of landed estates in the Upper Don region in the first quarter of the Eighteenth century (based on Subscription books) In *History: facts and symbols*, 3 (48), 152-165 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-152-165

Acknowledgments: The study was supported by grant No. 24-68-00011 of the Russian Science Foundation «Russian field: soil as a factor in the historical dynamics of socio-demographic processes in the forest-steppe zone of European Russia in the Modern Age (16th–19th centuries)»

Conflict of interest: N. Logunova is a research fellow at the journal's founder, Bunin Yelets State University, which did not influence the decision to publish this article. The author and the editors declare no conflict of interest

Received: 18.03.2026

Revised: 12.05.2026

Published: 10.09.2026

© Logunova N., 2026

1. Введение

Период правления Петра I ознаменовался глубокими социальными преобразованиями, которые существенно повлияли на жизнь населения. В это время наблюдалось возрастание фискальной и трудовой нагрузки на основную часть подданных царя — крестьянство. Одновременно происходило стирание четких границ между холопами и крестьянами, что свидетельствовало о тенденции к унификации форм зависимости [3]. В то же время, помещики, служившие государству, получали значительные земельные наделы, что укрепляло их положение. Этот процесс был обусловлен необходимостью усиления контроля над обществом и мобилизацию ресурсов для государственных нужд. Активные усилия Петра I были направлены на реализацию этой политики, что привело к дальнейшему укреплению крепостного права и консолидации социальной структуры российского общества. В итоге крестьянство окончательно оказалось во власти помещиков, которые получили возможность развивать свое хозяйство, используя свою почти безграничную власть на своих землях [14].

Однако происходящие в России процессы требуют уточнений и дополнений, поскольку страна имела сильную региональную специфику. В этой связи особую важность приобретают исследования социальной структуры населения конкретного усадебного хозяйства первой четверти XVIII в. В центре нашего внимания — помещичьи усадьбы, находящиеся на территории

Верхнего Подонья. Исторически эти земли относятся к административным границам Данковского, Епифанского, Ефремовского уездов. Освоение этих земель началось еще в XVI в., но продолжалось очень медленно, поскольку осложнялось постоянными нападениями крымских татар. Только после возведения Белгородской оборонительной черты в 1650-е годы ситуация стабилизировалась, хотя полноценное освоение местных территорий началось только в XVIII в. [6]. Именно здесь, в регионе, который долгое время был пограничной зоной, пересекались различные хозяйственные и культурные влияния, а формирование усадебного быта и социальной иерархии приобретало свои уникальные черты. Анализ усадебных хозяйств данного региона позволит выявить специфику расположения усадеб, особенности их экономической деятельности, а также характер взаимоотношений между различными социальными группами, населявшими эти земли: крепостных крестьян, дворовых людей и вольнонаемных работников.

Социальная история региона Подонья в Петровское время активно изучается в последнее время. Обстоятельной работой в этом направлении являлся труд С.В. Черникова «Дворянские имения Центрально-Черноземного региона России в первой половине XVIII века» [15]. Монография посвящена крепостнической колонизации Черноземья в первой половине XVIII в., в ней анализируется эволюция дворянского поместно-вотчинного фонда региона. Благодаря привлечению обширных статистических источников, автору удалось детально изучить размещение, социально-чиновную и родовую структуру дворянских имений. Исследование охватывает Белгородскую и Воронежскую губернии в границах 1727 г.

Несколько статей Д.А. Ляпина посвящены изменениям в социальной истории региона в XVII и XVIII вв. Отдельно следует указать на монографию, посвященную повседневной жизни сельского населения Черноземья в Петровскую эпоху [8]. В своих работах автор последовательно раскрывает трансформацию социального облика региона, анализируя такие аспекты, как землепользование, социальный состав, общинные отношения. Особое внимание уделяется влиянию государственных реформ на уклад жизни простого человека, а также исследованию локальных особенностей и традиций. Сельское население Елецкого, Воронежского и Белгородского уездов находится в центре внимания А.Р. Мельниковой. В частности, она изучает специфику организации хозяйства и расположения сельских поселений на местности [12]. К.А. Керимов изучает вопросы, связанные с населением городов, их внутренними связями и изменениями под влиянием преобразований XVIII в. [2]. Отдельное внимание уделяется вопросу о источниках по социальной истории Петровского времени [13]. Ранее нами был проанализирован процесс освоения черноземных земель северной части Елецкого уезда в конце XVI — начале XVIII века, где рассматривались предпосылки формирования хозяйственной структуры региона [5].

2. Материалы и методы

Методология проведенного исследования базировалась на сочетании принципов историзма и системности, что позволило рассмотреть усадебные хозяйства Верхнего Подонья как динамично развивающиеся социальные и экономические единицы. В качестве основного методологического подхода был использован микроисторический анализ, направленный на детальное изучение конкретных усадебных хозяйств Данковского, Епифанского и Ефремовского уездов. Это позволило реконструировать социальную структуру местного сообщества. Кроме того, использовался сравнительно-исторический метод, применение которого было важным для сопоставления процессов формирования усадеб в бывшем пограничном регионе с общероссийскими тенденциями петровской эпохи, что помогло определить региональную специфику работы. Историко-генетический метод позволил проследить преемственность и трансформацию процесса освоения земель Верхнего Подонья, начиная от оборонительных задач XVI века и возведения Белгородской черты в 1650—е годы до перехода к полноценному хозяйственному использованию в XVIII в. Наконец, важную роль сыграл формулярный анализ, который позволил исследовать структуру, состав и устойчивые способы организации сведений в используемых письменных источниках. Выделение отдельных элементов формуляра — сведений о вла-

дельцах, населенных пунктах, категориях зависимого населения, земельных угодьях, посевах, поголовье скота и хозяйственных объектах — обеспечило возможность систематизации содержащихся в документах данных и их последующего сопоставления. Благодаря этому удалось не только реконструировать основные характеристики усадебных хозяйств, но и выявить ограничения источников, обусловленные особенностями их формуляра и практического назначения.

Основным источником для работы послужили «отписные книги». Они составлялись в случаях передачи поместий в казну. Часть этих материалов была ранее опубликована, однако в настоящем исследовании мы опираемся на новые архивные документы из фонда № 1209 Российского государственного архива древних актов (РГАДА)¹. Каждая Отписная книга имеет свою логичную структуру. Начинается с преамбулы, где рассказывается о том, куда отправились переписчики и с какой целью. Затем следует основная часть — подробное описание самой усадьбы, включая всех, кто в ней жил. Завершается книга заключением, подводящим общие итоги и добавляющим важные детали. В центре нашего внимания находится социальная структура усадьбы, хотя в документах содержится много информации, например, о том, как выглядели постройки, какие предметы в них находились, как велось хозяйство.

3. Результаты.

Бруслановский стан Елецкого уезда располагались преимущественно в бассейне Быстрой Сосны и ее притоков, в том числе Пальны. Речные долины служили естественными ориентирами и влияли на размещение поселений и хозяйственных угодий. Территория стана находилась в лесостепной зоне, освоение которой было связано с заселением южных рубежей Русского государства. Засосенский стан занимал земли к югу и юго-востоку от Ельца, за рекой Быстрой Сосной, что отразилось в его названии. Эта территория также относилась к бассейну Дона. Важную роль в ее освоении играли Быстрая Сосна и ее притоки, включая Воронец и Снову. Городской стан Ефремовского уезда находился в окрестностях Ефремова, в бассейне Красивой Мечи — правого притока Дона. Таким образом, расположение владений во многом определяло природные условия, направления хозяйственной деятельности и особенности расселения. Для оценки их хозяйственного потенциала были использованы сведения о численности проживавших в них крестьян и дворовых людей.

Основную массу населения поместий Г.И. Волконского в Елецком и Ефремовских уездах, составляли крестьяне, тогда как численность дворовых и деловых людей была существенно ниже. Это, скорее всего, логично для поместного хозяйства: производственная база держалась прежде всего на крестьянских дворах, а дворовый и деловой персонал обеспечивал обслуживание усадьбы и организацию помещичьего быта. Стоит отметить, что аналогичная структура населения была выявлена в ходе ранее проведенного исследования владений Г. И. Волконского в Данковском уезде, сопоставление этих данных позволяет говорить об устойчивом преобладании крестьянского населения в рассмотренных княжеских владениях [4]. В имениях М.С. Беляева в Бруслановском и Зеленковском стане доля дворовых людей относительно выше, а данные о крестьянских дворах отсутствуют, что может указывать на более выраженное развитие собственно помещичьего двора и хозяйства.

Наиболее полные сведения сохранились о поместьях князя Г. И. Волконского. Соотношение дворовых и деловых людей с крестьянами различалось по станам. В бруслановском поместье было учтено 7 дворовых и деловых людей и 133 крестьянина, в засосенском — 46 и 411 соответственно, а во владении князя в ефремовском — 14 и 166. Во всех трех владениях численно преобладали крестьяне, что указывает на преимущественно земледельческий характер хозяйства и широкое использование крестьянского труда. При этом больше всего дворовых и деловых людей насчитывалось в наиболее крупном засосенском владении. Вероятно, увеличе-

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. 2.

ние размеров хозяйства требовало дополнительных работников для обслуживания усадьбы и выполнения различных хозяйственных обязанностей.

Диаграмма 1. Соотношение населения в поместьях секретаря Монастырского приказа М.С. Беляева в Бруслановском стане Елецкого уезда, Зеленковском стане Ефремовского уезда, князя Г.И. Волконского в Городском стане Ефремовского уезда, Засосенском и Бруслановском станах Елецкого уезда, дьяка А.Г. Ратманова в Бруслановском стане Елецкого уезда.

Diagram 1. Population distribution in the estates of M.S. Belyaev, secretary of the Monastery Prikaz, in the Bruslanovsky stan of Yeletsky uezd; in the Zelenkovsky stan of Yefremovsky uezd; of Prince G.I. Volkonsky in the Gorodskoy stan of Yefremovsky uezd, and in the Zasosenksy and Bruslanovsky stans of Yeletsky uezd; and of the dyak A.G. Ratmaov in the Bruslanovsky stan of Yeletsky uezd.

Структура зависимого населения во владении А. Г. Ратманова отличалась: дворовые и деловые люди (77 человек) составляли большинство по сравнению с крестьянами (62 человека). Это могло быть связано со структурой хозяйства, составом усадебных служб или характером выполняемых работ. Тем самым владение А.Г. Ратманова заметно отличалось от рассмотренных владений Волконского, где основную часть населения составляли крестьяне.

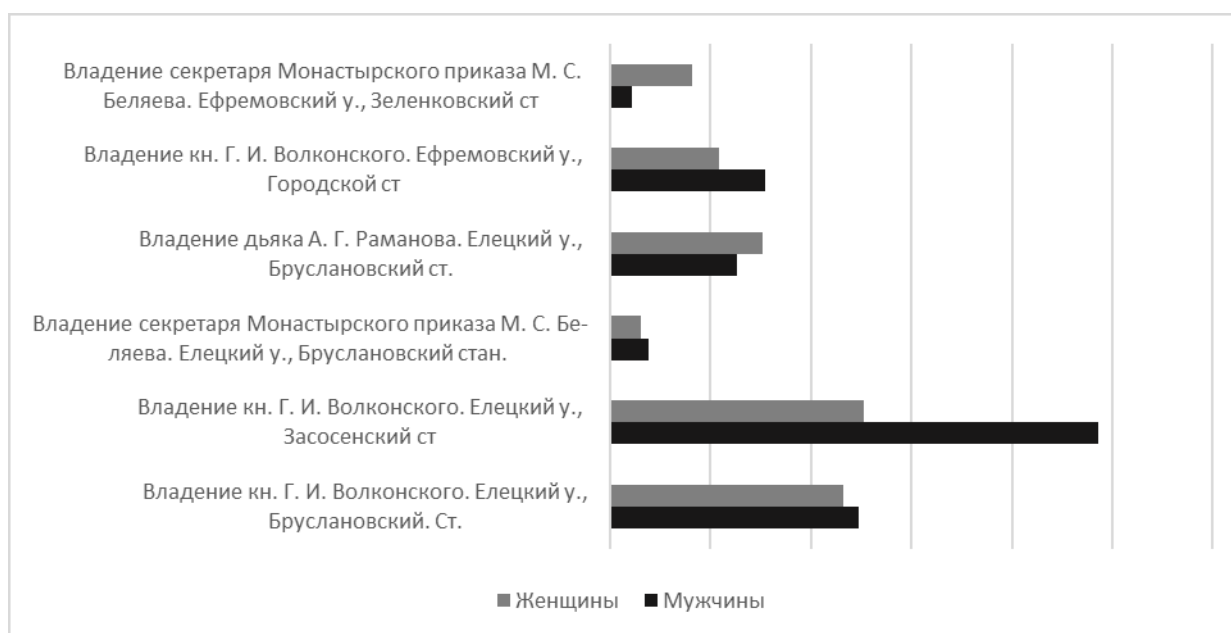
Во владениях М. С. Беляева, связанного со службой в Монастырском приказе, также было учтено значительное число дворовых и деловых людей — 34 человека в одном владении и 52 в другом. Однако отсутствие в источнике сведений о крестьянах не следует понимать как доказательство их полного отсутствия.

У князя Г.И. Волконского, несмотря на различия между отдельными владениями, прослеживается модель, при которой крестьяне составляли основную производительную массу, а дворовые и деловые люди выполняли вспомогательные, управленческие и обслуживающие функции. Во владениях приказных служащих доля дворовых и деловых людей могла быть выше, чем в других поместьях. Однако имеющиеся данные не позволяют однозначно объяснить такое соотношение. Таким образом, данные 1715–1723 гг. свидетельствуют о неоднородности помещичьего хозяйства южнорусских уездов и позволяют говорить о сосуществовании не-

скольких моделей организации зависимого населения — от преимущественно крестьянской до дворово-служилой.

Диаграмма 2. Гендерная составляющая населения поместий секретаря Монастырского приказа М.С. Беляева в Бруслановском стане Елецкого уезда, Зеленковском стане Ефремовского уезда, князя Г.И. Волконского в Городском стане Ефремовского уезда, Засосенском и Бруслановском станах Елецкого уезда, дьяка А.Г. Ратмнова в Бруслановском стане Елецкого уезда.

Diagram 2. Gender composition of the population in the estates of M.S. Belyaev, secretary of the Monastery Prikaz, in the Bruslanovsky stan of Yeletsky uезд; in the Zelenkovsky stan of Yefremovskiy uезд; of Prince G.I. Volkonsky in the Gorodskoy stan of Yefremovskiy uезд, and in the Zasosenksy and Bruslanovskiy stans of Yeletsky uезд; and of the dyak A.G. Ratmatov in the Bruslanovskiy stan of Yeletsky uезд.

В ходе проведенного анализа гендерного состава населения рассматриваемых поместий установлено, что общая численность учтенных лиц составила 965 человек: 537 мужчин (около 55,6 %) и 428 женщин (44,4 %). Наиболее крупным по численности является владение Г. И. Волконского в Засосенском стане Елецкого уезда — 369 человек, из которых 243 мужчины и 126 женщин. Это самый значительный показатель среди всех представленных имений. Второе место по численности занимает поместье того же владельца в Бруслановском стане Елецкого уезда — 240 человек. Таким образом, на владения Г. И. Волконского приходилась наибольшая часть населения, учтенного в рассматриваемых поместьях.

Наименьшая численность наблюдается во владении М. С. Беляева в Ефремовском уезде, Зеленковском стане — 52 человека, а также в его владении в Бруслановском стане Елецкого уезда — 34 человека. Это позволяет говорить о сравнительно небольшом размере данных поместных владений.

Соотношение мужчин и женщин в представленных владениях заметно различалось. В одних владениях преобладали мужчины, в других — женщины, поэтому говорить об общей для всей выборки структуре населения нельзя. Особенно выделяется владение М. С. Беляева в Зеленковском стане, где женщин было почти в четыре раза больше, чем мужчин.

Были проанализированы численность домашних животных и соотношение их отдельных видов в помещичьих владениях Елецкого и Ефремовского уездов в 1715–1723 гг. Данные свидетельствуют о значительной дифференциации хозяйств как по общей численности поголовья,

так и по соотношению отдельных видов домашних животных. В рассматриваемых владениях содержались лошади, коровы, овцы, свиньи и домашняя птица, что указывает на многоотраслевой характер хозяйственной деятельности. При этом наиболее распространенным направлением являлось овцеводство. Особенно крупное поголовье овец было зафиксировано во владении князя Г. И. Волконского в Засосенском стане Елецкого уезда — 795 голов. Значительным количеством овец располагало также хозяйство дьяка А. Г. Ратманова в Бруслановском стане — 289 голов. В остальных владениях данный показатель был существенно ниже и составлял от нескольких десятков до 70 голов. Преобладание овец могло быть обусловлено их хозяйственной универсальностью: они обеспечивали владельцев шерстью, мясом и другими продуктами, а сравнительно невысокие затраты на содержание делали овцеводство доступным и экономически целесообразным.

Наиболее крупными по общей численности и **представленности отдельных видов животных** являлись хозяйства князя Г. И. Волконского в Засосенском стане и дьяка А. Г. Ратманова в Бруслановском стане. Во владении Волконского насчитывалось 27 лошадей, 75 коров, 795 овец, 86 свиней и 50 голов домашней птицы. Эти показатели позволяют говорить о значительном хозяйственном потенциале владения и о возможности производства продукции не только для внутреннего потребления, но и для обмена или продажи. Хозяйство Ратманова выделялось прежде всего численностью лошадей и домашней птицы: здесь содержались 91 лошадь, 31 корова, 289 овец, 85 свиней и 357 голов птицы. Большое количество лошадей могло быть связано с потребностями земледельческого производства, перевозок и обслуживания помещичьего хозяйства, тогда как развитое птицеводство обеспечивало получение мяса, яиц и иной продукции повседневного потребления.

Сопоставление сведений по отдельным владельцам показывает заметные различия в численности учтенного скота. Так, в одном из владений М. С. Беляева, служившего в Монастырском приказе, в Елецком уезде было записано всего три лошади, тогда как во владении дьяка А. Г. Ратманова — 91. Подобный разрыв мог быть связан с размерами хозяйств, численностью зависимого населения, количеством дворов, наличием сенокосов и пастбищ, а также с характером хозяйственной деятельности. Вместе с тем эти показатели необходимо интерпретировать осторожно. На них могли повлиять принципы учета и сохранность сведений. Поэтому приведенные цифры отражают прежде всего поголовье, зафиксированное источником на конкретный момент.

По имеющимся данным, наиболее крупным выглядел комплекс владений князя Г. И. Волконского, расположенных в нескольких станах Елецкого и Ефремовского уездов. Особенно выделялось его владение в Бруслановском стане Елецкого уезда, где в источнике указаны 2685 четвертей ржи, 847 четвертей пшеницы и 600 четвертей овса. Эти сведения позволяют говорить о значительных масштабах зернового хозяйства. В его структуре преобладала рожь — основная продовольственная культура того времени. Существенное место занимали также пшеница и овес, использовавшийся в том числе как корм для лошадей.

Второе владение князя Г. И. Волконского, расположенное в Засосенском стане Елецкого уезда, по общему объему учтенного зерна уступало его бруслановскому хозяйству. В источнике указаны 185 четвертей ржи, 45 четвертей пшеницы и 715 четвертей овса. При этом особенно заметна высокая доля овса, который использовался не только в питании, но и как основной корм для лошадей. Это может косвенно указывать на важную роль тяглового хозяйства, хотя делать однозначный вывод о специализации владения только на основании структуры зерновых нельзя.

Дополнительные сведения позволяют говорить о сложном составе хозяйства. Во владении находились две мельницы, было учтено 1500 четвертей пашни и 11 200 копен сена. Значительные запасы сена свидетельствуют о наличии развитой кормовой базы, необходимой для содержания скота. Мельницы обеспечивали переработку зерна прежде всего для внутренних нужд владения. Вместе с тем они могли использоваться и жителями соседних поселений. Если

мельницы действительно обслуживали окрестное население, они могли приносить владельцу дополнительный доход и связывать его хозяйство с местным рынком.

Владения М. С. Беляева, служившего в Монастырском приказе, по учтенным показателям были менее крупными. В его владении в Бруслановском стане Елецкого уезда источник отмечает 800 четвертей пашни и не менее 12 четвертей пшеницы. Эти данные позволяют говорить о пашенном хозяйстве, но не дают возможности точно определить объемы производства. Другое владение Беляева находилось в Зеленковском стане Ефремовского уезда. Здесь было учтено 180 четвертей пашни и 96 четвертей ржи. По размерам пашни оно заметно уступало елецкому владению. На масштабы хозяйства могли влиять природные условия, качество почв, обеспеченность рабочей силой и особенности землепользования.

Особое место занимает владение дьяка А. Г. Ратманова в Елецком уезде, Бруслановском стане, где из дополнительных хозяйственных показателей зафиксировано 11 ульев. Пчеловодство в условиях южнорусского пограничья XVII века представляло собой не только источник продуктов питания, но и сферу получения воска и меда как ценных товарных продуктов. Таким образом, хозяйство Ратманова не ограничивалось земледелием и животноводством, однако имеющиеся данные не позволяют оценить доходность и товарное значение пчеловодства.

Согласно отписным книгам, в пользу Г. И. Волконского в Елецком уезде (Бруслановский стан) не платили денежный оброк, но ежегодно поставляли помещику значительный объем продовольствия и сырья. В обычный год повинность включала 24 пуда 20 фунтов свинины, 98–103 поросенка, 205 кур, 2050 яиц, 62–82 барана, 47–55 гусей, 28–36 уток и 490 аршин холста. Кроме того, сдавались коровье масло и шерсть. В 1715 году в Москву с крестьян было отправлено 40 пудов свинины, 66 поросят, 180 кур, 1800 яиц, 60 баранов и 400 аршин холста. Таким образом, основные повинности имели натуральный характер и обеспечивали помещичий двор мясом, птицей, тканью и другими продуктами. В Засосенском стане повинности по отписным книгам крестьяне ежегодно передавали помещику так называемые столовые запасы, то есть продукты и изделия, предназначенные для его хозяйства. В один из годов крестьянский натуральный оброк составлял 60 пудов свинины, 120 поросят, 245 кур, 2450 яиц, 90 баранов, 78 гусей, 18 утят, 600 аршин холста, 3 пуда масла и шерсть с 90 поярков. В другой год основные объемы сохранились, но число поросят выросло до 125, баранов — до 116, гусей — до 98, утят — до 30, а поярков — до 116. Следовательно, размер натуральных повинностей ежегодно менялся. К моменту составления книги в Москву отправили 48 пудов свинины, 100 поросят, 220 кур, 2000 яиц, 55 баранов, 55 гусей, 17 утят, 500 аршин холста, 90 аршин сермяжного сукна и 2,5 пуда масла. Большинство поставок составило около 80–90% оклада, но баранов доставили лишь немногим более 60% — 55 вместо 90. Отдельно учитывалась продукция помещичьего хозяйства: 6 свиных туш, 24 гуся, 23 индейки, 71 утенок, 21 курица, 7 пудов 35 фунтов масла, 17 пудов 35 фунтов баранины, 64 пуда шерсти, 32 аршина сукна, 10 войлоков и 45 пудов соли, а также семена. Обычного денежного оброка в поместье не было, однако возможный доход приносили две мельницы; его размер не указан. В Городском уезде Ефремовского стана ежегодно к Рождеству платили натуральный оброк с 40 тягол. С каждого тягла полагалось по 20 фунтов свинины, одной утке, две курицы, одному поросенку, 20 яиц, одному фунту коровьего масла, одному барану и 5 аршинам холста. Таким образом, повинность имела полностью натуральный характер и включала мясо, птицу, яйца, масло и ткань. Источник особо подчеркивает, что помимо этих поставок крестьяне не платили помещику никаких денежных или иных доходов.

В отписных книгах по имению секретаря Монастырского приказа М. С. Беляева в Бруслановском стане и А. Г. Ратманова данные по повинностям отсутствуют.

На основе имеющихся сведений была предпринята попытка приблизительно оценить хозяйственную нагрузку на крестьян, на примере имения Г. И. Волконского в поместье, которое располагалось в Городском стане Ефремовского уезда. Основной единицей обложения в источнике выступает «тягло» (единица, с которой взимались государственные повинности). В поселении насчитывалось 32 крестьянских двора и 40 таких единиц, что соответствует нагруз-

ке в 1,25 нормы на один двор. Поэтому точнее всего рассчитывать повинности сначала на тягло, а затем пересчитывать их на двор. Расчет на одного работника невозможен, поскольку источник не сообщает возраст всех жителей и не позволяет точно выделить трудоспособное население. В пересчете на средний крестьянский двор, который соответствовал 1,25 тягла, повинности составляли примерно 25 фунтов, или 10,2 кг свинины, 1,25 утки, 2,5 курицы, 1,25 поросенка, 25 яиц, 0,51 кг масла, 1,25 барана и 6,25 аршина холста — около 4,4 м ткани.

Особенно значительной могла быть нагрузка, связанная с животноводством. В хозяйстве учитывались 26 лошадей, 15 коров, 70 овец, 30 свиней и 55 голов птицы. Если условно распределить их между 32 крестьянскими дворами, на один двор приходилось в среднем **0,8 лошади, 0,5 коровы, 2,2 овцы, 0,9 свиньи и 1,7 головы птицы**. На одно тягло приходилось соответственно около **0,65 лошади, 0,38 коровы, 1,75 овцы, 0,75 свиньи и 1,38 головы птицы**. Сопоставление оброка с указанным поголовьем показывает его существенный размер. При наличии 70 овец ежегодно помещику передавали **40 баранов**, а при наличии 30 свиней — **40 поросят и 20 пудов свинины**. Вторую часть нагрузки составляло земледелие. В источнике указано **43 чети пашни в одном поле, “а в дву по тому ж”** (около **64,5 десятины пашни**). Отдельно сообщается, что было засеяно **56 десятин ржи и 4 десятины озимой пшеницы — всего 60 десятин**. На один крестьянский двор приходилось в среднем около **1,9 десятины посева**, а на одно тягло — **1,5 десятины**. Помимо полевых работ и ухода за скотом, крестьяне должны были выполнять ряд сопутствующих операций. Поставка свинины предполагала откорм и забой животных, масло — содержание коров и переработку молока, а холст — выращивание льна или конопли, обработку волокна, прядение и ткачество. Изготовление **200 аршин холста** было самостоятельной трудоемкой повинностью, которая, вероятнее всего, ложилась преимущественно на женщин.

Имеющиеся в отписных книгах сведения позволяют приблизительно оценить хозяйственную нагрузку, приходившуюся на крестьян помещичьего владения Г.И. Волконского в Засосенском стане Елецкого уезда. В поместье насчитывалось 35 крестьянских дворов, в которых находилось 74 избы и проживало 411 человек: 234 мужского и 177 женского пола. В это число входили 123 ребенка. Следовательно, взрослое население составляло приблизительно 288 человек. Обычного денежного оброка крестьяне не платили, однако ежегодно передавали помещику значительный натуральный оброк в виде столовых запасов. Если условно разделить эти поставки между 35 крестьянскими дворами, на один двор приходилось около 1,7 пуда свинины, или приблизительно 28 кг, 3,4 поросенка, 7 кур, 70 яиц, 2,6 барана, 2,2 гуся, 0,5 утенка, 17 аршин холста, 1,4 кг масла и шерсть примерно с 2,6 поярка.

Земельную нагрузку также можно оценить лишь приблизительно. В книге указана общая площадь пашни — она составляла около 1500 четвертей. В пересчете на один крестьянский двор это равнялось примерно 42,9 четверти всей пашни. При трехпольной системе одно поле оставалось под паром, поэтому ежегодно засеиваться могли примерно две трети площади — около 1000 четвертей, или 28,6 четверти на двор. На одного условно взрослого человека приходилось около 5,2 четверти общей пашни и приблизительно 3,5 четверти ежегодного посева.

Значительной должна была быть и нагрузка, связанная с сенокосом. На наемной Романовской степи заготавливалось 112 скирдов сена по 100 копен в каждой, всего 11 200 копен. При условном равном распределении это составляло 320 копен на крестьянский двор. Поголовье скота во владении включало 27 лошадей, 75 коров, 795 овец, 86 свиней и 50 голов птицы. В пересчете на один крестьянский двор это составляло 0,8 лошади, 2,1 коровы, 22,7 овцы, 2,5 свиньи и 1,4 головы птицы. Однако представленные цифры, вероятнее всего, характеризуют не только личный крестьянский скот, но и помещичье хозяйство. На это указывает наличие особой группы скотников — 19 мужчин и 17 женщин, при которых отмечено также пять детей. Следовательно, значительная часть работ по уходу за господским стадом могла выполняться специализированными работниками, а не всеми крестьянами.

Помимо земледелия и натурального оброка, крестьяне могли привлекаться к жатве, молотбе, веянию и перевозке зерна, обслуживанию гумна и житниц, ремонту хозяйственных построек, дорог и изгородей. В поместье находились две мельницы, на которых работали два мельника. Они могли приносить помещику денежный или натуральный доход за счет платы за помол. Однако размер этого дохода и участие остальных крестьян в обслуживании мельниц не указаны. Поэтому мельницы следует учитывать как источник потенциального дохода владения, но не как точно измеримую повинность каждого двора. Для Засосенского стана расчеты свидетельствуют, что нагрузка складывалась из нескольких компонентов: производства натурального оброка, обработки земли, сенокосения, участия в животноводстве, переработки сырья и, вероятно, перевозки продуктов.

Расчет примерной нагрузки на крестьян в имении Г. И. Волконского в Бруслановском показывает следующее: 23 двора и 233 человека обоого пола, включая детей: 122 человека мужского и 111 женского пола. В обычный год крестьяне поставляли помещику 24 пуда 20 фунтов свинины, а также 98–103 поросенка, 205 кур, 2050 яиц, 62–82 барана, 47–55 гусей, 28–36 уток и 490 аршин холста. Если разделить эти объемы на 23 двора, то средняя годовая повинность одного двора составляла около 17,4 кг свинины, 4,3–4,5 поросенка, 8,9 курицы, 89 яиц, 2,7–3,6 барана, 2–2,4 гуся, 1,2–1,6 утки и 21,3 аршина холста. Кроме того, крестьяне сдавали коровье масло и шерсть, но объем этих поставок в имеющихся данных не указан. В пересчете на одного жителя ежегодная повинность составляла примерно 1,7 кг свинины, 0,4 поросенка, 0,9 курицы, 8,8 яйца, 0,27–0,35 барана и около 2,1 аршина холста.

Поставка 1715 г. несколько отличалась от обычной нормы. Тогда в Москву было отправлено 40 пудов свинины, или около 655 кг, 66 поросят, 180 кур, 1800 яиц, 60 баранов и 400 аршин холста. Если предположить, что повинность по-прежнему распределялась между 23 дворами, то на один двор приходилось около 28,5 кг свинины, 2,9 поросенка, 7,8 курицы, 78 яиц, 2,6 барана и 17,4 аршина, то есть примерно 12,4 м холста. По сравнению с обычным годом в 1715 году было отправлено больше свинины по весу, но меньше живого скота, птицы, яиц и ткани.

Скот, указанный в описи, также можно пересчитать на двор. В хозяйстве числились 23 лошади, 11 коров, 40 овец, 60 свиней и 67 голов птицы. В среднем это составляло одну лошадь, 0,5 коровы, 1,7 овцы, 2,6 свиньи и 2,9 головы птицы на двор.

Количество обрабатываемой земли, по этим сведениям, определить невозможно. Число скирд и коп отражает объем собранного или сложенного хлеба, но не площадь посева. В гумне находились 22 скирды ржи, насчитывавшие 1365 коп, 10 скирд овса — 847 коп, а также 12 початых скирд пшеницы. В житнице хранились рожь, овес, гречиха, горох, пшеница, ячмень, просо, конопляное и льняное семя и другие продукты.

4. Заключение

Сопоставление состава зависимого населения, поголовья скота и структуры землевладения выявляет связь между масштабом имения, его специализацией и обеспеченностью рабочей силой. Наиболее отчетливо она проявлялась во владениях князя Г. И. Волконского, где была сосредоточена основная часть учтенного населения, особенно в Елецком уезде. Преобладание крестьянского населения соответствовало аграрному характеру рассматриваемых владений. Крестьяне выполняли основные сельскохозяйственные работы: обрабатывали пашню, заготавливали сено и содержали скот.

Хозяйства Г. И. Волконского различались по структуре. Значительные объемы зернового производства в Бруслановском стане требовали привлечения большого числа работников в периоды пахоты, сева и уборки урожая. Во владении, расположенном в Засосенском стане, пашня сочеталась с обширными сенокосами и двумя мельницами. Такая структура хозяйства предполагала разнообразные виды работ: возделывание земли, заготовку кормов, содержание скота, перевозку и переработку зерна.

Повышенная доля дворовых и деловых людей во владениях приказных служащих могла быть связана с управлением имениями, ведением хозяйственной документации и обслуживанием двора. Владения М. С. Беляева и А. Г. Ратманова по зафиксированным показателям уступали княжеским хозяйствам по численности зависимого населения. Ограниченное количество работников могло затруднять одновременное ведение пашенного земледелия, содержание скота и переработку сельскохозяйственной продукции. Таким образом, численность и состав населения владений зависели прежде всего от их размеров, хозяйственной структуры и особенностей управления.

Особого внимания заслуживает владение М. С. Беляева в Зеленковском стане, где число учтенных женщин почти в четыре раза превышало число мужчин. Такое соотношение могло быть связано с особенностями составления документа, отсутствием части мужчин во время переписи, бегством, военной службой. Если же зафиксированный дисбаланс соответствовал действительности, он мог создавать недостаток работников для пахоты, перевозок, сенокошения и других работ, которые в источниках того времени обычно связывались с мужским трудом.

Материалы отписных книг показывают, что хозяйственные обязанности зависимых крестьян включали несколько видов работ и натуральных повинностей. К ним относились обработка владельческой пашни, сенокошение, уход за скотом, перевозка грузов, а в отдельных владениях — изготовление холста. В рассматриваемых владениях натуральный оброк требовал значительных затрат труда и вовлекал в хозяйственную деятельность не только мужчин, но и женщин. При этом имение в Засосенском стане отличалось более крупными масштабами земледелия и животноводства. Все расчеты являются приблизительными, поскольку источники не всегда позволяют разграничить крестьянское и помещичье хозяйство, однако они дают представление о существенной и многообразной нагрузке на крестьянский двор.

Список источников и литературы

1. Керимов, К. А. (2024). *Исследование населения центрального Черноземья в первой четверти XVIII века: источники и методы* // Проблемы аграрной истории России. Материалы VI Всероссийской научной конференции (памяти профессора В.М. Важинского): к 80—летию Великой Победы. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2025. С. 48–51.
2. Керимов, К. А. (2024). *Численность дворов населения Воронежа по сравнительным данным перечневых выписок подворных переписей населения 1678, 1710 и 1716 гг.* // История: факты и символы. № 4 (41). С. 144–147.
3. Ключевский, В. О. (1990). *Подушная подать и отмена холопства в России* // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. VIII. Статьи. М.: Мысль. С. 194–270.
4. Логунова, Н. В. (2025). *Помещичье хозяйство Верхнего Подонья в Петровское время: географические особенности и экономический потенциал* // История: факты и символы. № 4 (45). С. 125–134.
5. Логунова, Н. В. (2026). *Освоение черноземных земель северной части Елецкого уезда в конце XVI — начале XVIII века* // Державинский форум. Т. 10, № 1. С. 63–73.
6. Ляпин, Д. А. (2023). *Белгородская черта как объект исследования: эвристические и аналитические возможности традиционных и современных исторических методов* // Quaestio Rossica. Т. 11, № 2. С. 705–712.
7. Ляпин, Д. А. (2023). *Социальная история региона Белгородской черты в переписных книгах Петровского времени* // Власть и общество в исследованиях историков, политологов, социологов: материалы Семнадцатой Всероссийской научной конференции (Воронеж, 3 февраля 2023 г.) / под общ. ред. В. Н. Глазьева. Воронеж: Издательский дом ВГУ. С. 33–35.
8. Ляпин, Д. А. (2023). *Убыль населения исторического региона Белгородской черты в Петровское время (на примере Козловского уезда)* // Тамбов в прошлом, настоящем и будущем:

материалы XXIV Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию С.В. Рахманинова (г. Тамбов, 30 марта 2023 г.). Тамбов: ООО «ТПС». С. 56–61.

9. Ляпин, Д. А. (2024). *Переселение крепостных крестьян из черноземных деревень дворян Нарышкиных в Шацком уезде (по данным переписных книг Петровского времени)* // *Tractus Aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств*. № 11 (2). С. 153–164.

10. Ляпин, Д. А. (2026). *Царство земное: сельский мир Черноземья России в эпоху Петра Великого*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 240 с.

11. *Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства в первой четверти XVIII в.* Подготовка к печати К.В. Сивков. (1951). М.: АН СССР. 420 с.

12. Мельникова, А. Р. (2023). *Специфика социально—демографического развития поселений Елецкого и Ливенского уездов в XVIII – первой трети XIX вв.* // X Бартеневские чтения "Власть и народ: проблемы взаимодействия (IX – начало XXI вв.)": посвященные 80-летию со дня победоносного завершения Сталинградской битвы. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2023. С. 30–34.

13. Мельникова, А. Р. (2025). *Сельские поселения северных территорий Азовской губернии по данным ландратской книги 1716 г.* // Воронежский край в истории России: люди, события, достижения (к 300—летию образования Воронежской губернии). Материалы Всероссийской научно—практической конференции. Воронеж: ВГПУ, 2025. С. 78–85.

14. Тихонов, Ю. А. (2005). *Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII–XVIII вв.: сосуществование и противостояние*. М.; СПб.: Летний сад. 414 с.

15. Черников, С. В. (2003). *Дворянские имения Центрально—Черноземного региона России в первой половине XVIII века*. Рязань: Издатель Трибунский. 348 с.

References

1. Kerimov, K. A. (2024). *Issledovanie naseleniya tsentral'nogo Chernozem'ya v pervoi chetverti XVIII veka: istochniki i metody* [Study of the population of the Central Black Earth region in the first quarter of the 18th century: sources and methods] in *Problemy agrarnoi istorii Rossii. Materialy VI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (pamyati professora V. M. Vazhinskogo): k 80—letiyu Velikoi Pobedy*. Lipetsk. (in Russian).

2. Kerimov, K. A. (2024). *Chislennost' dvorov naseleniya Voronezha po sravnitel'nykh dannym perechnykh vyypisok podvornkh perepisei naseleniya 1678, 1710 i 1716 gg.* [The number of household populations in Voronezh according to comparative data from household census extracts of 1678, 1710, and 1716] in *Istoriya: fakty i simvoly*, 4 (41), 144–147. (in Russian).

3. Klyuchevskii, V. O. (1990). *Podushnaya podat' i otmena kholopstva v Rossii* [The poll tax and the abolition of serfdom in Russia] in *Klyuchevskii V. O. Sochineniya v devyati tomakh*. Vol. VIII. Stat'i. Moscow, Mysl' Publ. (in Russian).

4. Logunova, N. V. (2025). *Pomeshchich'e khozyaistvo Verkhnego Podon'ya v Petrovskoe vremya: geograficheskie osobennosti i ekonomicheskii potentsial* [Noblemen's economy of the Upper Don region during the Petrine era: geographical features and economic potential] in *Istoriya: fakty i simvoly*, 4 (45). (in Russian).

5. Logunova, N. V. (2026). *Osvoenie chernozemnykh zemel' severnoi chasti Eletskego uезда v kontse XVI — nachale XVIII veka* [Development of the black earth lands in the northern part of Yeletsy district at the end of the 16th — beginning of the 18th century] in *Derzhavinskii forum*, 10 (1), 63–73. (in Russian).

6. Lyapin, D. A. (2023). *Belgorodskaya cherta kak ob"ekt issledovaniya: evristicheskie i analiticheskie vozmozhnosti traditsionnykh i sovremennykh istoricheskikh metodov* [The Belgorod

Line as a research subject: heuristic and analytical potential of traditional and modern historical methods] in *Quaestio Rossica*, 11 (2). (in Russian).

7. Lyapin, D. A. (2023). *Sotsial'naiia istoriia regiona Belgorodskoi cherty v perepishnykh knigakh Petrovskogo vremeni* [Social history of the Belgorod Line region in the census books of the Petrine era] in *Vlast' i obshchestvo v issledovaniiax istorikov, politologov, sotsiologov: materialy Semnadsatoi Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* (Voronezh, 3 fevralia 2023 g.) / ed. by V. N. Glaz'ev. Voronezh, Izdatel'skii dom VGU Publ. (in Russian).

8. Lyapin, D. A. (2023). *Ubyl' naseleniia istoricheskogo regiona Belgorodskoi cherty v Petrovskoe vremia (na primere Kozlovskogo uezda)* [Depopulation of the historical region of the Belgorod Line during the Petrine era (on the example of Kozlovsky district)] in *Tambov v proshlom, nastoiashchem i budushchem: materialy XXIV Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 150—letiiu S. V. Rakhmaninova* (Tambov, 30 marta 2023 g.). Tambov, OOO «TPS» Publ. (in Russian).

9. Lyapin, D. A. (2024). *Pereselenie krepostnykh krest'ian iz chernozemnykh dereven' dvorian Narshikinykh v Shatskom uezde (po dannym perepishnykh knig Petrovskogo vremeni)* [Resettlement of serf peasants from black earth villages of the Naryshkin nobles to Shatsky district (based on census books of the Petrine era)] in *Tractus Aevorum: evoliutsiia sotsiokul'turnykh i politicheskikh prostranstv*, 11 (2). (in Russian).

10. Lyapin, D. A. (2026). *Tsarstvo zemnoe: sel'skii mir Chernozem'ia Rossii v epokhu Petra Velikogo* [Earthly kingdom: the rural world of Russia's Black Earth region in the time of Peter the Great]. Moscow; St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ. (in Russian).

11. *Materialy po istorii krest'yanskogo i pomeshchich'ego khozyaystva v pervoi chetverti XVIII v. (1951)*. Podgotovka k pechati K. V. Sivkov [Materials on the history of peasant and landlord economy in the first quarter of the 18th century. Prepared for publication by K. V. Sivkov]. Moscow, AN SSSR Publ. (in Russian).

12. Mel'nikova, A. R. (2023). *Spetsifika sotsial'no—demograficheskogo razvitiia poselenii Eletskego i Livenskogo uezdov v XVIII — pervoi treti XIX vekov* [Specifics of socio—demographic development of settlements in Yeletsy and Livensky districts in the 18th — first third of the 19th centuries] in *X Bartenevskie chteniia "Vlast' i narod: problemy vzaimodeistviia (IX — nachalo XXI vekov)": posviashchenie 80—letiiu so dnia pobedonosnogo zaversheniia Stalingradskoi bitvy. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Lipetsk, 2023. (in Russian).

13. Mel'nikova, A. R. (2025). *Sel'skie poseleniia severnykh territorii Azovskoi gubernii po dannym landratskoi knigi 1716 g.* [Rural settlements of the northern territories of Azov Governorate according to the 1716 landrat book] in *Voronezhskii krai v istorii Rossii: liudi, sobytiia, dostizheniia (k 300—letiiu obrazovaniia Voronezhskoi gubernii). Materialy Vserossiiskoi nauchno—prakticheskoi konferentsii*. Voronezh, 2025. (in Russian).

14. Tikhonov, Iu. A. (2005). *Dvorian'skaia usad'ba i krest'ianskii dvor v Rossii XVII—XVIII vv.: sosushchestvovanie i protivostoyanie* [The nobleman's estate and the peasant household in Russia in the 17th—18th centuries: coexistence and confrontation]. Moscow; St. Petersburg, Letnii sad Publ. (in Russian).

15. Chernikov, S. V. (2003). *Dvorian'skie imeniia Tsentral'no—Chernozemnogo regiona Rossii v pervoi polovine XVIII veka* [Noble estates in the Central Black Earth region of Russia in the first half of the 18th century]. Ryazan', Izdatel' Tribunskii Publ. (in Russian).

**НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ: ДИСКУССИИ И ПРОБЛЕМЫ /
SCIENTIFIC LIFE: DISCUSSIONS AND PROBLEMS**

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-166-170>
УДК 93/94

**«СОВСЕМ ДРУГАЯ ИСТОРИЯ»: ОБРАЗЫ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ В ТАМБОВЕ
40 - 90-Х ГГ. XX В. ОТЗЫВ О МОНОГРАФИИ С. А. ЧЕБОТАРЁВА
«БЕСПОКОЙНЫЕ ЛЮДИ. ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ НЕПРОВИНЦИАЛЬНОЙ
РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ СССР».
ТАМБОВ: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ДЕРЖАВИНСКИЙ», 2025. 448 С.**

П.И. Гайденко
*Московский государственный
технический университет имени Н. Э. Баумана
ул. 2-я Бауманская, д. 5, с. 1, Москва, 105005,
Московский государственный
лингвистический университет
ул. Остоженка, 38, корп. 1, Москва, 119034*

Для цитирования: Гайденко П.И. (2026). «Совсем другая история»: образы церковной жизни в Тамбове 40-ых-90-ых гг. XX в. отзыв о монографии С.А. Чеботарёва «Беспокойные люди. Провинциальные истории непровинциальной религиозной жизни СССР». Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2025. 448 с. // История: факты и символы. 2026. № 3 (48). С. 166-170 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-166-170

Статья поступила: 10.04.2026

Статья принята в печать: 12.05.2026

Статья опубликована: 10.06.2026

© Гайденко П., 2026.

**“A COMPLETELY DIFFERENT HISTORY”: IMAGES OF CHURCH LIFE IN TAMBOV
FROM THE 1940S TO THE 1990S. A REVIEW OF S. A. CHEBOTAREV’S MONOGRAPH
“TROUBLED PEOPLE. PROVINCIAL STORIES OF NON-PROVINCIAL RELIGIOUS
LIFE IN THE USSR: A MONOGRAPH”. TAMBOV:
“DERZHAVINSKY” PUBLISHING HOUSE, 2025. 448 P.**

P.I. Gaydenko
*Bauman Moscow State Technical University,
5, 2nd Baumanskaya Street, Building 1, Moscow, 105005,
Moscow State Linguistic University,
38 Ostozhenka Street, Building 1, Moscow, 119034*

For citation: Gaydenko P.I. (2026) “A completely different history”: images of church life in Tambov from the 1940s to the 1990s. A review of s. A. Chebotarev’s monograph “Troubled people. Provincial stories of non-provincial religious life in the Ussr: a monograph”. Tambov: “Derzhavinsky” publish-

ing house, 2025. 448 p. In *History: facts and symbols*, 3 (48), 166-170 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-166-170

Received: 10.04.2026

Revised: 12.05.2026

Published: 10.06.2026

© Gaydenko P., 2026.

О российской провинции пишут много. Однако, не так много работ, в которых бы тот или иной уголок нашего отечества представлял бы не медвежьим или волчьим углом, а зеркалом России. Для этого у исследователей чаще всего не хватает мировоззренческого масштаба, а порой и сама жизнь удалённого края, которому, казалось бы, повезло обрести своего «летописца», не представляет материала, способного увлечь читателя, не имеющего никакого отношения к тому месту, о котором будет рассказано. Но так ли это? Возможно, в погоне за громкими именами упускаются по-настоящему значимые личности и события?

Книга замечательного российского исследователя Сергея Алексеевича Чеботарёва «Беспокойные люди» [1] – один из немногих успешных опытов описания истории России и Русской Православной Церкви преимущественно конца сороковых – 1990-ых годов на примере судеб целого ряда выдающихся и не совсем неизвестных личностей, жизнь которых по тем или иным причинам оказалась связана с Тамбовом и его краем. Созданный автором труд разительно отличается от многого из того, что в последние годы пишут о Церкви и религиозной жизни «хрущёвского» и «брежневского» времени. 1950-ые -90-ые годы едва ли могут быть названы «любимым временем» церковных историков. Знакомство с документами тех десятилетий и рассказы «старого духовенства», доносящее легенды и анекдоты о церковной повседневности «хрущёвских заморозков» и «эпохи развитого социализма», оставляют о жизни священной иерархии и его деятельности крайне специфическое впечатление. Это годы, в которые, казалось бы, совсем исчезло исповедничество и мученичество, полно историй, о которых, действительно «лучше не рассказывать», по крайней мере, пока. В столь странной ситуации бесконечных компромиссов епископата, преподносившихся как политические уступки, но в действительности в неменьшей степени отражавших естественное человеческое намерение сохранить комфорт своей жизни, носителями церковного сознания в большей мере оказались не высшие иерархи, а незаметные церковные женщины в белых платочках и верующие мужички в таких же белых рубашках и пиджачках. Кто сегодня их вспомнит?

Живое и одновременно логичное и стройное повествование книги, построенное в форме тесно взаимосвязанных между собой очерков, близко к многострадальным лесковским «Мелочам архиерейской жизни» и искренним, но несколько пафосным и не лишённым елейного умиления «Несвятым святым» нашего современника митрополита Тихона (Шевкунова). В результате хорошо обоснованный исторический труд, написанный великолепным русским литературным языком, не лишённый грустного юмора и одновременно безмерного уважения ко всем «персонажам» очерков, превращает чтение в удовольствие, располагая и к сочувствию, и к пониманию, и к погружению в эпоху, о которой уже не хочется выносить торопливых оценок и, тем более высказывать мнений. Как видится, у автора задуманное получилось глубоко, проникновенно и профессионально. Поэтому отдавая должное жанру рецензии, обратимся к самому к самому тексту и его структуре.

Как уже было отмечено, книга представляет собой очерки по истории Церкви в Тамбовской земле, объединённые множеством сюжетных линий и образов. При всей кажущейся при первом взгляде на содержание некоторой несогласованности названий содержание глав в целом образует единую повествовательную линию, хотя и не лишённую некоторой стилистической разноголосицы. История предвосхищается примечательным и содержательным Введением и практически не имеет Заключения. Фактически таковым стал завершающий рассказ об истории жизни и бедствий игуменьи Горненского женского монастыря в Иерусалиме Афанасии

(Лисенковой) и её приёмной дочери Евангелии. Отсутствие таковых «итогов», оставляющее сильное послевкусие, скорее является «плюсом» исследования и повествования, чем его «минусом». В результате история много натерпевшихся героинь рассказов, как и история Русской Церкви на этом не завершается ни в сем мире, ни в Вечности. Поэтому и время итогов ещё не пришло. Не наступило оно ещё в полной мере и в отношении рассмотренного времени, поскольку оно ещё не осмыслено, его последствия не исчерпаны, а его современники и вскормленные им питомцы живы и продолжают своё дело.

Безусловную научную и даже «эстетическую» ценность представляет уже первая глава монографии. Она посвящена ещё плохо изученному и практически не осмысленному в отечественной историографии институту уполномоченных по делам Русской Православной Церкви. Если личности Председателей Совета по делам Русской Православной Церкви неоднократно привлекали внимание исследователей, что объяснялось их столичным статусом и масштабом решавшихся ими задач, то их региональные коллеги по сей день остаются хоть и «зловещими», но незаметными фигурами. И это несправедливо! Во-первых, как показала история двенадцати тамбовских уполномоченных, далеко не все из них были «злодеями» и конечно, не вся их деятельность должна рассматриваться как «вредоносная» в отношении духовенства и интересов Церкви. Во-вторых, всё было намного сложнее. Именно эта неоднозначность как самих личностей тамбовских уполномоченных, их персональных историй, так и их деятельности стала основой монографии. Им посвящено 197 страниц книги. В результате автор открыл впечатляющую галерею колоритных и не лишённых обаяния портретов незаслуженно забытых и нередко наделённых несомненными профессиональными и моральными достоинствами личностей, на фоне которых «гонимое» ими духовенство выглядит едва ли ни блёклой, а порой и заслуживающей куда более сурового обращения средой. В конце концов, чтобы являть образцы настоящей святости, Церковь должна, а, возможно, и обязана быть гонимой. В противном случае жизнь её пастырей и иерархов рождает не вызывающий почтительный трепет истории, а примечательные и непристойные для ушей слушателей «анекдоты». Впрочем, таковой анекдотичностью отметились и некоторые уполномоченные. Однако из этой череды образов наиболее рельефными предстают три личности: второй и последний из уполномоченных, «отважный романтик» Павел Константинович Павлов и Владимир Ильич Рачков, а также забытый и «не замеченный» современниками интеллигентный и глубоко порядочный учитель Петр Иванович Чаузов. Первые двое интересны как лица, относившиеся к своему делу предельно ответственно и вместе с тем профессионально. Так что упреки и неуместные ёрничанья со стороны духовенства в отношении последнего из них после его отставки и ликвидации института уполномоченных, в большей мере подчеркивает справедливость и обоснованность его претензий к части духовенства, чья деятельность нередко действительно вступала в противоречие и с нормами человеческой морали, и с государственным законодательством. Но не менее назидательна и тихая история П. И. Чаузова. Как сочувственно отметил С. А. Чеботарёв, доброе и искренне уважительное отношение данного уполномоченного к духовенству оказалось незамеченным и не оценённым. И эта особенность «неблагодарной» памяти в кругу клириков к человеку, во многом облегчившему жизнь верующих людей в период обострения совершавшихся в отношении Церкви притеснений, очень многое говорит о той среде, которая через несколько десятилетий станет формировать память о своём «мученическом» служении в годы «безбожной советской власти». Не менее ценными видятся в истории уполномоченных описания повседневной жизни епархии, прихода и клириков: их повседневные заботы, довольно скудные интересы, бесчисленные требы, огромные укрываемые от государства доходы, специфические траты, мораль, особая культура отношений с архиереем и прихожанами. Обилие этих ярких «этнографических» зарисовок впечатляет своей живописной и иногда неприглядной образностью. Но это же способствует и пониманию происходившего. Автор безуспешно пробует показать, как мыслили и действовали современники тех далёких и крайне трудных для страны, если это касается 40-ых – начала 60-ых гг., лет.

Не менее яркими предстают следующие главы монографии, посвящённые двум наиболее выдающимся тамбовским архиереям своего времени – святителям Луке и Иоасафу. Если первый из них стяжал общесоюзную прижизненную, а потом и общецерковную посмертную славу, то второй остался «настоящим красным архиереем» и архипастырем «регионального» значения, что, впрочем, ничуть не умаляет его заслуг перед Богом и Церковью, а помимо того, не лишает его образ привлекательности и обаяния. Обе истории переплетены. Жизни столь ярких святителей, критично относившихся друг к другу, полны почти не скрывавшейся ими взаимной ревности, искренних эмоций, горьких обид и удивляющих своей наивной христианской искренностью прямолинейных оценок. Всё перечисленное волновало их духовных чад и приятно позабавит читателей, окунувшихся в повседневные труды, заботы этих интереснейших и заслуживающих уважения личностей. Необходимо признать, что воссозданный в монографии аскетичный образ святителя Луки существенно отличается от того, как он был «канонизирован» в ряде изданий. В монографии Сергея Алексеевича перед читателями более честный, едва ли не патериковый, а поэтому более глубокий и вызывающий трепетное почтение портрет святителя, поставившего на служение Церкви, как он её понимал, даже свои человеческие слабости: придирчивость, раздражительность, капризность, некоторую властность и даже настоящее профессорское честолюбие (иначе бы он не был профессором), основанное на несомненном медицинском профессионализме и несколько завышенном (что вполне естественно для даровитого интеллигента) осознании значимости результатов своих трудов. Причем всё это сочеталось с детской непосредственностью и даже открытостью. Но разве все это не добродетельно?

Четвертая и пятая главы обращены к истории жизни приходов и пастырей Тамбовщины. Важность данных глав для историков несомненна хотя бы потому, что внимание исследователя было обращено именно к верующим людям.

В последние годы в историографии, а вместе с тем и в общественном сознании произошло отождествление Церкви и клира. И в этом отождествлении значительному пласту верующих, не обладающих священным саном и иноческими обетами, уготовано место некоторой силы, призванной лишь смиренно принимать волю архипастырей и только в ней являть своё деятельное начало. Этот многочисленный и разнообразный слой обычно именуют «мирянами», что, между тем, все чаще становится предметом дискуссии, поскольку Древняя Церковь не знала «мирян», она знала множественные служения, в которых священнослужители были лишь одним из таковых. В итоге возникает закономерный вопрос: насколько верны такие отождествления? Немногочисленные, но успешные исследования последних лет вновь подняли проблему места «мирян» в лиц в Церкви. Весьма примечательно, что данная сторона жизни тамбовских приходов неожиданное нашла своё отражение и в рассматриваемой монографии.

Обычно, говоря о преемстве духовной жизни в Русской Православной Церкви, основной акцент делается на роли священства и архипастырей. Прежде всего с ними связывается сохранение церковных идеалов и духовное наследование религиозного опыта в Церкви. Несомненно, еклесиологический строй церкви немыслим без епископата. Но он немыслим и без самой многочисленной части церкви – без «народа Божия» и пастырей. Именно из этой среды призываются к иерархическому и монашескому служению.

Безусловно, для Русской Православной Церкви вторая половина 40-ых – начало 60-ых годов XX вв. – время тяжелых испытаний. Но это было не только испытание на прочность религиозных убеждений, но и испытание верующих на простую человеческую порядочность и внутреннюю честность. Как показало исследование, с последним было намного сложнее. Ради «защиты» Церкви епископат и часть духовенства предпочитали договариваться с властью, жертвуя для этого не только храмами, но и жизнями других клириков и наиболее активных прихожан, чья ревность раздражала власти. Но именно в этих условиях рождались образцы пастырской ревности и обычной христианской стойкости. В условиях голодных сороковых годов обычные верующие жители сёл и небольших районных центров не только несли бремя по содержанию действующих, но и закрытых храмов, упорно отстаивая своё право молиться в

церквах. Затронутая исследователем проблема незаслуженного наказания епископами клириков и активных членов церковного причта за их «ревность не по разуму», практически не осмысливалась в российской историографии. И можно только порадоваться, что об этом наконец то заявлено в научном труде.

Наконец, шестая глава монографии посвящена истории рождённой в Тамбовском крае уже упоминавшихся выше игуменье Горненского Иерусалимского женского монастыря Афанасии (Лисенковой) и её воспитаннице и приёмной дочери гречанке Евангелии. Приключения этих насельниц прославленной обители открывают крайне интересные страницы крайне непростой и не лишённой конфликтов внутрицерковной жизни в условиях Зарубежья. Но наиболее ценное в этом повествовании иное – описанные исследователем образы не только этих женщин, одна из которых была ещё совсем юной, но и тех лиц, с которыми им пришлось встречаться, трудиться, молиться и просто жить. Увы, это история полна жестокости, обманов и даже откровенной подлости, с которыми пришлось столкнуться героиням повествования в том кругу, где этого, казалось бы, не должно было происходить. Но самое удивительное другое. Не взирая на обман со стороны государственных властей и иерархов, и Афанасия, и Евангелия искренне верили тем, кому нельзя было доверять в принципе. Что стояло за этим: отсутствие реального жизненного опыта, некоторая инфантильность, детская искренность, или сплав каких-то иных представлений и факторов? И в этом случае возникает, как это видится, оправданный описанными обстоятельствами вопрос: злключения несчастных иерусалимских насельниц – это пример христианского исповедничества или результат их наивности и полного непонимания мира, в котором они оказались волей судьбы и священноначалия, имевшего на них свои виды и считавшего себя вправе распоряжаться чужими жизнями?

Такова книга.

Остается только пожелать исследователю продолжить начатый им труд.

Безусловно, изданный С. А. Чеботаревым труд – совсем другая история, чем та, которой привык современный читатель, пробуящий прикоснуться к замечательному, но чаще всего драматичному прошлому Церкви. И весьма важным видится то, что описанный в монографии опыт христианской жизни оказывается ценным не только в свершениях, но и в ошибках. В конце концов, они тоже являются настоящим духовным богатством наравне с заслугами и успехами.

Список источников и литературы

1. Чеботарёв, С. А. (2025) *Беспокойные люди. Провинциальные истории непровинциальной религиозной жизни СССР: Монография*. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2025. 448 с.

References

1. Chebotarev, S. A. (2025) *Bespokojnye lyudi. Provincial'nye istorii neprovincial'noj religioznoj zhizni SSSR: Monografiya* [Restless people. Provincial histories of the non-provincial religious life of the USSR: A monograph]. Tambov: Derzhavinsky Publishing House. (In Russia)

**«УЧЕНИЕ – СВЕТ, А НЕУЧЕНИЕ – ТЬМА»: О КНИГЕ О.В. КЛЕВЦОВОЙ,
Н.А. ЖИРОВА «СЕЛЬСКОЕ НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.». – ЕЛЕЦ: ФГБОУ ВО «ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И.А. БУНИНА», 2024. – 195 С.**

В.В. Кулачков,
*Брянский государственный
инженерно-технологический университет
пр. Станке Димитрова, 3, Брянск, 241037,*
С.В. Гладченкова
*Брянский государственный
инженерно-технологический университет
пр. Станке Димитрова, 3, Брянск, 241037*

**"LEARNING IS LIGHT, AND IGNORANCE IS DARKNESS": ABOUT THE BOOK BY
O.V. KLEVTSOVA AND N.A. ZHIROV. RURAL PRIMARY EDUCATION IN THE ORYOL
PROVINCE IN THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES. – YELETS: YELETS STATE
UNIVERSITY NAMED AFTER I.A. BUNIN, 2024. – 195 P.**

V.V. Kulachkov,
*Bryansk State University of Engineering and Technology
3 Stanke Dimitrova Avenue, Bryansk, 241037,*
S.V. Gladchenkova
*Bryansk State University of Engineering and Technology
3 Stanke Dimitrova Avenue, Bryansk, 241037*

Данная рецензируемая монография является результатом исследовательской работы Оксаны Владимировны Клевцовой и Николая Анатольевича Жирова. Целью данной рецензии является рассмотрение вклада авторов указанной монографии в изучение образовательной сферы русских крестьян.

Следует отметить, что отечественная историография изучения сферы начального образования русского крестьянства весьма разнообразна, поэтому здесь отметим наиболее важные работы по данной тематике¹. В работах автора данной рецензии также уделяется внимание об-

¹ Романов А. П. Начальное образование русского крестьянства в последней четверти XIX - начале XX веков: Официальная политика и общественные модели: дис ... канд. ист. наук: Челябинск, 2003.- 235 с.

разовательной системе, но уже в условиях 1920-х гг. – периода новой экономической политики [7]. В дореволюционной историографии основные труды по теме были написаны В. В. Григорьевым, С. И. Миропольским, Н. В. Чеховым, В. П. Вахтеровым и др. [1; 2; 9; 12]. В частности, В. П. Вахтеров внёс значительный вклад в педагогическую теорию и практику, ему принадлежит заслуга в обосновании самостоятельности педагогики как науки. Ученый выступал с позиций развивающего обучения, разработал самостоятельную педагогическую концепцию, которая вошла в историю под названием эволюционной («новой», «научной») педагогики. Очевидно, что указанные исследования являются достаточно ценными, т.к. в научный оборот были введено большое количество новых документов, уделяется внимание начальному образованию крестьян.

Работы советских исследователей отличались высокой степенью идеологизированности, что было обусловлено спецификой времени. Следует выделить труд Н. А. Константинова и В. Я. Струминского, т.к. это исследование выгодно отличается комплексным подходом к изучаемой тематике [6]. В данной работе показана история развития русской начальной школы и педагогической мысли в контексте эволюции образовательной сферы западных стран.

Особо стоит остановиться на трудах П. С. Кабытова как одного из ведущих исследователей социокультурной истории крестьянства [10; 11]. В его работах представлена социальная биография русского крестьянства, отражающая процесс формирования и развития общественного самосознания крестьян в период от зарождения капиталистических отношений до построения основ социализма в СССР. Автор активно использовал письма крестьян, документы сходов, мемуарную литературу и другие архивные и опубликованные источники.

В работах М. М. Громыко и А. В. Буганова рассматривались вопросы распространения среди крестьян грамотности и начального образования [3; 4]. Авторы уделили внимание роли сельской общины в формировании общественного мнения, сохранении обычаев, исполнении обрядов; классификации способов коллективного общения по возрастным группам (кануны, посиделки, хороводы) и другим вопросам общественного быта. Был привлечен обширный материал разнообразных и малоизвестных этнографических источников. Таким образом, изучение ситуации в сфере сельского образования является перспективным в смысле комплексного подхода с позиций социокультурной истории.

В связи с вышесказанным монография Оксаны Владимировны Клевцовой и Николая Анатольевича Жирова продолжает традиции изучения сферы образования, заложенных в отечественной историографии. Она имеет фундаментальный характер и состоит из предисловия, 6 глав, послесловия, списка источников и литературы, списка сокращений, приложений. Монография снабжена обширными приложениями, которые включают в себя различные прошения, донесения, именные списки, пояснительные записки, ведомости. При этом рецензируемая монография включает таблицы и рисунки, что конкретизирует и облегчает восприятие материала.

В предисловии обоснованно указывается, что «на современном этапе развития школьного образования важнейшим направлением является переосмысление накопленного опыта. Необходимо обращаться к истории формирования школ дореволюционной и советской России для того, чтобы выработать наиболее эффективный путь развития и не допустить ошибок прошлого» [5, с.4].

В первой главе «Формирование системы народного образования в первой половине XIX в.» рассказывается о сложном пути становления системы образования и авторы верно отмечают, что «к первой половине XIX в. в Российской империи была создана эффективная система управления народным образованием» [5, с. 6]. Ход времени показал, что перемены в статусе крестьянства давно назрели и они отражались на системе образования: «становление сельского образования в Российской империи начинается с реформирования государственной деревни на рубеже 1830-40-х гг. П.Д. Киселевым. Основной причиной проведения преобразований явля-

лось стремление Николая I в подготовке к будущей отмене крепостного права в России» [5, с.8].

При этом «во второй половине XIX в. Российская империя не имела единой системы начального образования. После отмены крепостного права в стране начался рост школ различного типа. Школьная система была представлена духовными, земскими, частными, министерскими учебными заведениями, подконтрольные различным ведомствам» [5, с.10]. Однако «крестьянские дети, являвшиеся подавляющим большинством подраставшего поколения губернии, составляли всего 1/3 от учащихся» [5, с.16].

Во второй главе «Развитие системы народного образования в Российской империи в преформенный период (1864-1917 гг.)» авторы справедливо указывают, что «крестьянское общество не оставалось безучастным к распространению грамотности. С момента отмены крепостного права в стране сразу же начали открываться школы грамоты. Несмотря на отсутствие материально-технической базы, данный тип школ стал наиболее «живучим» и сформировал платформу для массового строительства земских учебных заведений» [5, с.20].

Авторы рецензируемой монографии уделяют внимание и гендерным аспектам в составе учительского корпуса: «постепенно в преподавательской среде стали проявлять учительницы. Они создавали образ грамотной и разумной женщины, к которой необходимо стремиться маленьким девочкам. Школам, где преподавали женщины, крестьяне больше доверяли и охотнее отдавали туда своих девочек. Большая часть девочек обучалась непосредственно в школах грамоты» [5, с. 41].

Третья глава «Финансирование и материально-техническое состояние системы народного образования в Орловской губернии» содержит информацию о материально-техническом обеспечении образовательного процесса. Авторы объективно отмечают, что «в Орловской губернии большинство школ были крайне тесными, холодными, в них часто отсутствовала освещенность, вентиляция, отхожие места и раздевалки. Встречались случаи, когда дрова, предназначенные для отопления школ, передавались какому-то местному жителю за «магарыч». Это приводило к появлению сырости в помещениях школ и дальнейшему разрушению зданий» [5, с.47]. В итоге они делают неутешительный вывод, что «...проблема материального обеспечения и крайняя ветхость школьных зданий оставалась актуальной проблемой на рубеже XIX – XX вв. Несмотря на все предпринимаемые попытки, нормализовать ситуацию в школьном строительстве правительству не удалось» [5, с. 55].

В четвертой главе «Методика преподавания в народных школах. Педагогические кадры» авторы отмечают, что «уровень и качество преподавания в народной школе на протяжении исследуемого периода оставались средними. В начале формирования массовой школы для народа уездные земства мало обращали внимание на качество преподавания. Основной целью являлось привлечение большего числа учеников» [5, с. 79]. При этом «само крестьянское сословие понимало необходимость открытия школ» [5, с. 86]. Позитивную роль сыграла деятельность меценатов, т.к. «финансирование школ со стороны государства или церкви было не достаточным, порой мизерным и в итоге даже открытое учебное заведение не могло полноценно начать работу» [5, с. 87].

Пятая глава «Внешкольное образование в Орловской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.» посвящена изучению внешкольных методов и способов работы с учениками. Авторы пришли к выводу, что «народные чтения провели колоссальную работу в деле распространения грамотности среди населения, привлекли внимание общественности к проблеме школьного образования» [5, с. 112]. В одной из работ автора данной рецензии содержится историографический обзор о деятельности изб-читален в период новой экономической политики [8].

В шестой главе «Народное образование в Елецком уезде Орловской губернии в XIX – начале XX вв.» указывается, что «главная цель посещения сельской школы – получение практических навыков, необходимых во взрослой жизни, главным образом чтения и письма. В

школах духовного типа, например, церковно-приходских, к перечисленным навыкам прибавлялись знание основ православной культуры. Таким образом, большинство детей, не получавших аттестат, стоит считать окончившими курс обучения» [5, с. 144].

В послесловии авторы обоснованно отмечают, что «роль сельской школы в повседневной жизни русского крестьянства губерний аграрного Центра России сложно недооценивать» [5, с.146]. «К началу XX в. большинство крестьянских детей ходило в школу, пусть плохо, но все же могло читать и писать. Это давало возможность для сельских парней получить младшие офицерские чины в армии, должности канцелярских служащих, способствовало вовлечению широких масс населения в политическую жизнь страны, указывало на модернизацию социальных отношений в Российской империи» [5, с. 146-147]. В итоге можно сказать, что рецензируемая монография является ценным вкладом в изучение образовательной сферы жизни крестьян и будет способствовать дальнейшему научному прогрессу в данной сфере.

Список источников и литературы

1. Вахтеров, В. П. (1917). *Всенародное школьное и внешкольное образование*. М.: т-во И.Д. Сытина. 208 с.
2. Григорьев, В. В. (1900). *Исторический очерк русской школы*. М.: Т-во тип.А.И. Мамонтова. 589 с.
3. Громыко, М. М. (1986). *Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в.* М.: Наука. 274 с.
4. Громыко, М. М., Буганов, А. В. (2000). *О воззрениях русского народа*. М.: Паломникъ. 541 с.
5. Клевцова, О. В., Жиров, Н. А. (2024). *Сельское начальное образование Орловской губернии в XIX – начале XX вв.* Елец: ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина». 195 с.
6. Константинов, Н. А., Струминский, В. Я. (1953). *Очерки по истории начального образования в России*. М.: Учпедгиз. 272 с.
7. Кулачков, В. В. (2024). *Ситуация в сфере начального образования на Брянщине в конце 1920-х гг. (по материалам газеты "Наша деревня")* // История науки и техники. № 1. С. 36-43.
8. Кулачков, В. В. (2019). *Изба-читальня в жизни крестьян 1920-х гг.: (историографический обзор)* // История: факты и символы. № 3 (20). С. 15–21.
9. Кабытов, П. С. (1990). *Русское крестьянство в начале XX в.* Куйбышев: Изд-во Саратов. ун-та: Куйбышев. фил. 145 с.
10. Кабытов, П. С., Козлов, В. А., Литвак, Б. Г. (1988). *Русское крестьянство. Этапы духовного освобождения*. М.: Мысль. 237 с.
11. Миropольский, С. (1883). *Школа и государство*. СПб.: тип. Глазунова. 286 с.
12. Чехов, Н. В. (1912). *Народное образование в России с 60-х годов XIX в.* М.: «Польза» В. Антик и К. 224 с.

References

1. Vahterov, V. P. (1917). *Vsenarodnoe shkol'noe i vneshkol'noe obrazovanie* [National school and extracurricular education]. Moscow, t-vo I.D. Sytina Publ. (in Russian).
2. Grigor'ev, V. V. (1900). *Istoricheskij ocherk russkoj shkoly* [A Historical Essay on the Russian School]. Moscow, T-vo tip.A.I. Mamontova Publ., 1900. 589 p. (in Russian).

3. Gromyko, M. M. (1986). *Tradicionnye normy povedeniya i formy obshcheniya russkikh krest'yan XIX v* [Traditional norms of behavior and communication forms of Russian peasants in the 19th century]. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
4. Gromyko, M. M., Buganov, A. V. (2000). *O vozzreniyah russkogo naroda* [About the views of the Russian people]. Moscow, Palomnik Publ. (in Russian).
5. Klevцова, O.V., Zhirov, N.A. (2024). *Sel'skoe nachal'noe obrazovanie Orlovskoj gu-bernii v XIX – nachale XX vv* [Rural Primary Education in the Oryol Province in the 19th and Early 20th Centuries]. Elec: FGBOU VO Eleckij gosudarstvennyj universitet im. I.A. Bunina Publ. (in Russian).
6. Konstantinov, N. A., Struminskij, V. Ya. (1953). *Ocherki po istorii nachal'nogo obrazovaniya v Rossii* [Essays on the History of Primary Education in Russia] Moscow, Uchpedgiz Publ. (in Russian).
7. Kulachkov, V. V. (2024). *Situaciya v sfere nachal'nogo obrazovaniya na Bryanshchine v konce 1920-h gg. (po materialam gazety "Nasha derevnya")* [The situation in primary education in the Bryansk region in the late 1920s (based on the newspaper "Our Village")] in *Istoriya nauki i tekhniki*, 1, 36-43. (in Russian).
8. Kulachkov, V. V. (2019). *Izba-chital'nya v zhizni krest'yan 1920-h gg.: (istoriograficheskiy obzor)* [The Reading Room in the Life of Peasants in the 1920s: (A Historiographical Review)] in *Istoriya: fakty i simvoly*, 3 (20), 15–21. (in Russian).
- 9.
10. Kabytov, P. S. (1990). *Russkoe krest'yanstvo v nachale XX v* [Russian Peasants at the Beginning of the 20th Century] Kujbyshev: Izd-vo Sarat. un-ta: Kujbyshev.fil. Publ., 1990. (in Russian).
11. Kabytov, P. S., Kozlov, V. A., Litvak, B. G. (1988). *Russkoe krest'yanstvo. Etapy duhovnogo osvobozhdeniya byt* [The Russian Peasantry. Stages of Spiritual Liberation]. Moscow, Mysl' Publ., 1988. 237 p. (in Russian).
12. Miropol'skij, S. (1883). *Shkola i gosudarstvo* [School and Government]. Sunkt-Peterburg, tip. Glazunova Publ. (in Russian).
13. Chekhov, N. V. (1912). *Narodnoe obrazovanie v Rossii s 60-h godov XIX v* [Public education in Russia since the 1860s]. Moscow, «Pol'za» V.Antik i K Publ. (in Russian).

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-176-180>

УДК 93/94

**О МОНОГРАФИИ М.В. ВОЛЬСКОГО «ИСТОРИЯ ТЮРЕМНОЙ СЛУЖБЫ РОССИИ.
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ОРГАНИЗАЦИИ КАДРОВОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ РОССИЙСКОГО ТЮРЕМНОГО ВЕДОМСТВА
В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.»**

(ВОРОНЕЖ: ИЗДАТЕЛЬСТВО ФГБОУ ВО ВОРОНЕЖСКИЙ ГАУ, 2025. 178 с.)

Д. В. Ливенцев

*Воронежский государственный
аграрный университет
им. императора Петра I,
394087, ул. Мичурина, 1, Воронеж*

Для цитирования: Ливенцев Д.В. (2026). О монографии М.В. Вольского «История тюремной службы России. Государственная деятельность по организации кадрового обеспечения тюремного ведомства в XIX – начале XX вв.» (Воронеж: Издательство ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, 2025 г. 178 с.) // История: факты и символы. 2026. № 3 (48). С. 176-180 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-176-180

Статья поступила: 11.03.2026

Статья принята в печать: 12.05.2026

Статья опубликована: 10.06.2026

© Ливенцев Д.В., 2026

**ABOUT M.V. VOLSKY'S MONOGRAPH «THE HISTORY OF THE RUSSIAN PRISON
SERVICE. STATE ACTIVITY ON THE ORGANIZATION OF STAFFING OF THE RUSSIAN
PRISON DEPARTMENT IN THE XIX – EARLY XX CENTURIES» (VORONEZH:
PUBLISHING HOUSE VORONEZH STATE AGRARIAN UNIVERSITY, 2025. 178 p.)**

D. V. Livensev

*Voronezh State Agrarian University
named after Emperor Peter I,
1 Michurina St., Voronezh, 394087*

For citation: Livensev D.V. (2026). About M.V. Volsky's monograph «The History of the Russian Prison Service. State activity on the organization of staffing of the prison department in the XIX – early XX centuries» (Voronezh: Publishing House of the Voronezh State Agrarian University, 2025, 178 p.) In *History: facts and symbols*, 3 (48), 176-180 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-176-180

Received: 11.03.2026

Revised: 12.05.2026

Published: 10.06.2026

© Livensev D., 2026

В последнее время в российской исторической науке исследователи начали уделять внимание истории дореволюционного пенитенциарного ведомства. Надо отметить, что долгое время историки не брались за данную специфическую ведомственную тему. Дело в том, что

среди сотрудников системы ФСИН России мало ученых с базовым историческим образованием. Одновременно профессиональные историки тоже не брались за подобную специализированную тему.

В связи с этим, необходимо выделить, научные статьи Н.А. Кожухова по пенитенциарной системе Тамбовской губернии, в которых он рассмотрел следующие вопросы: организации побегов тамбовских заключённых из мест лишения свободы в начале XX века [9, с. 955 – 962]; тюремные учреждения в городе Моршанска в конце XIX – начале XX века [11, с. 119 – 129]; общее состояние пенитенциарных учреждений Тамбовской губернии [12, с. 39 – 44].

В 2024 г. Н.А. Кожухов защитил кандидатскую диссертацию по теме «Пенитенциарная система России в 1879 – 1922 гг. (на материалах Тамбовской губернии)». Перед нами пример как профессиональный историк, не являющийся действующим сотрудником системы ФСИН России, провел историческое исследование по сложной специфической тематике [10].

Затем можно назвать ряд статей И.П. Еременко затрагивающие проблемы ряд проблем развития тюремного дореволюционного ведомства на территории Саратовской губернии:

Духовно-нравственное воспитание и образование в местах лишения свободы в Саратовской губернии в середине XIX в. [12, с. 20 – 29].

История становления и развития тюремных учреждений города Саратова в начале XX в. [8, с. 24 – 23].

Арестантский труд на примере сельскохозяйственных и кустарно-промышленных дореволюционных российских выставок [5, с. 24 – 30].

В 2025 г. И.П. Еременко защитил кандидатскую диссертацию по теме «Деятельность российского тюремного ведомства в Саратовской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.». В данном случае профессиональный сотрудник системы ФСИН России смог написать достаточно качественное историческое исследование без базового исторического образования [6].

Надо отметить, что на диссертации Н.А. Кожухова автор рецензии выступал в качестве оппонента, а на диссертации И.П. Еременко был научным руководителем.

Однако в связи с исследованиями дореволюционного российского тюремного ведомства необходимо вспомнить имя еще одного историка – М.В. Вольского. Сначала М.В. Вольский в ряде статей проанализировал кадровую Главного тюремного управления в Российской Империи:

- отбор кандидатов на тюремную службу в 1917 г. [3, с. 51 – 55];
- история формирования кадрового аппарата российского дореволюционного тюремного ведомства [4, с. 96 – 98].

В 2018 г. М.В. Вольский защитил кандидатскую диссертацию на тему «Государственная деятельность по организации кадрового обеспечения тюремного ведомства в XIX – начале XX вв.». Автор рецензии являлся научным руководителем М.В. Вольского на его защите кандидатской диссертации [1].

В случае М.В. Вольского получается удачное совпадение. Он имеет базовое образование, полученное на историческом факультете Воронежского государственного педагогического университета. После чего, на протяжении десятилетий М.В. Вольский являлся действующим сотрудником системы ФСИН России. Занимаясь культурно-просветительской работой в Воронежском институте ФСИН России, а затем административной учебной деятельностью в Вологодском институте ФСИН России М.В. Вольский получил специальное звание полковник внутренней службы. Перед нами случай, когда базовое историческое образование исследователя совпало с годами действительной службы в системе ФСИН России. В настоящее время М.В. Вольский трудится в Воронежском государственном аграрном университете имени императора Петра I на кафедре истории, философии и социально-

политических дисциплин и продолжает свои исследования по истории дореволюционной российской пенитенциарной системы.

Монография М.В. Вольского «История тюремной службы России. Государственная деятельность по организации кадрового обеспечения тюремного ведомства в XIX – начале XX вв.», вышедшая в издательстве Воронежского государственного аграрного университета имени императора Петра I, стала итогом скрупулёзного переосмысления его кандидатской диссертации.

Достаточно посмотреть на разделы монографического исследования:

- история формирования отечественного пенитенциарного ведомства до середины XIX в.;
- процесс становления Главного тюремного управления в Российской Империи;
- реформы отечественного тюремного ведомства на рубеже XIX – XX вв.;
- прохождения профессиональной карьеры в отечественном тюремном ведомстве до 1917 г.;
- система профессиональной подготовки будущих служащих российского тюремного ведомства в начале XX в.

Кстати, рецензентами монографического исследования стали известный исследователь революционного движения до 1917 г. доктор исторических наук О.В. Квасов и знаменитый воронежский краевед кандидат исторических наук В.В. Бахтин.

В своем переработанном и дополненном научном исследовании М.В. Вольский использовал значительное количество материалов архивных фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) и Российского государственного исторического архива (РГИА). Из неопубликованных источников нужно выделить правила службы для тюремных надзирателей и надзирательниц, инструкции по управлению арестными домами, инструкция смотрителей тюремных замков, ведомости вещевого довольствия для арестантов, правила конвоирования политических заключенных, правила содержания каторжников и т.д. Вообще монография вводит объемный массив опубликованных и неопубликованных источников по истории дореволюционной российской пенитенциарной системы.

В приложении к монографии М.В. Вольского помимо официальных документов и статистических таблиц содержатся фотографии начальников Главного тюремного управления Российской Империи, должностных знаков дореволюционных надзирателей, профессиональных коллективов мест заключения до 1917 г., иллюстрации форменной одежды надзирателей и надзирательниц.

Таким образом, монография М.В. Вольского «История тюремной службы России. Государственная деятельность по организации кадрового обеспечения тюремного ведомства в XIX – начале XX вв.» представляет собой закономерное и логичное продолжение его кандидатской диссертации. Ценность данного издания состоит в незначительном количестве научной литературы, посвященной проблемам дореволюционного российского тюремного ведомства. В завершении рецензии хотелось бы пожелать М.В. Вольскому дальнейших исторических открытий по проблемам дореволюционной пенитенциарных заведений как члену научно-экспертного совета по истории уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и доценту кафедры истории, философии и социально-политических дисциплин Воронежского государственного аграрного университета имени императора Петра I.

Список источников и литературы

1. Вольский, М. В. (2019). *Государственная деятельность по организации кадрового обеспечения тюремного ведомства в XIX – начале XX вв.: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00. 02. – Отечественная история*. Курск, 23 с.

2. Вольский, М. В. (2025). *История тюремной службы России. Государственная деятельность по организации кадрового обеспечения тюремного ведомства в XIX – начале XX вв.* Воронеж: ФГБОУ ВО ГАУ, 178 с.
3. Вольский, М. В. (2018). Кандидаты на пенитенциарные курсы при Главном управлении мест заключения в России в 1917 году // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. № 2 (46). С. 51 – 55.
4. Вольский, М. В. (2016). Особенности формирования кадрового аппарата тюремной системы Российской Империи во второй половине XIX – начале XX вв. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. № 1(270). С. 96 – 98.
5. Еременко, И. П. (2023). Виды арестантского труда на примере сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1893 г. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. № 1(65). С. 24 – 30.
6. Еременко, И. П. (2025). *Деятельность российского тюремного ведомства в Саратовской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история.* Белгород, 24 с.
7. Еременко, И. П. (2024). К вопросу духовно-нравственного воспитания и тюремного образования в Саратовской губернии в середине XIX в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. № 4(81). С. 20 – 29.
8. Еременко, И. П. (2023). К вопросу об истории развития пенитенциарных учреждений г. Саратова в начале XX в. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. № 4(68). С. 24 – 33.
9. Кожухов, Н. А. (2023). *Организации побегов из мест заключения Тамбовской губернии в начале XX века* // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 28, № 4. С. 955 – 962.
10. Кожухов, Н. А. (2024). *Пенитенциарная система России в 1879 – 1922 гг. (на материалах Тамбовской губернии): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история.* Тамбов, 18 с.
11. Кожухов, Н. А. (2023). *Пенитенциарные учреждения Моршанска в конце XIX – начале XX века* // История: факты и символы. № 4 (37). С. 119 – 129.
12. Кожухов, Н. А. (2024). *Состояние пенитенциарных учреждений Тамбовской губернии 1918 – 1922 гг.* // Вестник гуманитарного образования. № 2. С. 39 – 44.

References

1. Vol'skij, M. V. (2019). *Gosudarstvennaya deyatel'nost' po organizacii kadrovogo obespecheniya tyuremnogo vedomstva v XIX – nachale XX vv.: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk po special'nosti 07.00. 02. – Otechestvennaya istoriya.* [State activities on the organization of personnel support for the prison department in the 19th and early 20th centuries: abstract of the thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences in the specialty 07.00. 02. – National History]. Kursk. (in Russian).
2. Vol'skij, M. V. (2025). *Istoriya tyuremnoj sluzhby Rossii. Gosudarstvennaya deyatel'nost' po organizacii kadrovogo obespecheniya tyuremnogo vedomstva v XIX – nachale XX vv.* [The history of the Russian Prison Service. State activity on the organization of staffing of the prison department in the XIX – early XX centuries]. Voronezh: FGBOU VO GAU (in Russian).
3. Vol'skij, M. V. (2018). *Kandidaty na penitenciarnye kursy pri Glavnom upravlenii mest zaklyucheniya v Rossii v 1917 godu* [Candidates for penitentiary courses at the Main Directorate of Prisons in Russia in 1917] in *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2 (46), 51 – 55. (in Russian).

4. Vol'skij, M. V. (2016). *Osobennosti formirovaniya kadrovogo apparata tyuremnoj sistemy Rossijskoj Imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [The peculiarities of the formation of the staff of the prison system of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries] in *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 1 (270), 96 – 98. (in Russian).
5. Eremenko, I. P. (2023). *Vidy arestantskogo truda na primere sel'skohozyajstvennoj i kustarno-promyshlennoj vystavki 1893 g.* [Types of convict labor on the example of the agricultural and handicraft industrial exhibition of 1893] in *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1 (65), 24 – 30. (in Russian).
6. Eremenko, I. P. (2025). *Deyatel'nost' rossijskogo tyuremnogo vedomstva v Saratovskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk po special'nosti 5.6.1. Otechestvennaya istoriya.* [The activity of the Russian prison department in the Saratov province in the second half of the XIX – early XX centuries: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences in the specialty 5.6.1. National history]. Belgorod. (in Russian).
7. Eremenko, I. P. (2024). *K voprosu duhovno-nravstvennogo vospitaniya i tyuremnogo obrazovaniya v Saratovskoj gubernii v seredine XIX v.* [On the issue of spiritual and moral education and prison education in the Saratov province in the middle of the 19th century] in *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura*, 4 (81), 20 – 29. (in Russian).
8. Eremenko, I. P. (2023). *K voprosu ob istorii razvitiya penitenciarных uchrezhdenij g. Saratova v nachale XX v.* [On the history of the development of Saratov penitentiary institutions in the early twentieth century] In *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4 (68), 24 – 33. (in Russian).
9. Kozhuhov, N. A. (2023). *Organizacii pobegov iz mest zaklyucheniya Tambovskoj gubernii v nachale XX veka* [Organization of escapes from prison in Tambov province at the beginning of the 20th century] In *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 28, 4, 955 – 962. (in Russian).
10. Kozhuhov, N. A. (2024). *Penitenciarная система России в 1879 – 1922 гг. (na materialah Tambovskoj gubernii): avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk po special'nosti 5.6.1. Otechestvennaya istoriya.* [The Russian penitentiary system in 1879-1922 (based on materials from the Tambov province): abstract of the thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences in the specialty 5.6.1. National history]. Tambov. (in Russian).
11. Kozhuhov, N. A. (2023). *Penitenciarные uchrezhdeniya Morshanska v konce XIX – nachale XX veka* [Penitentiary institutions of Morshansk in the late 19th – early 20th century] in *Istoriya: fakty i simvoly*, 4 (37), 119 – 129. (in Russian).
12. Kozhuhov, N. A. (2024). *Sostoyanie penitenciarных uchrezhdenij Tambovskoj gubernii 1918 – 1922 gg.* [The state of penitentiary institutions of Tambov province 1918 – 1922] in *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya*, 2, 39 – 44. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Амбарцумян Каринэ Размиковна, доктор исторических наук, доцент Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь
<https://orcid.org/0000-0002-9397-6197>
karina-best21@mail.ru

Бахтин Виктор Викторович, кандидат исторических наук, доцент, доцент Воронежского государственного медицинского университета имени Н.Н. Бурденко, Воронеж
<https://orcid.org/0000-0002-4735-7440>
bakhtin2009@yandex.ru

Белова Юлия Алексеевна, аспирант Тамбовского государственного технического университета, Тамбов
<https://orcid.org/0009-0003-4208-656X>
y_minaeva90@mail.ru

Ботикова Виталия Андреевна, аспирант Воронежского государственного аграрного университета имени императора Петра I, Воронеж
vbotikova@inbox.ru

Бусарев Иван Алексеевич, аспирант, Институт российской истории Российской академии наук, Москва
<https://orcid.org/0009-0001-1252-9433>
busarev1978@mail.ru

Гладченкова Светлана Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии, истории и социологии, Брянский государственный инженерно-технологический университет, Брянск

Девятков Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России XX—XXI веков МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

Ермакова Ольга Константиновна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург
<https://orcid.org/0000-0002-2095-1001>
ermakovaok@mail.ru

Ипполитов Владимир Александрович, кандидат исторических наук, доцент Тамбовского государственного технического университета, Тамбов, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-9327-3865>
e-mail: vladimir.ippolitov@mail.ru

Жиляев Валентин Иванович, кандидат исторических наук, ИРИ РАН, Москва

Завитаева Анастасия Юрьевна, лаборант-исследователь, Воронежский государственный университет, Воронеж
<https://orcid.org/0009-0003-9889-5673>
anastasiazavitaeva@yandex.ru

Ливенцев Дмитрий Вячеславович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор Воронежского государственного аграрного университета им. императора Петра I, Воронеж
<https://orcid.org/0000-0003-1525-724X>
liva2006@yandex.ru

Логунова Надежда Владимировна, научный сотрудник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, Елец
logunova.nw@gmail.com

Кондратенко Борис Борисович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института истории, археологии, этнографии и этнологии народов Дальнего Востока Дальневосточное отделение Российской академии наук, Владивосток
kpe.kob@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8810-9753>

Кудланов Константин Борисович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Курской академии государственной и муниципальной службы, Курск; научный сотрудник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, Елец
<https://orcid.org/0000-0002-9734-3178>
kudlanov777@mail.ru

Кулачков Вадим Витаельевич, доктор исторических наук, доцент Брянского государственного инженерно-технологического университета, Брянск
<https://orcid.org/0000-0002-3334-6476>
vad2517@yandex.ru

Морозов Александр Иванович, магистр Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью), Белгород
mai-1008@yandex.ru

Невежин Владимир Александрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИРИ РАН, Москва
<https://orcid.org/0009-0004-2762-2464>
nevva@mail.ru

Романова Нина Васильевна, кандидат исторических наук, доцент Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь
<https://orcid.org/0009-0009-3437-6616>
history_d03@mail.ru

Салимгареев Максим Владимирович, кандидат исторических наук, должность доцент, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань
<https://orcid.org/0000-0002-7068-671X>
msalimga.dis@mail.ru

Коробицына Луиза Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.
<https://orcid.org/0000-0001-5627-0948>
lvkorobitsyna@fa.ru

Якимов Кузьма Александрович, кандидат исторических наук, доцент, доцент Тамбовского государственного технического университета, Тамбов
<https://orcid.org/0000-0003-1756-3515>
e-mail: kuzma.yakimov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Karine R. Ambartsumyan, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, North Caucasus Federal University, Stavropol
<https://orcid.org/0000-0002-9397-6197>
karina-best21@mail.ru

Viktor V. Bakhtin, PhD in History Sciences, Associate Professor, Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko, Voronezh
<https://orcid.org/0000-0002-4735-7440>
bakhtin2009@yandex.ru

Yulia A. Belova, postgraduate student of Tambov State Technical University, Tambov
<https://orcid.org/0009-0003-4208-656X>
y_minaeva90@mail.ru

Vitaliya A. Botikova, Postgraduate Student, Emperor Peter the Great Voronezh State Agrarian University, Voronezh
vbotikovaa@inbox.ru

Ivan A. Busarev, Postgraduate Student, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow
<https://orcid.org/0009-0001-1252-9433>
busarev1978@mail.ru

Svetlana V. Gladchenkova, PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy, History, and Sociology, Bryansk State University of Engineering and Technology, Bryansk

Sergey V. Devyatov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History of the 20th-21st Centuries of Lomonosov Moscow State University, Moscow

Olga K. Ermakova, PhD in Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg
<https://orcid.org/0000-0002-2095-1001>
ermakovaok@mail.ru

Vladimir A. Ippolitov, PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Tambov State Technical University, Tambov
<https://orcid.org/0000-0001-9327-3865>
e-mail: vladimir.ippolitov@mail.ru

Valentin I. Zhilyaev, PhD in History Sciences, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow

Anastasia Y. Zavitaeva, Research Assistant, Department of Russian History, Faculty of History, Voronezh State University, Voronezh
<https://orcid.org/0009-0003-9889-5673>
anastasiazavitaeva@yandex.ru

Dmitry V. Liventsev, Doctor of Historical Sciences, PhD in Law, Professor, Professor at the Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I, Voronezh
<https://orcid.org/0000-0003-1525-724X>
liva2006@yandex.ru

Logunova N. Vladimirovna, Research Fellow, Bunin Yelets State University, Yelets, Russia
logunova.nw@gmail.com

Boris B. Kondratenko – PhD in History Sciences, Junior Research Fellow, Institute of History, Archaeology, Ethnography, and Ethnology of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok
kpe.kob@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8810-9753>

Konstantin B. Kudlanov, PhD in History Sciences, Senior Lecturer, Department of Humanities and Natural Sciences, Kursk Academy of Public and Municipal Administration, Kursk; Research Fellow, BuninYelets State University, Yelets
<https://orcid.org/0000-0002-9734-3178>
kudlanov777@mail.ru

Vadim V. Kulachkov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Bryansk State University of Engineering and Technology, Bryansk
<https://orcid.org/0000-0002-3334-6476>
vad2517@yandex.ru

Alexander I. Morozov, Master of Arts, Belgorod Orthodox Theological Seminary (with missionary focus), Belgorod
mai-1008@yandex.ru

Vladimir A. Nevezhin, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow
<https://orcid.org/0009-0004-2762-2464>
nevva@mail.ru

Romanova N. Vasilyevna, PhD in History Sciences, Associate Professor, North Caucasus Federal University, Stavropol
<https://orcid.org/0009-0009-3437-6616>
history_d03@mail.ru

Maksim V. Salimgareev, PhD in History Sciences, Associate Professor, Kazan National Research Technological University
<https://orcid.org/0000-0002-7068-671X>
msalimga.dis@mail.ru

Luiza V. Korobitsyna, PhD (History), Associate Professor, Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-5627-0948>
lvkorobitsyna@fa.ru

Kuzma A. Yakimov, PhD in History Sciences, Associate Professor Tambov State Technical University, Tambov
<https://orcid.org/0000-0003-1756-3515>
e-mail: kuzma.yakimov@mail.ru

Scientific journal

**HISTORY:
FACTS AND SYMBOLS**

Научное издание

**ИСТОРИЯ:
ФАКТЫ И СИМВОЛЫ**

№ 3 (48) / 2026

Технический редактор – Н. П. Безногих

Техническое исполнение – В. М. Гришин

Дизайн обложки – П. А. Фрольцова

Знак информационной продукции 12+

Подписано в печать 09.09.2026

Дата выхода в свет 10.09.2026

Бумага 93,0 п.л. формат А-4. Гарнитура Times. Печать трафаретная

Тираж 1000 экз. Заказ № 55

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:

399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1

E-mail: nauka@elsu.ru

Сайт журнала: <https://history-fas.ru/>

Подписной индекс журнала **№ 43281** в объединенном каталоге «Пресса России»

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии

Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения

высшего образования

«Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»

399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение

высшего образования

«Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»

399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1

